

Сосэки Нацумэ САНСИРО

1

Ещё полусонный, он открыл глаза и увидел, что женщина успела разговориться со стариком, занявшим место рядом с нею. Вероятно, это был тот самый деревенского вида старик, который сел двумя станциями раньше. Поезд уже тронулся, когда он, громко причитая, вбежал в вагон и вдруг сбросил с плеч кимоно, обнажив спину, всю покрытую следами от прижиганий моксой. Именно поэтому он и запомнился Сансиро. Сансиро наблюдал за стариком, пока тот, вытирая пот и натягивая на себя кимоно, не уселся рядом с женщиной.

Женщина села в поезд в Киото и сразу привлекла внимание Сансиро своей смуглой кожей. По мере того как поезд приближался к Осака, кожа у женщин становилась светлее, и в душу Сансиро закрадывалась тоска по родным местам. Вот почему в этой смуглой женщине Сансиро почувствовал что-то родное. Кожа у неё была, если можно так сказать, настоящего кюсюского цвета, точь-в-точь как у О-Мицу-сан из Мивата. Эта О-Мицу-сан изрядно ему надоела, и он радовался, что расстанется с нею. Но сейчас он даже О-Мицу-сан вспоминал с умилением.

Правда, у этой женщины черты лица были более совершенны. Резко очерченные губы, живые ясные глаза и лоб не такой широкий, как у О-Мицу-сан. Словом, она производила приятное впечатление, и Сансиро то и дело посматривал на неё. Изредка их взгляды встречались. Особенно внимательно, почти не отрывая глаз, Сансиро разглядывал женщину в тот момент, когда возле неё усаживался старик. Улыбнувшись, женщина подвинулась и сказала: «Ну, садись!» Немного спустя Сансиро стало клонить ко сну, и он задремал.

Видимо, пока он спал, женщина и старик разговорились. Проснувшись, Сансиро стал молча слушать их беседу.

Женщина говорила, что в Киото игрушки дешевле и лучше, чем в Хиросиме. В Киото у неё были кое-какие дела, она задержалась и заодно купила игрушек в лавочке возле Такоякуси¹. Ей очень радостно, что после долгой разлуки она едет на родину и увидит детей. И в то же время тревожно — она едет в деревню к родителям потому, что муж вдруг перестал присылать деньги. Он долгое время был рабочим на военно-морской базе Курэ, а во время войны его отправили под Порт-Артур. После войны он вернулся домой, но вскоре заявил, что, мол, в тех краях легче подзаработать денег, и уехал в Дайрен. Первое время он письма писал и деньги присылал аккуратно, в общем, всё шло хорошо, но вот уже почти полгода от него ничего нет. Он, конечно, не изменил ей, не такой у него характер, и на этот счёт она спокойна. Но не сидеть же так до бесконечности, вот она и решила пожить пока у родителей. Это единственное, что ей остаётся.

Старик, видно, понятия не имел, что такое Такоякуси, да и игрушками не интересовался, потому вначале только поддакивал, однако, услышав о Порт-Артуре, сразу проникся сочувствием к женщине и сказал, что очень её понимает. Его сына тоже взяли на войну, и он погиб. Вообще неизвестно, кому нужны войны. Добро бы потом лучше жилось. А то убивают твою плоть — детей. Цены растут. Ничего глупее и не придумаешь. В добрые старые времена и не слышно было, чтобы кто-нибудь уезжал на заработки. Всё война натворила. Во всяком случае, надо уповать на бога. Муж, наверно, жив и работает. Надо подождать немного, он непременно вернётся... Старик горячо и искренне утешал женщину. Вскоре поезд остановился, и старик, сказав женщине! «Счастливого пути», — вышел из вагона.

¹ *Такоякуси* — название буддийского храма в Киото.

Вслед за стариком сошли ещё несколько пассажиров, а сел всего один. В полупустом вагоне и без того было уныло, а тут ещё зашло солнце. Громко топая, прошли по крышам станционные рабочие, вставлявшие зажжённые керосиновые лампы в отверстия в потолке вагонов. Сансиро вспомнил о бэнто², купленном на предыдущей станции, и принялся за еду.

Как только поезд тронулся, женщина встала и вышла из купе. Только сейчас он обратил внимание на цвет её оби. Отправив в рот кусок сваренной на пару форели и усиленно двигая челюстями, он подумал: «Наверное, вышла по нужде».

Женщина вскоре вернулась и встала так, что Сансиро мог видеть её лицо. Энергично работая палочками для еды, Сансиро склонился над коробкой и доел последние кусочки рыбы. Женщина как будто не собиралась садиться и стояла, не меняя позы. Но как только Сансиро взглянул на неё, она двинулась было с места, потом остановилась и высунула голову в окно. Он видел, как развевались на ветру её волосы. В этот момент он как раз с силой швырнул в окно пустую коробку из-под еды, но тут же испугался собственной оплошности: ему показалось, что подхваченная встречной струёй воздуха крышка коробки, кружась, летит обратно, а женщина стояла у соседнего окна. Он быстро посмотрел в её сторону. Однако женщина как ни в чём не бывало подалась назад и принялась тщательно вытирать лоб ситцевым платком. Сансиро решил, что на всякий случай лучше извиниться, и сказал:

— Прошу прощения!

— Ничего, — ответила женщина, всё ещё вытирая лицо. Сансиро виновато замолчал. Женщина тоже больше ничего не сказала и снова высунулась в окно. Остальные пассажиры дремали при тусклом свете фонаря. Тишину нарушал только оглушительный грохот колёс поезда.

Сансиро закрыл глаза, но вскоре открыл их, услышав голос женщины: «Скоро Нагоя, да?» Спрашивая, женщина слегка наклонилась к Сансиро. Несколько удивлённый, он ответил: «Да», — хотя не имел об этом ни малейшего представления, так как ехал в Токио в первый раз.

— Поезд, пожалуй, опоздает, чересчур медленно идёт!

— Пожалуй, опоздает.

— Вы тоже сходите в Нагое?

— Да.

Нагоя была конечной станцией. Обменявшись этими ничего не значащими словами, оба умолкли. Женщина села чуть наискосок от Сансиро. Снова наступила тишина, нарушаемая лишь стуком колёс.

На следующей станции, извинившись за беспокойство, женщина попросила Сансиро, когда они приедут в Нагую, проводить её в гостиницу. Страшновато одной, пояснила она. Всё это так, но Сансиро не знал, как поступить. Он ведь её совсем не знает. Ответить отказом не хватило духу, он промямлил что-то невнятное и всю дорогу до Нагой мучился сомнениями.

Весь багаж Сансиро был отправлен малой скоростью до Симбаси — это избавляло его от лишних хлопот. Так что из вагона он вышел с парусиновым чемоданчиком и зонтом. На голове у него была гимназическая фуражка, правда, без значка — после окончания колледжа он его не носил. Следом за ним шла женщина, и Сансиро, в своей гимназической фуражке, чувствовал себя очень неловко. Она наверняка думает, размышлял он, какая на нём дешёвая и грязная фуражка. Но что он мог сделать?

Вместо половины десятого поезд прибыл в начале одиннадцатого — опоздал почти на сорок минут. Но, несмотря на позднее время, на улицах в эту жаркую пору было оживлённо, как ранним вечером. Рядом с вокзалом было несколько гостиниц, однако все они показались Сансиро чересчур роскошными. Поэтому он с независимым видом миновал эти ярко

² *Бэнто* — завтрак в коробке, который берут из дому или покупают.

освещённые трёхэтажные здания и не спеша зашагал дальше. Разумеется, он шёл наугад по этому незнакомому городу, стараясь попасть в более скромный район. Женщина молча следовала за ним. Наконец они очутились в довольно тихом переулке и здесь на втором от угла доме увидели вывеску «Гостиница». Эта неказистая, вывеска вполне устраивала и Сансиро и женщину. Обернувшись, Сансиро спросил: «Подходит?» «Конечно», — ответила женщина, и они решительно вошли внутрь. Они не успели даже предупредить, что нужны две отдельные комнаты, потому что они не муж и жена, как на них обрушился поток слов: «Добро пожаловать... Входите, пожалуйста... Сию минуту проводим... Четвёртая комната «Павильона сливы»...»³ И им ничего не оставалось, как позволить отвести себя в четвёртую комнату «Павильона сливы».

В ожидании, пока служанка принесёт чай, они рассеянно смотрели друг на друга. Когда же пришла служанка и сказала, что ванна готова, Сансиро просто не решился сообщить, что женщина не имеет к нему никакого отношения. Взяв полотенце, он отправился в ванную, извинившись, что идёт мыться первым. В ванной, которая находилась в самом конце коридора, рядом с уборной, было полутемно и довольно грязно. Сансиро разделся и залез в ванну. «Весёленькая история», — думал он, плескаясь в воде. В это время в коридоре послышались шаги. Кто-то, похоже, зашёл в уборную, потом вышел и стал мыть руки. Затем скрипнула и приоткрылась дверь, и женщина спросила: «Помыть вас?» Сансиро поспешно крикнул: «Нет, нет, я уже вымылся!» Однако женщина решительно переступила порог и начала развязывать оби — видимо, собиралась мыться вместе с Сансиро. И при этом нисколько не стеснялась. Зато Сансиро выскочил в смятении из воды, наспех обтёрся, вернулся в номер и уселся на дзабутон⁴. Как раз в это время служанка принесла регистрационную книгу.

Сансиро взял книгу и написал о себе всё, как есть: «Сансиро Огава, 23 года, студент, префектура Фукуока, уезд Мияко, деревня Мисаки». Как записать женщину, он совершенно себе не представлял, но служанка ждала, и он написал первое, что взбрело в голову: «Фамилия та же, имя Хана, 23 года, та же префектура, тот же уезд, та же деревня». Он отдал книгу служанке и принялся с усердием обмахиваться веером.

Вскоре женщина вернулась.

— Вы уж, пожалуйста, извините меня, — сказала она.

— Да нет, ничего, — ответил Сансиро.

Сансиро достал из чемоданчика дневник, но записывать было нечего. Если б не эта женщина, он столько бы мог написать! Но тут женщина сказала: «Я сейчас», — и вышла. После этого Сансиро стал думать, куда она пошла, и ни на чём больше не мог сосредоточиться.

Снова вошла служанка. Стелить постель. Она принесла всего один широкий тюфяк. Сансиро заикнулся было о второй постели, но горничная заявила, что комната слишком мала, да и сетка от москитов невелика и ничего нельзя было сделать. Да и к чему, в самом деле, ей были лишние хлопоты? В конце концов она пообещала, когда вернётся управляющий, попросить у него ещё один тюфяк, а постель всё же постелила под одной москитной сеткой и ушла.

Вскоре женщина вернулась, сказала, что время позднее, и стала возиться около москитной сетки, чем-то позвякивая. Вероятно, игрушками, которые она везла в подарок детям. Но потом, видимо, снова завязала свой узел, и из-за полога послышался её голос: «Извините, я лягу первая». — «Да, да», — откликнулся Сансиро и, отвернувшись, сел на порог. Может быть, так и провести ночь? Но здесь столько комаров! Изведут! Сансиро вскочил, вынул из чемодана миткалёвую рубашку и кальсоны, надел их и подпоясался

³ В японских национальных гостиницах помещения обозначаются названиями цветов, растений, птиц.

⁴ *Дзабутон* — подушка для сиденья.

тёмно-синим шнуром. Затем, прихватив два полотенца, забрался под сетку.

— Вы извините, но я терпеть не могу спать на чужом тюфяке... И сейчас приму кое-какие меры против блох... Вы уж не взыщите...

С этими словами Сансиро скатал свободный край простыни, соорудив таким образом посреди постели перегородку. А, когда женщина повернулась к стене, он расстелил в длину оба полотенца и вытянулся на них. В эту ночь ни рука, ни нога Сансиро ни да дюйм не сдвинулись за пределы его довольно узких полотенец. С женщиной он не обмолвился ни словом. Она тоже не шевелилась и лежала, отвернувшись к стене.

Наконец рассвело. Когда они умылись и уселись за стол, женщина с улыбкой спросила: «Ну что, не тревожили вас блохи?» — «Нет, спасибо, вы очень добры», — с серьёзным видом ответил Сансиро, глядя в пол и отправляя в рот одну за другой бобовые пастилки.

Когда, расплатившись и покинув гостиницу, они пришли на вокзал, женщина сообщила Сансиро, что едет в сторону Йоккайти по Кансайской линии. У неё оставалось ещё немного времени, и она проводила Сансиро до самого выхода на перрон, сказав на прощанье:

— Я доставила вам много хлопот... Счастливого пути!

Она вежливо поклонилась. А Сансиро, держа в одной руке чемоданчик и зонт, свободной рукой снял свою старую фуражку:

— До свиданья!

Женщина пристально на него посмотрела и вдруг очень спокойно проговорила:

— А вы робкий! — И насмешливо улыбнулась при этом.

Сансиро будто щёлкнули по носу. И у него ещё долго горело лицо.

Некоторое время он сидел, съжившись, и не двигался. Вскоре раздался свисток кондуктора, слышный из конца в конец длинного состава, в поезд тронулся. Сансиро встал и украдкой выглянул в окно. Но женщины уже не увидел. Лишь большие вокзальные часы бросились ему в глаза. Сансиро снова сел. Никто не обратил на него внимания, хотя в вагоне былолюдно. Только мужчина, сидевший наискосок от Сансиро, скользнул по нему взглядом.

От этого взгляда Сансиро стало почему-то не по себе. Чтобы рассеять тревогу, он решил почитать и открыл чемодан. Там наверху лежали полотенца, на которых он спал. Сдвинув их, Сансиро вытащил первую попавшуюся под руку, книгу. Это оказались «Статьи» Бэкона в жалкой тонкой бумажной обложке. Он их так и не понял, сколько ни читал. Несколько книг не уместилось в большой корзине, и он бросил их, в том числе и Бэкона, в чемоданчик. Но ни одна из них не годилась для чтения в дороге. Сансиро раскрыл Бэкона на двадцать третьей странице. Он вообще сейчас был не в силах читать, тем более Бэкона. Однако книгу он раскрыл с должным уважением и стал пробегать глазами строку за строкой, в то же время перебирая в памяти события вчерашнего вечера.

Что, собственно, представляет собой эта женщина? Просто не верится, что есть такие на свете и что создание, именуемое женщиной, может быть столь спокойным и невозмутимым. Смелая она или невежественная? Может быть, просто наивная? Но что он мог сказать о ней, раз не вышел за пределы дозволенного? Он просто струсил. Услышав на прощанье: «А вы робкий!» — он был ошарашен, словно его уличили в том, что ему всего двадцать три года. Даже родители не могли бы сказать более метко.

От этих мыслей Сансиро окончательно приуныл. После такой пощёчины, казалось ему, полученной бог знает от кого, стыдно смотреть людям в глаза, да и перед двадцать третьей страницей Бэкона он тоже кругом виноват.

Нельзя всё же так теряться. И дело тут совсем не в образовании, а в характере. Можно было вести себя несколько иначе. Но если и впредь он окажется в подобном положении, он всё равно не сможет поступить по-другому.

И тем не менее, думал Сансиро, он малодушен. И чересчур стеснителен, словно физически неполноценен. И всё же...

Тут Сансиро отогнал прочь все эти мысли и заставил себя думать о другом. Он едет в Токио. Там он поступит в университет. Будет общаться с известными учёными. Со студентами, людьми культурными, обладающими хорошим вкусом. Будет посещать

библиотеку. Займётся литературной работой. Завоюет популярность. И всем этим доставит матери радость. Наивные мечты о будущем помогли Сансиро обрести душевное равновесие, и теперь уже незачем было зарываться лицом в двадцать третью страницу Бэкона. Сансиро поднял голову и снова встретился взглядом с сидевшим напротив мужчиной, но на этот раз не отвёл глаз.

Худощавый, с густыми усами и длинным лицом, этот мужчина чем-то напоминал синтоистского священника, только нос у него был прямой, как у европейца. Судя по белому касури⁵, видневшейся из-под него безупречно белой рубашке и тёмно-синим таби⁶, он был учителем средней школы, что Сансиро, человеку с большим будущим, не внушало почтения. Ему, пожалуй, уже все сорок, и теперь он вряд ли чего-нибудь добьётся в жизни.

Мужчина непрерывно курил. Он казался на редкость флегматичным, пока сидел, скрестив руки на груди и выпуская из носа длинные струи дыма. Правда, он часто выходил, то ли по нужде, то ли ещё зачем-то, и, вставая, энергично потягивался. Он, видимо, томился скукой, но не проявлял ни малейшего интереса к газете, которую уже успел прочесть и положить рядом с собой его сосед. Дивясь этому, Сансиро закрыл Бэкона и решил было почитать какой-нибудь роман, но достать его из чемодана поленился. Он охотно почитал бы газету, но владелец её, как нарочно, крепко спал. Сансиро всё же потянулся к газете, спросив на всякий случай человека с усами: «Никто не читает?» Тот спокойно ответил: «Как будто нет, возьмите». Сансиро нерешительно взял газету. Развернул — ничего интересного! Буквально за две минуты он просмотрел её всю от начала до конца, аккуратно сложил и, кладя на место, слегка поклонился. Пассажир с усами кивнул и спросил:

— Вы учились в колледже?

— Да, — ответил Сансиро, радуясь тому, что след от значка на его старой фуражке привлёк внимание этого человека.

— В Токио?

— Нет, в Кумамото... Но теперь... — начал было Сансиро и замолчал, так и не сообщив, что собирается поступать в университет. А пассажир с усами ограничился неопределённым: «А, так, так», — и продолжал дымить сигаретой. Даже не полюбопытствовал, почему Сансиро едет из Кумамото в Токио. Видно, учащиеся из Кумамото его совершенно не интересовали. В это время крепко спавший пассажир произнёс, по-видимому, во сне: «Гм, в самом деле». Пассажир с усами взглянул на Сансиро и усмехнулся. Воспользовавшись этим, Сансиро спросил:

— А вы куда едете?

— В Токио, — нехотя ответил тот. Он почему-то больше не казался Сансиро учителем средней школы. Одно было ясно, что персоне он не очень-то важная, раз едет в третьем классе. Сансиро не стал продолжать разговор. Усатый же, сидя по-прежнему со скрещёнными на груди руками, изредка постукивал по полу ногой. Он, видно, и в самом деле очень скучал, но явно не был расположен к разговору.

В Тоёхаси крепко спавший пассажир вскочил и, протирая глаза, вышел из вагона. Вот как важно уметь проснуться вовремя, подумал Сансиро. Он понаблюдал за пассажиром из окна: не перепутал ли тот со сна станцию? Ничуть не бывало. Человек спокойно миновал контролёра и бодро зашагал по направлению к городу.

Сансиро успокоился и пересел на противоположную скамью, рядом с усатым. А тот высунулся в окно, чтобы купить персики.

— Не хотите ли? — Он положил персики между собой и Сансиро.

Сансиро поблагодарил и взял персик. Усатый, видимо, очень любил персики и поглощал их один за другим.

⁵ Касури — японская летняя одежда из белой материи с синим или чёрным узором.

⁶ Таби — японские носки из плотной материи с отделённым большим пальцем.

— Берите ещё, — сказал он Сансиро. Сансиро съел ещё персик. Постепенно они разговорились.

Усатый заявил, что персик, не в пример другим фруктам, фрукт святой, как отшельник⁷. И вкус у него какой-то странный, а главное, косточка нескладная, шероховатая — вот забавно! «Что за чушь он несёт», — подумал Сансиро, никогда не слышавший ничего подобного.

А усатый продолжал рассказывать. Он сообщил Сансиро, что Сики⁸ очень любил фрукты и мог съесть их сколько угодно. Однажды он проглотил один за другим шестнадцать крупных плодов хурмы. И хоть бы что. Мне, заявил усатый, никак не угнаться за Сики... Сансиро рассмеялся. О Сики, по крайней мере, интересно было слушать. «Может быть, он ещё что-нибудь расскажет о знаменитом поэте?» Однако собеседник заговорил совсем о другом.

— Рука как-то сама тянется к тому, что любишь. И ничего тут не сделаешь. У свиньи, скажем, нет рук, так она тянется рылом. Говорят, что если свинью крепко связать и поставить перед ней еду, рыло у неё будет постепенно вытягиваться до тех пор, пока не достанет до еды. Вот уж поистине, охота пуще неволи.

Он добродушно улыбнулся. Трудно было понять, говорит он серьёзно или шутит.

— Так вот, повезло нам с вами, что мы не свиньи. Не то туго бы нам пришлось. Наши носы, следуя нашим желаниям, вытянулись бы до таких размеров, что в поезд нам было бы не сесть.

Сансиро прыснул. Однако усатый, как ни в чём не бывало, продолжал:

— Нет, в самом деле это опасно. Жил такой человек по имени Леонардо да Винчи, так он в качестве опыта в ствол персикового дерева ввёл мышьяк. Хотел, видите ли, узнать действие яда на плоды. Но кто-то поел персиков с его дерева и умер. Опасная штука! Очень опасная. Лучше не рисковать.

С этими словами он завернул косточки и кожуру от персиков в газету и выбросил за окно.

У Сансиро вдруг пропала всякая охота смеяться. Имя Леонардо да Винчи привело его почему-то в трепет, он вдруг вспомнил о вчерашнем вечере и притих. Но усатый, видимо, этого не заметил.

— Где же вы собираетесь остановиться в Токио?

— Пока не знаю. Дело в том, что я еду туда впервые... Вначале, может быть, устроюсь в студенческом общежитии нашей префектуры...

— Значит, Кумамото уже...

— Да вот только окончил.

— А, так, так, — сказал усатый, опустив «поздравляю» или «прекрасно», и спросил: — Хотите, значит, поступать в университет? — Спросил, как о чём-то самом обыденном. Сансиро даже обиделся. И ответил лишь коротко:

— Да.

— А на какой факультет? — последовал вопрос.

— На первый.

— На юридическое отделение?

— Нет, на филологическое.

Усатый снова произнёс своё «так, так», которое всякий раз вызывало у Сансиро какое-то странное ощущение. Этот человек либо важная птица, либо вообще смотрит на других

⁷ Сравнение основано на игре слов: персик может обозначаться иероглифами, обозначающими «священный плод»; согласно древней китайской легенде, персик является атрибутом небесной феи Сиванму.

⁸ Поэт *Масаока Сики* (1867–1902), основатель журнала «Хототогису» («Кукушка»), органа поэтов, писавших в жанре «хайку». С Нацумэ, который сотрудничал в этом журнале, его связывала тесная дружба.

свысока, а может быть, у него просто весьма смутное представление об университете. Какое из трёх предположений верно — неизвестно, и Сансиро поэтому не знал, как следует вести себя с усатым.

В Хамамацу оба, точно сговорившись, стали завтракать. Поезд всё ещё стоял. По перрону прогуливались иностранцы. Среди них, видимо, была супружеская пара. Несмотря на жару, они ходили под руку. Одета во всё белое, женщина была необыкновенно хороша. За всю свою жизнь Сансиро довелось знать всего нескольких европейцев: двух преподавателей колледжа в Кумамото — одни из них, правда, был горбун, и миссионерку, которую он, однажды видел, с острыми чертами лица, очень напоминавшую щуку. Не удивительно поэтому, что элегантно одетая красавица иностранка была ему не просто в диковинку, а казалась существом высшего порядка. Сансиро как замороженный смотрел на неё не отрывая глаз. При такой внешности, решил он, можно простить и надменность, и тут же подумал, насколько жалким выглядел бы он в Европе среди таких вот людей. Как ни прислушивался Сансиро к разговору супругов, когда они проходили мимо его окна, он ничего не мог понять, настолько отличалось их произношение от того, которому учили в колледже.

Усатый тоже выглянул в окно из-за спины Сансиро.

— Всё ещё никаких признаков отправления? — спросил он, посмотрел на европейцев-супругов и, подавляя зевоту, вполголоса заметил: — Красавица, правда?

Тут Сансиро спохватился, что ведёт себя как деревенщина, резко отвернулся от окна и сел на своё место. Последовав его примеру, сосед сказал:

— Да, ничего не скажешь, европейские женщины действительно хороши.

Сансиро не нашёл, что ответить, лишь улыбнулся. Усатый продолжал:

— Бедняги мы с вами. Ни лицом не вышли, ни ростом не удалась, и ничто нам уже не поможет: ни победа в войне с Россией, ни даже превращение Японии в перворазрядную державу. Впрочем, под стать нам и дома и сады. Вы вот не бывали ещё в Токио и не видели Фудзисан. Она скоро покажется. Это единственная достопримечательность Японии. Больше похвалиться нечем! Но ведь Фудзисан существует сама по себе. Не мы её создали.

Усатый опять усмехнулся. Встреча с таким человеком была для Сансиро полной неожиданностью, особенно после русско-японской войны. Просто не верилось, что он японец.

— Но теперь наша страна день ото дня будет развиваться, — вступился за Японию Сансиро.

— Погибнет! — спокойно изрёк усатый.

«В Кумамото избили бы за такие речи. А то и к ответу притянули бы как государственного преступника», — подумал Сансиро, у которого не могло даже возникнуть подобных мыслей. Поэтому он решил, что усатый над ним потешается, пользуясь его молодостью. Тот и в самом деле улыбался своей добродушной улыбкой. Однако тон у него был совершенно серьёзный, и Сансиро, озадаченный, замолчал. Тогда усатый сказал:

— Токио больше Кумамото. Япония больше Токио. А человеческая мысль... — Он сделал паузу, взглянул на Сансиро и, убедившись, что тот слушает, сказал: — Человеческая мысль необъятна. Нельзя заниматься самообманом, иначе вместо пользы принесёшь Японии вред.

При этих словах Сансиро впервые по-настоящему ощутил, что покинул Кумамото. В то же время он не мог не подумать, насколько был труслив, когда жил там.

В Токио поезд прибыл вечером, и Сансиро расстался с усатым, который так и не назвал своего имени. Впрочем, Сансиро это не очень интересовало, он полагал, что подобных людей будет встречать в Токио на каждом шагу.

Многое в Токио удивляло Сансиро: и как звенят трамваи, и какое множество людей успевает войти и выйти из вагонов, и здания делового квартала Маруноути. Но больше всего его поразило то, что идёшь-идёшь по Токио, а конца всё нет. Везде, где бы он ни бродил, он видел штабеля строительного леса, груды камня, в глубине кварталов возводились новые дома, а перед ними продолжали ещё стоять старые, полуразрушенные. Казалось, что всё рушится. И в то же время строится. Всё было в движении, менялось буквально на глазах.

Сансиро был подавлен тем, что чувствовал себя словно деревенский житель, впервые попавший в большой город. Все знания, полученные им в колледже, оказались вдруг несостоятельными, как патентованное средство против болезни. Он растерял чуть ли не наполовину уверенность в себе, и это очень его угнетало.

Если такая кипучая деятельность и есть реальный мир, значит, до сих пор он жил вне его, словно средь бела дня спал на перевале Хорагатоэ⁹. Так может ли он сейчас проснуться и начать действовать? Трудный вопрос. Он попал в самый центр деятельности пока лишь в качестве наблюдателя, поскольку, как и прежде, был всего-навсего студентом. Всё в мире непрерывно движется, он это видит, но вынужден оставаться безучастным. Его мир и мир реальный лежат в одной плоскости, но ни в одной точке не соприкасаются. Сансиро не угнаться за непрерывно движущимся миром. И это сильно его тревожит.

Такие чувства обуревали Сансиро, когда он, стоя в самом центре Токио смотрел на пронесившиеся мимо трамваи, поезда, на людей в белых кимоно, на людей в чёрных кимоно. Сансиро и не подозревал о существовании другого мира, мира духовного, составляющего внутреннюю жизнь студентов. Идеи Мэйдзи преобразили Японию за сорок лет. На подобные коренные перемены Западу понадобилось целых три века.

Однажды, когда Сансиро, сидя дома, скучал в одиночестве в самом центре беспрерывно меняющего свой облик Токио, пришло письмо от матери. Первое письмо, полученное им в Токио. Мать писала обо всём понемножку. Прежде всего она сообщала, что нынче, хвала господу, богатый урожай, затем просила его беречь здоровье, а также остерегаться хитрых и злых людей, которых так много в Токио («так что будь осторожен»). Из письма он узнал, что деньги на ученье будет получать в конце каждого месяца («так что не беспокойся»). Заканчивалось письмо сообщением о двоюродном брате Масэ-сан из семьи Кацуда, который, как она слышала, окончил естественный факультет и теперь, кажется, работает в университете. Пусть Сансиро его навестит и попросит помочь. Имя этого человека, что было, собственно, самым главным, она, видимо, поначалу забыла написать, так как на полях была приписка: «Г-н Сохати Нономия», и несколько новостей. Ао, чёрный конь Саку, вдруг заболел и издох, Саку очень переживает. О-Мицу-сан принесла в подарок форель, и они всю её съели — в Токио, увы, не пошлешь, протухнет в дороге. И ещё кое-что в том же духе.

От письма на Сансиро пахнуло стариной. Ему просто некогда читать подобные письма. Только вот матушку не хочется обижать. Тем не менее он перечёл письмо дважды. Ведь, по существу, реальный мир, с которым он сейчас соприкасается, — это мать. Она живёт по старинке в деревне. Есть ещё женщина, с которой он ехал вместе в вагоне. Но она мелькнула, как молния, и Сансиро едва ли может считать её чем-то реальным. Поразмыслив, Сансиро решил навестить Сохати Нономию, как наказала мать.

Следующий день выдался особенно жарким. «Вряд ли в каникулы я найду Нономию в университете», — думал Сансиро. Однако адреса его мать не сообщила, и Сансиро решил

⁹ *Хорагатоэ* — горный перевал на границе префектур Киото и Осака. Здесь в 1582 г. расположил свой лагерь Цуцуми Дзюмиэн, военачальник, находившийся на службе объединителя Японии сёгуна Ода Нобунага. Он бездействовал, выжидая исхода сражения между Тоётоми Хидэёси (сподвижником Ода Нобунага) и Акэти Мицухидэ (приближённым Ода Нобунага, изменившим ему предательски убившим его в храме Хонгандзи и затем повернувшим свои войска против Тоётоми Хидэёси), чтобы решить, к кому из них примкнуть. Это событие стало синонимом либо выжидательной позиции, либо двуличной и предательской политики.

всё же сходить на факультет навести справки. Около четырёх часов дня, миновав здание колледжа, Сансиро вошёл в ворота университета со стороны улицы Яёи. На двухдюймовом слое пыли, покрывавшем улицу, виднелись отпечатки гэта, ботинок, варадзи¹⁰, не говоря уже о следах колясок рикш и велосипедов — они попадались на каждом шагу. Идти было душно и противно. Правда, в университетском дворе Сансиро почувствовал облегчение: там росло много деревьев. Первая дверь, которую он толкнул, оказалась запертой. Обогнул здание — тоже напрасно. Наконец он заметил боковую дверь. На всякий случай толкнул — она подалась. В коридоре дремал служитель. Сансиро объяснил ему цель своего прихода. Некоторое время служитель разглядывал рощу Уэно за окном, видимо, никак не мог проснуться, потом вдруг сказал: «Он, кажется, здесь», — и ушёл куда-то. Ничто не нарушало тишины. Вскоре служитель вернулся и сказал:

— Пройдите.

Сказал просто, словно старому приятелю. Сансиро торопливо последовал за служителем, свернул за угол и по коридору с цементным полом спустился вниз. Сразу стало темно, будто после яркого, слепящего солнца. Но через некоторое время глаза привыкли к темноте и стали различать окружающие предметы. Слева показалась настежь открытая дверь. Из неё высунулась голова: широкий лоб, большие глаза. Черты лица, как у буддийского бонзы. Очень высокий и очень худой, что, видимо, помогало легко переносить жару. Поверх летней рубашки накинута пиджак, кое-где в пятнах. Человек поклонился.

— Пожалуйста сюда, — сказал он, и голова его скрылась в комнате. Сансиро подошёл и заглянул внутрь. Нономия уже сидел на стуле. — Пожалуйста сюда, — повторил он, жестом указывая на скамейку — доску, положенную на четыре столбика. Сансиро представился и сел. Потом сказал:

— Рад познакомиться.

Нономия закивал, повторяя:

— Да, да.

И Сансиро сразу вспомнил попутчика — любителя персиков. Сансиро объяснил, что его привело сюда, и замолчал. Молчал и Нономия.

Сансиро стал оглядывать комнату. Посредине стоял длинный дубовый стол. На столе — какой-то большой стеклянный сосуд с водой. Тут же валялись напильник, нож и одна запонка. В противоположном углу на гранитной подставке, примерно в метр длиной, Сансиро увидел сложный прибор величиной с большую банку из-под маринованных овощей и обратил внимание на два отверстия в его стенке. Они сверкали, как глаза удава.

— Блестят, а? — смеясь, произнёс Нономия. Затем стал объяснять: — Днём подготавливаю всё, а поздно вечером, когда стихает шум транспорта и все остальные шумы, спускаюсь сюда, в подвал, и через подзорную трубу смотрю в эти похожие на глаза отверстия. Это опыт с давлением светового луча. Я начал его ещё в январе нынешнего года, но столько возни с аппаратурой, что ожидаемых результатов пока ещё не удалось получить. Летом здесь сравнительно легко работать, зато в холода совершенно невозможно. Даже в пальто и в шарфе коченеешь...

Сансиро слушал и удивлялся. И в то же время не мог понять, что это за давление светового луча и для чего оно служит.

— Взгляните-ка! — сказал Нономия.

Сансиро забавы ради подошёл к подзорной трубе, находившейся метрах в пяти от прибора, и приткнулся к ней глазом, но ничего не увидел.

— Ну, что? — спросил Нономия.

— Ничего не видно, — ответил Сансиро.

— Гм, наверно, крышка не снята, — пробормотал Нономия, встал со стула и убрал что-

¹⁰ *Гэта* — национальная обувь, деревянная подошва с двумя поперечными подставками, держится на двух ремешках, в один из которых продевается большой палец. *Варадзи* — соломенная обувь.

то, надетое на передний край трубы.

Сансиро опять посмотрел в подозрную трубу и на этот раз увидел тускло-белый фон и на нём чёрные деления, как на линейке. Потом появилась цифра 2.

— Ну, что? — спросил Нономия.

— Вижу цифру два, — ответил Сансиро.

— Сейчас начнёт двигаться, — сказал Нономия, повернулся спиной к Сансиро и стал что-то делать.

Вскоре шкала действительно стала двигаться. Двойка исчезла, появилась тройка, затем четвёрка, пятёрка и, наконец, десятка. После этого шкала стала двигаться в обратном направлении: десять, девять, восемь, и так до единицы. Потом остановилась. «Ну, что?» — спросил Нономия. Сансиро, удивлённый, оторвал глаз от подозрной трубы, но спросить о назначении шкалы не решился.

Вежливо поблагодарив, Сансиро вышел из подвала и поднялся наверх, туда, где были люди. Жара ещё не спала, но Сансиро вздохнул с облегчением. Солнце, всё ещё ярко светившее, клонилось к западу, бросая косые лучи на широкий склон, по обеим сторонам которого стояли здания технологического факультета, и окна их пылали огнём. Глубокое чистое небо с западного края алело пламенем, и даже голова Сансиро, казалось, была окружена ореолом. По левую сторону от зданий факультета была рощица, пронизанная сейчас лучами вечернего солнца, окрасившего багрянцем просветы между тёмной листвой. На толстых вязах трещали цикады. Сансиро подошёл к пруду и опустил на корточки.

Сюда не доносился шум трамваев, и было очень тихо. Университетское начальство заявило протест, когда хотели пустить трамвай мимо главного входа в университет, и теперь трамвай ходил по Коисикава. Об этом Сансиро как-то прочёл в газете, ещё когда жил дома, и сейчас это вдруг пришло ему на память вместе с другой мыслью: университет далёк от жизни общества, там боятся даже трамвайного шума.

В университете можно встретить такого человека, как Нономия-кун¹¹, который чуть ли не весь год сидит в подвале и проводит научные опыты. Одет он так скромно, что его можно принять за рабочего электрокомпании. Тем большего он заслуживает уважения за то, что в холодном подвале с радостью отдаётся своей работе. Однако движение шкалы в подозрной трубе не имеет ни малейшего отношения к реальной жизни. Но, может быть, эта реальная жизнь нисколько не интересует Нономию-кун и этому способствует спокойный воздух, которым он дышит? А что, если и он, Сансиро, попробует вести жизнь затворника-учёного?

Сансиро задумчиво глядел на гладкую поверхность пруда, в котором отражались деревья и голубое небо. На какой-то миг Сансиро забыл обо всём: о трамваях, о Токио, о Японии. Но вскоре его радужное настроение заволочло облачко грусти. Он почувствовал себя одиноким, как если бы его одного оставили в подвале Нономии. Ещё учась в колледже в Кумамото, он не раз поднимался на Тацутаяму, где было ещё тише, чем здесь, лежал на спортплощадке, сплошь поросшей жёлтой примулой, и тоже забывал обо всём на свете, но такое одиночество ощутил впервые.

Быть может, на него подействовала кипучая жизнь Токио? Или же... Сансиро покраснел. Вспомнилась женщина, ехавшая с ним в поезде. Оказывается, реальный мир ему очень и очень нужен. Только он кажется опасным и неприступным. Тут Сансиро заторопился домой, писать матери письмо.

Вдруг он заметил на противоположном берегу двух девушек, стоявших на краю обрыва, поросшего деревьями. За деревьями, озарённый последними лучами солнца, виднелся красный кирпичный дом в готическом стиле. Сансиро сидел в тени, и потому и девушки и холм казались ему ярко освещёнными. Одна из девушек заслонила веером, и Сансиро не видел её лица, зато отчётливо разглядел цвет кимоно и оби. Что поразило его, так

¹¹ Кун — суффикс, присоединяемый к именам и фамилиям при фамильярном обращении или обращении к сверстнику.

это белизна её таби. Он заметил также, что обута девушка в дзори¹², не рассмотрел только, какого цвета на них ремешки. Вторая девушка была вся в белом, без веера. Щурясь от солнца, она смотрела на многолетние деревья, раскинувшие свои ветви над прудом. Девушка с веером стояла впереди, чуть-чуть загораживая девушку в белом.

Всю эту картину Сансиро воспринял лишь как удивительно красивое сочетание красок. Однако, выросший в провинции, он не смог бы выразить словами её очарование. Он решил только, что девушка в белом — сестра милосердия.

Сансиро не сводил с девушек восхищённого взгляда. Вот девушка в белом медленно, легко пошла вперёд. За ней последовала девушка с веером. Вместе они стали неторопливо спускаться вниз по склону.

У самого склона был мостик. Он вёл прямо к зданию естественного факультета. Девушки перешли его неподалёку от того места, где сидел Сансиро.

Девушка с веером нюхала маленький белый цветок, который держала в левой руке, и то и дело внимательно его разглядывала. Метрах в трёх от Сансиро она вдруг остановилась.

— Что это за дерево? — спросила девушка, глядя вверх. Она стояла под огромным тенистым буком, его ветви почти касались воды.

— Это бук, — наставительно, как ребёнку, ответила девушка в белом.

— В самом деле? А орехов ещё нет? — Девушка оторвала глаза от бука и тут заметила Сансиро. Сансиро буквально физически ощутил на себе взгляд её чёрных глаз. В этот миг поблёкли удивительные краски кимоно. Сансиро не смог бы выразить охватившее его чувство. Оно было сродни тому, что он испытал тогда, на станции, когда услышал: «А вы робкий!» Это привело Сансиро в смятение.

Когда девушки проходили мимо Сансиро, та, что держала веер, уронила на землю, прямо к ногам Сансиро, маленький белый цветок. Она казалась моложе девушки в белом. Сансиро смотрел им вслед. Девушка с веером шла позади, и Сансиро видел её оби с вытканым на ярком фоне камышом. Причёску её украшала белоснежная роза. Она сверкала в чёрных волосах девушки.

Сансиро в полной растерянности едва слышно пробормотал: «Всё в мире противоречиво!» Что он имел в виду? Атмосферу университета, так не вязавшуюся с обликом этих девушек? Удивительную гармонию красок и взгляд чёрных глаз? Девушку с веером и почему-то вспомнившуюся ему женщину из поезда? Его планы на будущее или наконец собственный страх перед тем, что приносит огромную радость? Этот юноша, выросший в провинции, не смог бы ответить на такие вопросы. Просто всем существом своим он ощущал, что всё в мире противоречиво.

Сансиро поднял цветок, обронённый девушкой. Поднёс к лицу, но аромата не почувствовал. Он бросил цветок в пруд, и цветок поплыл. Вдруг кто-то окликнул Сансиро.

Он оторвал взгляд от цветка. На противоположной стороне каменного мостика стоял Нономия.

— Вы ещё здесь? — спросил он. Сансиро ничего не ответил, встал и, с трудом передвигая ноги, пошёл к своему новому знакомому. Лишь поднявшись на мостик, он крикнул:

— Да.

Вёл он себя несколько странно. Однако Нономия оставался невозмутимым.

— Вроде бы прохладно?

— Да, — ответил Сансиро.

Нономия с минуту созерцал пруд, потом стал шарить в кармане. Из кармана торчал конверт с надписью, сделанной женским почерком. Так, видимо, и не отыскав нужной ему вещи, Нономия сказал:

¹² *Дзори* — обувь на плоской (без подставок) деревянной подошве, обычно покрытой сверху плетёной соломой, узорчатой материей и т. п.; держится на двух ремешках.

— Сегодня аппарат что-то капризничает, и вечером я, пожалуй, не буду работать. Сейчас хочу прогуляться по Хонго до дому. Не составите мне компанию?

Сансиро охотно согласился. Они поднялись на вершину холма. Нономия остановился там, где недавно стояли девушки, обвёл взглядом красный дом, видневшийся из-за рощи, пруд, казавшийся мелким для такого высокого обрывистого берега, и произнёс:

— А вид неплохой, верно? Слегка заметны очертания дома в просветах между деревьями. Красиво, не правда ли? Тот дом очень искусно построен. Технологический факультет тоже хорош, но это здание — просто чудо!

Сансиро удивился умению Нономии так тонко всё подмечать. Сам он ни за что не определил бы, которое из зданий лучше, и ему ничего не оставалось, как согласиться.

— Вы посмотрите, как великолепно сочетаются эти деревья с водой, в общем-то не бог весть что, но ведь это в самом центре Токио — а как тихо, правда? Только в таком месте и можно заниматься наукой. В последнее время Токио стал слишком шумным. А вот это дворец¹³. — Нономия показал на здание слева. — Здесь проходят заседания факультетского совета. Нет, мне там делать нечего. Я вполне доволен жизнью в подвале. Наука сейчас развивается так бурно, что стоит лишь замешкаться, и сразу отстанешь. Может показаться, что человек в подвале в бирюльки играет, а на самом деле мозг его интенсивно работает, даже интенсивнее, может быть, чем трамвай. Поэтому я и летом никуда не езжу — жаль тратить время. — Нономия запрокинул голову и посмотрел на необъятное небо, где угасали последние лучи солнца.

По безмятежно спокойной синеве плыли лёгкие белые облака, словно кто-то прошёлся по небу кистью.

— Знаете, что это? — спросил Нономия.

Сансиро посмотрел на прозрачные облака.

— Это снежная пыль. Отсюда, снизу, кажется, будто она стоит на месте. На самом же деле она движется с большей скоростью, чем ураганы на земле... Вы читали Рэскина?¹⁴

Сансиро, замявшись, ответил, что читал.

— Неужели? — удивился Нономия и, помолчав, сказал: — Интересно было бы срисовать небо с натуры... Попробую сказать об этом Харагути.

Сансиро, разумеется, не слыхал о таком живописце.

От бронзового памятника Бельцу¹⁵ они свернули к храму Каратати и вышли к трамвайной линии. Когда они проходили мимо памятника, Нономия спросил:

— Как, нравится вам этот бронзовый монумент?

И опять Сансиро пришёл в замешательство.

На улице было оживлённо, один за другим проносились трамваи.

— Вас не раздражают трамваи?

Нет, трамваи не раздражали Сансиро, просто они казались ему чересчур шумными. Однако он ответил:

— Да.

— Меня тоже, — сказал Нономия, впрочем, без тени раздражения. — Сделать нужную мне пересадку я могу лишь после объяснений кондуктора. Иначе запутаюсь. За эти два-три года трамвайных маршрутов стало так много... И это удобство создало массу неудобств. Точь-в-точь как моя наука, — со смехом заметил Нономия.

Близилось начало учебного года, и на улицах встречалось много юношей в новеньких

¹³ Имеется в виду оставшаяся от феодальных времён резиденция князей Мазда.

¹⁴ Джон Рэскин (1819–1900) — английский теоретик искусства, художественный критик и публицист.

¹⁵ Эрвин фон Бельц (1849–1913) — профессор медицины, жил в Японии с 1876 по 1906 г., вёл в Токийском университете курс физиологии, патологии.

студенческих фуражках. Нономия весело на них поглядывал.

— Вон сколько их понаехало! Энергичные молодые люди. Отлично! Кстати, сколько вам лет?

Сансиро ответил.

— Значит, вы почти на семь лет моложе меня. За семь лет кое-что можно сделать. Но время так быстро летит, правда? Не успеешь оглянуться, как эти семь лет пройдут.

Сансиро так и не решил, какая из этих двух мыслей вернее.

Они подошли к перекрёстку. Здесь в многочисленных книжных лавках и у газетных киосков толпились люди. Взяв журнал, они просматривали его и возвращали продавцу.

— Ну и хитрецы! — засмеялся Нономия, полистал номер «Тайе», но тоже не купил. На углу слева находился галантерейный магазин с европейскими товарами, напротив него — с японскими товарами. Мимо них, оглушительно звеня на повороте, мчались трамваи. Из-за страшной толчеи просто невозможно было перейти улицу.

— Мне нужно кое-что купить, — сказал Нономия, указав рукой на японский магазин, и ринулся вперёд сквозь лязг и грохот. Сансиро не отставал от него ни на шаг и остановился лишь у магазина, когда Нономия вошёл внутрь. Ожидая его, Сансиро вдруг обратил внимание на разрисованные цветами гребни и заколки, выставленные в витрине. «Странно, — подумал Сансиро. — Что может там покупать Нономия-кун?» Он вошёл в магазин и увидел, что Нономия держит в поднятой руке ленту, прозрачную, как крылышки стрекозы.

— Ну, как? — спросил его Нономия.

Сансиро подумал, что неплохо бы купить что-нибудь для О-Мицу-сан в благодарность за форель. Но потом решил, что О-Мицу-сан как-нибудь не так истолкует это, и передумал.

На улице Масаго-тё Нономия повёл его в европейский ресторан, заявив, что здесь самая лучшая европейская кухня во всём районе Хонго. Однако Сансиро ничего не мог сказать по этому поводу, поскольку ел европейские блюда впервые в жизни. Тем не менее он ел всё, что подавали.

Выйдя из ресторана, Сансиро попрощался с Нономией. Он дошёл до перекрёстка и свернул налево, но, прежде чем ехать в Оивакэ, решил зайти в лавку купить гэта. Там под ярко горевшим газовым фонарём сидела сильно набелённая, словно вылепленная из гипса, девушка, похожая на привидение. Ему почему-то стало неприятно, и он раздумал покупать гэта. По дороге домой он всё время вспоминал лицо девушки, которую встретил возле пруда. Оно было розовато-коричневое, как поджаренный рисовый колобок. С очень гладкой, нежной кожей. В этом Сансиро был твёрдо убеждён.

3

Занятия начались одиннадцатого сентября. Ровно в половине одиннадцатого Сансиро был уже в университете. На доске объявлений у входа висело расписание лекций. Сансиро пришёл первым и сразу же переписал в записную книжку дни и часы лекций, которые предстояло слушать, потом зашёл в канцелярию. Он спросил находившегося там служащего, когда начнутся лекции. Тот ответил, что должны начаться сегодня.

— Но в аудиториях никого нет, — возразил Сансиро.

— Видимо, преподаватели ещё не явились, — ответил служащий.

«Пожалуй, так», — подумал Сансиро, выходя из канцелярии. Он обогнул здание факультета, остановился под вязом, посмотрел на небо: никогда ещё, казалось ему, оно не было таким нежно-голубым. Сансиро прошёл заросли низкорослого полосатого бамбука и спустился к пруду. Он то и дело поглядывал на вершину холма в надежде снова увидеть тех девушек, но никто не показывался. Так, собственно, и должно быть, размышлял Сансиро, но не уходил. Выстрел пушки, возвестивший полдень, напомнил Сансиро, что пора возвращаться домой.

На следующий день он пришёл в университет ровно в восемь. Ещё из главных ворот он увидел очень широкую аллею. Эта аллея постепенно переходила в пологий склон, и из главных ворот видна была лишь часть двухэтажного здания естественного факультета, находившегося в самом её конце. Ещё дальше блестела на утреннем солнце роща Уэно. Сансиро невольно залюбовался, этим уходящим вдаль пейзажем.

В самом начале аллеи, справа, стояло здание юридического и филологического отделений. Слева, несколько в стороне — естественно-исторический музей. По своей архитектуре оба здания были совсем одинаковы: продолговатые окна, выкрашенные в чёрный цвет островерхие крыши с узким бордюром из нежно-голубого с зеленоватым оттенком камня, который придавал своеобразное очарование ярко-красным кирпичным стенам. Сансиро ещё от Нономии слышал об этих зданиях, но сегодня ему казалось, что это не Нономия, а он сам оценил их по достоинству. Особенно поражала асимметрия расположения этих зданий: музей несколько отступал в глубину; и Сансиро решил при встрече с Нономией непременно сообщить ему о своём открытии.

Его привела в восторг также библиотека, примыкавшая к правому крылу здания юридического и филологического отделений и ничем не отличавшаяся по своей архитектуре — так, по крайней мере, казалось Сансиро. Вдоль её стен, тоже ярко-красных, росло несколько пальм, великолепно дополнявших общую картину.

Здание технологического факультета очень напоминало средневековый рыцарский замок. Оно было квадратным. Окна тоже были квадратными. Только углы здания и вход были закруглёнными, как у крепостной башни. В прочности оно тоже не уступало замку. Не то что здание юридического и филологического отделений, которое, казалось, вот-вот рухнет. Оно даже чем-то походило на приземистого борца сумо¹⁶. Сансиро любовался открывшейся ему картиной и, понимая, что видит лишь часть зданий, постепенно проникся ощущением величия университета. Таким и должен быть храм науки. Только в нём и можно вести научные исследования. Университет — это замечательно! Сансиро вдруг почувствовал себя великим учёным.

Он вошёл в аудиторию сразу после звонка, но преподавателя ещё не было. Не было и студентов. Со следующей лекцией произошло то же самое. Сансиро, раздражённый, вышел из учебного корпуса. Он дважды обошёл пруд и поехал домой.

Лекции начались лишь дней через десять. Впервые сидя в аудитории вместе со студентами в ожидании преподавателя, Сансиро испытывал поистине благоговейный трепет. «Такое чувство, — думал Сансиро, — пожалуй, испытывает священник, когда, готовясь к праздничной службе, облачается в свои одежды». Он был буквально подавлен величием науки. И это ощущение усиливалось ожиданием преподавателя, которого всё не было, хотя после звонка уже прошло целых четверть часа. Наконец дверь открылась, вошёл благообразного вида старик европеец и на английском языке начал лекцию. Сансиро всё тщательно записал в тетрадь: и что слово «answer»¹⁷ произошло от англосаксонского «and-swaгу», и название деревни, где Вальтер Скотт ходил в начальную школу. Затем была лекция по теории литературы. Войдя в аудиторию, лектор некоторое время разглядывал доску, на которой были написаны слова «Geschehen»¹⁸ и «Nachbild»¹⁹, произнёс: «А, немецкий!» — и, рассмеявшись, быстро стёр их. После этого Сансиро почувствовал к немецкому некоторое пренебрежение. Десятка два определений литературы, данных ей различными

¹⁶ Сумо — японская борьба (один из национальных видов спорта).

¹⁷ Ответ (англ.) .

¹⁸ Свершилось (нем.) .

¹⁹ Копия (нем.) .

литературоведами с давних времён, Сансиро тоже старательно занёс в тетрадь. После обеда он слушал лекцию в большой аудитории, вмещавшей примерно восемьдесят человек, поэтому естественно, что лектор не говорил, а ораторствовал. «Пушечный выстрел нарушил вековой сон Урага»²⁰, — так начал он свою лекцию. Сансиро слушал с большим интересом, но под конец лектор начал буквально сыпать именами немецких философов, и Сансиро устал. Он начал рассматривать стол и увидел вырезанное на нём слово «провалился». Чтобы так искусно и красиво вырезать буквы на толстой дубовой доске, понадобилось, видимо, немало времени. И делал это, пожалуй, не дилетант, а настоящий специалист. Сосед Сансиро увлечённо и очень усердно орудовал карандашом. Но когда Сансиро заглянул в его тетрадь, оказалось, что тот и не думает записывать. Он просто рисовал карикатуру на преподавателя. Сосед охотно показал ему свой рисунок. Рисунок получился удачный, только надпись к нему была Сансиро непонятна: «Не в гнезде ли кукушки среди облаков вечно сущего неба Сики высиживал свой журнал?»²¹

После лекции Сансиро подошёл к окну на втором этаже и, подперев голову руками, стал разглядывать университетский двор. Всё там радовало глаз своей строгой простотой и гармонией: и широкая аллея, посыпанная гравием, и росшие по обеим её сторонам высокие сосны, и деревья сакуры²². Нономия рассказывал, что ещё недавно здесь не было всей этой красоты. Один из его преподавателей, в бытность свою студентом, учился на этом дворе ездить верхом. Лошадь не слушалась и понесла его прямо под деревья. Он зацепился шляпой за ветку сосны, в то время как ноги были зажаты в стременах. Словом, вид у него был весьма плачевный. Как нарочно, в этот момент у ворот собрались парикмахеры из «Китадоко»²³ и потешались над ним. После этого случая несколько энтузиастов на собственные средства построили на территории университета конюшню, купили трёх лошадей и наняли учителя верховой езды. Однако этот учитель оказался горьким пьяницей и пропил белую лошадь, самую породистую, хоть и очень старую, по слухам, родившуюся ещё во времена Наполеона Третьего. Сансиро не очень-то верил этому, просто он думал, что было время, когда люди жили беззаботно. Его размышления прервал тот самый студент, который рисовал карикатуру.

— Ну и скучища на лекциях! — сказал он.

Сансиро ответил что-то неопределённое, поскольку, говоря по правде, совершенно неспособен был оценить лекции по достоинству. Зато с этих пор он частенько беседовал со своим новым знакомым.

В этот день Сансиро ничто не радовало — так было пасмурно у него на душе, — и он отправился домой, даже не прогулявшись вокруг пруда. После ужина он просмотрел свои записи, но остался к ним совершенно равнодушен и сел писать письмо матери.

«Начались занятия. Буду каждый день ходить на лекции. Университет занимает очень большую и очень красивую территорию, сами здания тоже очень красивые. Мне очень нравится гулять там возле пруда. К трамваям уже привык. Хотелось бы что-нибудь купить вам, но не знаю что. Если нужно что-нибудь, напишите. Рис, говорят, не сегодня-завтра подорожает, повремените с продажей. А О-Мицу-сан, по-моему, обхаживать незачем. В

²⁰ *Урага* — название части портового города Иокосука. В 1853–1854 гг. сюда пришли корабли американского копмодора Перри.

²¹ Поэт *Масаока Сики* (1867–1902), основатель журнала «Хототогису» («Кукушка»), органа поэтов, писавших в жанре «хайку». С Нацумэ, который сотрудничал в этом журнале, его связывала тесная дружба.

²² *Сакура* — японская декоративная вишня.

²³ «*Китадоко*» — название парикмахерской, в своё время находившейся против главного входа в Токийский университет.

Токио очень много людей, и мужчин и женщин». Написав это довольно нескладное послание, Сансиро взялся за английскую книгу, прочёл несколько страниц, и ему стало скучно. Он решил, что от такого чтения толку мало. Лёг спать, но долго не мог уснуть. «Уж не бессонница ли это? — подумал Сансиро. — Надо будет показаться врачу». И тут же уснул.

На следующий день он вовремя явился на лекции. В перерывах внимательно прислушивался к разговорам о том, куда и на какое жалование устроились выпускники прошлого года. Услышав, что такой-то и такой-то пока ещё здесь и что оба претендуют на место преподавателя в одном из государственных учебных заведений, Сансиро на миг ощутил смутную тревогу. На него словно надвинулось его далёкое будущее, но он тут же забыл об этом. Гораздо интереснее показались ему разговоры о некоем Сёноскэ. Он даже остановил в коридоре своего однокурсника, тоже из Кумамото, и спросил его, кто такой этот Сёноскэ. Тот объяснил, что это девушка-гидаю²⁴ из эстрадного театра, рассказал, как выглядит афиша этого театра, в каком именно месте района Хонго он находится, и предложил ему пойти туда вместе в следующую субботу. «Вот молодец, всё уже знает», — подумал Сансиро. Но студент сообщил, что вчера впервые побывал там. Сансиро почему-то тоже очень захотелось посмотреть Сёноскэ.

Обедать Сансиро намеревался дома, но студент, накануне рисовавший карикатуру, затащил его во фруктовую лавку Ёдомикэн в Хонго и угостил райскэрри — варёным рисом с кусочками мяса и очень острой приправой. Лавка эта открылась недавно. Студент объяснил, что она выстроена в стиле «модерн». О таком стиле в архитектуре Сансиро никогда не слышал. На обратном пути карикатурист показал ему Аокидо²⁵, заметив при этом: «Сюда часто ходят студенты». Вернувшись к университету, они решили прогуляться возле пруда. Карикатурист вспомнил, что покойный профессор Якумо Коидзуми²⁶ терпеть не мог преподавательскую и после лекции обычно гулял возле пруда. Рассказывал он об этом так, словно сам учился у этого профессора.

— А почему профессор Коидзуми не любил преподавательскую? — поинтересовался Сансиро.

— Ну, в этом нет ничего удивительного. Стоит только послушать их лекции, чтобы понять, что это за преподаватели.

Сансиро был поражён: как можно говорить совершенно спокойно такие ужасные вещи. Карикатуриста звали Ёдзиро Сасаки. Он рассказал Сансиро, что окончил колледж, приобрёл специальность, а теперь решил получить ещё и университетское образование.

— Живу я на Хигасикитамати, — сообщил он, — в доме Хироты. Заходи как-нибудь.

— Там что, пансион? — спросил Сансиро.

— Нет, это дом преподавателя колледжа, — ответил Сасаки.

Сансиро аккуратно посещал университет и добросовестно слушал лекции, иногда даже необязательные. Но и этого ему казалось мало, и он начинал ходить на лекции, не имевшие никакого отношения к избранной им специальности, но через два-три раза бросал. И всё равно получалось около сорока часов в неделю. Даже для очень прилежного Сансиро это было чересчур много. Он постоянно чувствовал себя усталым и неудовлетворённым и в

²⁴ *Гидаю* — певец — рассказчик сказов «гидаю» (особый, драматический сказ японской эстрады и театра). Женщины, выступавшие в этой роли, обычно принимали мужские имена, как, например, в данном случае.

²⁵ *Аокидо* — название европейского продовольственного магазина, находившегося неподалёку от Ёдомикэн; на втором этаже там было небольшое кафе.

²⁶ *Якумо Коидзуми* (1850–1904) — японское имя натурализовавшегося в Японии англичанина Лафкадио Херна. Преподавал английский язык и литературу во многих японских учебных заведениях, в том числе в Токийском университете. Написал ряд книг о Японии и японцах.

конце концов совсем пал духом.

Как-то, встретившись с Ёдзиро Сасаки, Сансиро пожаловался на своё настроение. Услышав, что Сансиро слушает сорок часов в неделю, Ёдзиро выпучил глаза:

— Ну, и дурак! Сам посуди, как тут не скиснуть, если десять раз на день есть преснятину, которой кормят в пансионе?

— Что же делать? — сконфузившись, спросил Сансиро.

— Кататься на трамвае! — порекомендовал Ёдзиро. Сансиро поразмышлял над его словами, тщетно ища в них скрытый смысл. И опять спросил:

— На обыкновенном трамвае?

Ёдзиро расхохотался.

— Объездишь Токио раз пятнадцать — шестнадцать, всю твою меланхолию как рукой снимет!

— Неужели?

— Не веришь? Ну, сам подумай. Ты — живой человек, и вдруг втиснул голову в железные рамки мёртвых лекций. Так и пропасть недолго! Голову надо проветривать на свежем воздухе. Это, конечно, не единственный способ сохранить бодрость духа. Но из всех способов трамвай, я бы сказал, самый элементарный и к тому же самый удобный.

Вечером Ёдзиро вытащил Сансиро из дому, они сели в трамвай на Ёнтёмэ, доехали до Симбаси, оттуда вернулись к Нихонбаси и сошли.

— Понравилось? — осведомился Ёдзиро. С проспекта они свернули в боковую улицу, зашли в ресторан «Хираноя», поужинали и выпили сакэ. Кельнерши здесь все говорили на киотоском диалекте, чем до глубины души растрогали Сансиро.

— Доволен? — опять поинтересовался раскрасневшийся Ёдзиро, когда они очутились на улице. Затем он пообещал показать Сансиро настоящую эстраду, и они пошли узким переулком, который вывел их к эстраднему театру Кихарадана. В этот вечер здесь выступал чтец — исполнитель комического рассказа по имени Косан²⁷. Из театра они вышли в одиннадцатом часу.

— Ну как? — спросил Ёдзиро. Сансиро ничего не ответил, он и сам не знал, доволен он или нет. Тут Ёдзиро пустился в рассуждения о Косане: — Косан — гений. Но он не должен часто появляться на эстраде. Иначе публика привыкнет и перестанет его ценить. А это будет в высшей степени несправедливо. По правде говоря, нам очень повезло, что мы живём с ним в одно время. Родись мы чуть раньше или чуть позднее, и нам не довелось бы его слышать... Энью²⁸ по-своему тоже хорош. Но они с Косаном совсем разные. Энью, играя, например, шута, полностью перевоплощается. В любой роли Косан остаётся Косаном. Если из созданного Энью образа убрать самого Энью, образ перестанет существовать. Зато Косан живёт совершенно самостоятельно в любом образе, и образы его вечны. Вот чем он силён.

Произнеся эту тираду, Ёдзиро уже в который раз спросил: «Ну, как?» Сансиро не очень хорошо понимал, в чём величие Косана. Кроме того, ему никогда не приходилось слышать об Энью. Поэтому он не мог судить, прав ли Ёдзиро. Однако его привело в восторг само сравнение, почти литературное.

Дойдя до колледжа, они распрощались.

— Спасибо, я очень доволен, — поблагодарил Сансиро.

— Нет, чтобы получить полное удовольствие, надо ещё сходить в библиотеку, — сказал Ёдзиро и исчез в переулке. И тут Сансиро впервые вспомнил о том, что ещё ни разу не был в библиотеке.

²⁷ Косан Янагия (1857–1930). Настоящее имя — Гинноскэ Тоёсима. Известный мастер «ракуго» — эстрадного комического рассказа.

²⁸ Энью — мастер «ракуго», выступавший под именем Энью Санъютэй. Настоящее имя — Кэнтаро Такэути. Умер в 1907 г.

Сансиро решил сократить, по крайней мере, вдвое количество лекций и на следующий день отправился в библиотеку. Это было просторное длинное здание с высокими потолками и множеством окон. Из читального зала виден был вход в книгохранилище. Казалось, там собрано великое множество книг. Из книгохранилища выходили люди с толстыми фолиантами в руках. Одни, свернув налево, шли в специальный читальный зал. Другие тут же просматривали взятую книгу. Сансиро вдруг почувствовал зависть. Ему захотелось войти в книгохранилище, подняться на второй, затем на третий этаж и там, вдали от людей, высоко над Хонго, читать, вдыхая запах бумаги. Но какую взять книгу, он представлял себе весьма смутно. Впрочем, можно взять наугад, любую, там их много.

Как первокурсник, Сансиро пока ещё не имел права входить в книгохранилище. Поэтому волей-неволей ему пришлось склониться над каталогом и перебирать карточку за карточкой. Он перебрал уйму неизвестных названий книг и наконец почувствовал, что заныли плечи. Он распрямился, чтобы передохнуть, и оглядел зал. Несмотря на множество людей, здесь стояла обычная для библиотеки тишина. Лица сидящих в дальнем конце зала были едва различимы. За высокими окнами виднелись деревья и клочок неба. Шум города доходил сюда словно откуда-то издалека. Стоя у каталога, Сансиро размышлял о том, насколько спокойна и полна смысла жизнь учёного. С этой мыслью он и покинул библиотеку.

На следующий день он не стал предаваться мечтам, а сразу взял книгу. Но вскоре вернул её — она показалась ему неинтересной. Следующая книга была чересчур сложной. Так в день Сансиро менял чуть ли не до десятка томов. И лишь некоторые частично прочитывал. Читая, Сансиро вдруг сделал открытие: какую бы он ни взял книгу, оказывалось, что до него её уже кто-то просматривал — об этом свидетельствовали карандашные пометки на страницах. Из любопытства Сансиро взял роман писательницы Афры Бен²⁹ и здесь тоже увидел карандашные пометки. Досадую, Сансиро вдруг услышал звуки оркестра под окном и решил немного прогуляться. Он походил по улице и забрёл в конце концов в Аокидо.

Там он увидел две компании — всё это были студенты. Лишь в дальнем углу сидел особняком мужчина и пил чай. В профиль он был очень похож на попутчика Сансиро, того самого почитателя персиков. Он не обращал на Сансиро никакого внимания, пил не спеша свой чай и курил. Сегодня он был в пиджаке, а не в лёгком белом кимоно, как тогда в поезде. Выглядел он далеко не элегантно, пожалуй, как Нономия во время опытов, если не считать белой рубашки. Сансиро внимательно его рассматривал и всё больше убеждался в том, что это тот самый любитель персиков. Сейчас, когда он уже проучился некоторое время в университете, всё сказанное этим человеком в поезде вдруг обрело смысл. «Может, подойти, поздороваться?» Но любитель персиков так сосредоточенно отхлёбывал чай, затягивался сигаретой, снова пил чай и снова курил, что Сансиро не знал, как к нему подступиться.

Ещё несколько минут Сансиро разглядывал его профиль, но потом торопливо допил остававшееся в стакане вино и выскочил на улицу. Он вернулся в библиотеку.

В этот день, взбодрённый вином и какими-то новыми душевными ощущениями, он впервые с увлечением почитал и пришёл в радостное настроение. Он провёл в библиотеке почти целых два часа и наконец стал не спеша собираться домой. Перед уходом он случайно открыл книгу, которую ещё не успел просмотреть, и обнаружил, что внутренняя сторона обложки исписана чьей-то дерзкой рукой.

«Гегель преподавал философию в Берлинском университете не ради заработка. Он не просто читал лекции об истине, он носил истину в самом себе. Он говорил не языком, а сердцем. Когда человек слит с истиной в одно чистое гармоничное целое, тогда каждое его слово служит этой истине. Только такие лекции и достойны внимания. Попусту болтать об истине всё равно, что мёртвой тушью на мёртвой бумаге делать пустые заметки. Какой в

²⁹ *Афра Бен* — английская писательница (1640–1689).

этом смысл?.. Подавляя досаду, чуть не плача, я читаю сейчас эту книгу ради экзамена, вернее, ради куска хлеба. Запомни же на всю жизнь, как, сжимая раскалывающуюся от боли голову, ты на веки вечные проклял систему экзаменов». Подписи, конечно, не было. Сансиро невольно улыбнулся. И почувствовал, что вдруг прозрел. Всё это относится, пожалуй, не только к философии, но и к литературе, подумал он и перевернул страницу. Там было продолжение: «В Берлин слушать лекции Гегеля...» Писавший, видимо, был поклонником Гегеля.

«В Берлин слушать лекции Гегеля собираются студенты отовсюду. Но не ради будущих заработков слушают они эти лекции. Узнав, что есть философ, который приобщает людей к высшей и универсальной истине, они, жаждущие найти путь к совершенствованию и разумному устройству мира, с чистыми помыслами сидят перед кафедрой, стремятся разрешить все свои сомнения. Гегель помогает им определить своё будущее, перестроить собственную судьбу. Какая нужна самоуверенность, чтобы думать, будто они ничем не отличаются от нас, японских студентов, которые сами не знают, зачем учатся в университете. Мы всего лишь пишущие машинки. Да притом ещё алчные. Наши дела, мысли, слова не имеют ничего общего с насущными потребностями людей. Такими, ко всему безучастными, мы и останемся до самой смерти». Эта фраза была написана дважды. Сансиро задумался. Вдруг кто-то сзади легонько хлопнул его по плечу. Это оказался Ёдзиро. Ёдзиро не часто можно было увидеть в библиотеке, вопреки его утверждению, что библиотеку надо посещать непременно, не то что лекции.

— Послушай-ка, тебя искал Сохати Нономия, — сказал Ёдзиро.

Никак не предполагая, что они знают друг друга, Сансиро на всякий случай уточнил: «Тот, что на естественном?» — «Угу». Отложив книги, Сансиро поспешил в зал, где читали газеты, однако Нономии там не оказалось. Не было его и в вестибюле. Сансиро спустился вниз, всё внимательно осмотрел и вернулся. Когда он подошёл к своему месту, Ёдзиро показал на карандашные пометки и шепнул с усмешкой:

Превосходные мысли. Наверняка писал выпускник прежних лет. Тогда здесь были отчаянные парни, зато стоящие! Да, это наверняка один из них. — Ёдзиро, видимо, был очень доволен.

— А Нономию-сан я не нашёл, — сказал Сансиро.

— Да? Только что видел его у входа.

— Думаешь, я нужен ему по делу?

— Пожалуй, да.

Они вышли из библиотеки вместе. По дороге Ёдзиро рассказал о Нономии.

— Нономия-кун — бывший ученик Хироты, у которого я сейчас живу. Он часто бывает у сэнсэя. Настоящий энтузиаст науки, у него много исследований. Его имя известно даже в Европе.

Слова «ученик Хироты-сэнсэя» напомнили Сансиро рассказанный ему Нономией случай с преподавателем, обучавшимся верховой езде во дворе университета. «Уж не Хирота ли это был?» — подумал Сансиро и поделился своим предположением с Ёдзиро. Тот, смеясь, ответил, что от сэнсэя можно ждать чего угодно.

Следующий день был воскресным, и встретиться с Нономией в университете Сансиро не мог. Обеспокоенный тем, что накануне Нономия его искал, он решил поехать к нему домой, выяснить, в чём дело, и заодно посмотреть его новую квартиру.

Однако до обеда Сансиро, не торопясь, просматривал газеты, а когда, пообедав, собрался идти, явился приятель из Кумамото, с которым они давно не виделись. Проводил он его лишь в пятом часу и, хотя было довольно поздно, всё же отправился к Нономии.

Жил Нономия далеко, в Окубо, куда переехал несколько дней назад. Правда, на трамвае туда можно было добраться сравнительно быстро, тем более что дом Нономии, судя по его словам, находился вблизи остановки. Дело в том, что однажды, вскоре после того как они с Ёдзиро побывали в Хираноя, с Сансиро произошёл такой случай. Он сел на трамвай, шедший от четвёртого квартала Хонго, чтобы попасть в Высшее коммерческое училище, не заметил,

как проехал свою остановку и очутился в совсем другом районе. С тех пор его не оставляло чувство, что трамвай — вещь коварная. Но на этот раз он спокойно вошёл в вагон, поскольку узнал заранее, что до Окубо можно ехать без пересадки.

Если, сойдя в Окубо, не идти по улице Накахякунин по направлению к военной школе Тояма, а от переезда сразу свернуть и подниматься вверх по отлогому склону, узкая, с метр шириной, дорожка приведёт к редкой бамбуковой рощице. Перед рощицей и позади неё стояло два домика. В одном из них и жил Нономия. Сансиро вошёл в небольшие ворота, стоявшие несколько в стороне от дорожки, совсем не на месте. Вход в дом нашёл не сразу: он оказался не напротив ворот, а почему-то сбоку. Складывалось впечатление, будто ворота были поставлены несколько позднее, чем сам дом, и для них не нашлось другого места.

Сад перед домом не был ничем огорожен. Лишь несколько высоких, в рост человека, кустов хаги почти скрывали галерею, куда выходила гостиная. Зато позади дома, со стороны кухни зеленела великолепная живая изгородь. На галерее сидел Нономия и читал европейский журнал. Увидев Сансиро, он сказал, точь-в-точь как тогда, в подвале естественного факультета;

— Пожалуйте сюда.

Сансиро не знал, войти ли ему прямо из садика или через главный вход, обогнув дом. Но тут Нономия уже более настойчиво повторил:

— Пожалуйте сюда. — И Сансиро поднялся на галерею. Выходившая на галерею комната — кабинет Нономии — была метров около двенадцати. В ней внимание Сансиро привлекли европейские книги, их было довольно много. Нономия предложил свой стул Сансиро, а сам сел на дзабутон. Начав с ничего не значащих фраз о том, что место здесь тихое и спокойное, что не так уж оно далеко от Отяномидзу, поинтересовавшись затем опытом с подозрной трубой, Сансиро наконец спросил о главном:

— Говорят, вы вчера искали меня. Я вам зачем-нибудь понадобился?

— Да нет, просто так, ничего особенного, — чуть виновато ответил Нономия.

— А-а, — протянул Сансиро.

— А вы ради этого пришли?

— Да нет, не только.

— Дело, собственно, в том, что ваша матушка прислала мне прекрасную вещь в благодарность, как она пишет, за то, что я забочусь о её сыне... Так вот я тоже хотел поблагодарить вас...

— Ах, вот оно что! Что же она вам прислала?

— Красную рыбу в маринаде.

— Наверно, барбульку?

Сансиро про себя подумал, какой, в сущности, это пустяковый подарок. Однако Нономия подробно расспросил его об этой барбулке. Прежде всего Сансиро объяснил, как её есть. Жарят барбульку в чешуе и снимают её лишь перед тем, как класть на блюдо, иначе рыба потеряет свой вкус.

Пока они беседовали о барбулке, солнце зашло. Сансиро решил, что пора домой, и стал прощаться. Но тут как раз принесли телеграмму. Прочитав её, Нономия пробормотал: «Да... Вот незадача». Сансиро забеспокоился, но, боясь проявить излишнее любопытство, спросил лишь:

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего особенного, — отозвался Нономия и показал Сансиро телеграмму: «Приезжай немедленно».

— Вам надо ехать?

— Да вот младшая сестра просит немедленно приехать. Она захворала и лежит в университетской клинике.

Нономия говорил совершенно спокойно. Зато Сансиро встревожился. Сестра Нономии, её болезнь, университетская клиника — всё это почему-то напомнило ему девушек, которых он встретил у пруда, и привело в волнение.

— Она опасно больна?

— Ну что вы, разумеется, нет. По правде говоря, там в клинике с ней мать... Случись что-нибудь серьёзное, проще было бы приехать сюда... Скорее всего это проделки сестры. Она, глупая, частенько так забавляется. Я ни разу не навестил её, с тех пор как переехал сюда. Сегодня воскресенье, она, наверно, ждала меня, и вот... Нономия задумался, чуть склонив голову набок.

— Лучше всё же вам съездить. А вдруг в самом деле ей хуже, тогда...

— Да. Хотя за те несколько дней, что я не был, вряд ли произошли серьёзные перемены. Однако съездить, пожалуй, надо. Верно?

— Конечно, надо. Непременно.

Перед уходом Нономия обратился к Сансиро с просьбой. Если больной действительно хуже, он не вернётся сегодня, в доме остаётся только служанка — ужасная трусиха, а район у них беспокойный. Так что Сансиро приехал весьма кстати. Может быть, он заночует здесь, если это не в ущерб занятиям? Возможно, телеграмма прислана просто так, тогда он сразу вернётся. Знай он раньше, попросил бы того же Сасаки. Но сейчас ему никак не успеть. Речь идёт лишь об одной ночи, к тому же неизвестно ещё, останется ли он в клинике. Разумеется, слишком эгоистично с его стороны доставлять беспокойство постороннему человеку, и он, конечно, не настаивает... Нономия был не очень красноречив и не умел уговаривать, да это, собственно, и не требовалось — Сансиро сразу же согласился. На вопрос служанки, будут ли они ужинать, Нономия ответил:

— Я не буду, — и, извинившись перед Сансиро, сказал: — Вы уж тут без меня поешьте. — Он вышел из дома и уже из темноты сада крикнул Сансиро: — Возьмите в кабинете какую-нибудь книгу. Особо интересных, правда, нет, в общем, сами увидите! Там вы найдёте и кое-какие романы.

Сансиро поблагодарил и остался один.

Вскоре Сансиро уже сидел в кабинете и ужинал. На столе он увидел ту самую барбульку, о которой говорил хозяин, и очень обрадовался — на него повеяло ароматом родных мест, в которых он так давно не был. Однако рыба не показалась ему очень уж вкусной. Нономия не напрасно назвал свою служанку трусихой — её лицо и в самом деле выражало испуг. Сансиро заметил это, когда она принесла ему ужин. После ужина служанка ушла на кухню. Вдруг Сансиро почувствовал тревогу. А вдруг сестре Нономии действительно стало хуже? Слишком долго он собирался в клинику. Мысль о том, что та самая девушка и есть сестра Нономии, не давала покоя. Сансиро восстановил в памяти черты её лица, выражение глаз, одежду, силой воображения перенёс всё это на больничную койку, рядом поставил Нономию и представил себе, как они с сестрой обменялись несколькими фразами. Больная осталась недовольна братом. Размечтавшись, Сансиро вместо Нономии представил у больничной койки себя самого, заботливо ухаживающего за девушкой. В этот момент где-то внизу прогрехотал поезд, и Сансиро померещилось, будто дрожит пол, сама комната и даже сад — таким громким и отчётливым был звук.

Сансиро осмотрелся. Дом был ветхий, опорные столбы потемнели от времени, раздвижные перегородки покосились, и закрыть их плотно не было никакой возможности. Потолок совсем почернел. Только лампа была новой. Может быть, Нономия из прихоти снял такой дом вблизи бамбуковой рощи, оставшейся от феодальных времён? В таком случае это его дело. Если же за город его погнала нужда, остаётся только его пожалеть. Сансиро слышал, что Нономия, видный учёный, получает в университете всего пятьдесят пять иен в месяц. Поэтому он, наверно, и вынужден преподавать в частной школе. А сейчас ещё сестра в больнице. Вот он и переехал в Окубо, чтобы хоть как-то сводить концы с концами...

Вечер только начался, но вокруг стояла тишина. Слышно было лишь, как стрекочут и жужжат в саду насекомые. Сидя здесь в одиночестве, Сансиро особенно остро ощущал лёгкую грусть ранней осени. Вдруг он услышал крик:

— А-а-а! Уже недолго!

Кричали вроде бы где-то за домом, но очень далеко. К тому же крик сразу смолк, и

Сансиро не успел определить направление. Он только понял, что это крик человека, всеми брошенного и отчаявшегося. Сансиро стало не по себе. Теперь вдалеке послышался шум приближающегося поезда, он всё нарастал, и, наконец, грохоча с удвоенной силой, поезд пронёсся под бамбуковой рощей. Комната перестала дрожать, и Сансиро, который до этого сидел бездумно, вдруг вскочил, поражённый мыслью, которая блеснула у него в мозгу, словно высеченная из кремня искра: уж не связаны ли между собой этот жалобный вопль и поезд, только что прогрохотавший? Сансиро стало страшно. От спины к ступням ног побежали мурашки, и он почувствовал, что не может больше спокойно сидеть на месте. Он пошёл в уборную и стал глядеть в окошко. В эту ясную звёздную ночь хорошо видны были железнодорожные пути и насыпь.

Сансиро вглядывался в темноту, буквально прилипнув носом к бамбуковой решётке окошка.

От станции по путям шли люди с фонарями. Судя по голосам, их было трое или четверо. Когда они дошли до переезда, свет фонарей исчез под насыпью. Каждое слово было отчётливо слышно, будто разговаривали совсем рядом:

— Чуть подальше!

Шаги стали удаляться. Сансиро вышел в сад, как был в гэта, осторожно спустился по насыпи и пошёл следом за фонарями. Он не прошёл и десяти — пятнадцати шагов, как с насыпи спустился какой-то человек.

— Поезд кого-то задавил, что ли?

Сансиро хотел ответить, но голос ему не повиновался. Человек между тем прошёл мимо. «Наверное, хозяин того дома, который стоит позади рощи, за домом Нономии-кун», — подумал Сансиро и прошёл ещё несколько десятков метров. Огни впереди вдруг перестали двигаться — люди остановились с поднятыми фонарями в руках и молчали. Сансиро посмотрел вниз, на освещённое пространство. Там лежал человек, перерезанный наискось от правого плеча до пояса. Поезд оставил его позади себя и помчался дальше. Только лицо не пострадало. Погибшей оказалась молодая женщина.

Сансиро помнит охватившее его тогда чувство. Он хотел сразу же бежать обратно, однако ноги будто свело судорогой. Вскрабкавшись наконец по насыпи, он вернулся в Дом с сильно бьющимся сердцем, позвал служанку и велел принести воды. Служанка вроде бы ничего, к счастью, не знала. Спустя некоторое время из дома позади рощи донёсся шум. «Хозяин вернулся», — решил Сансиро. Снова послышались голоса, теперь уже приглушённые. Потом наступила тишина. Гнетущая, почти невыносимая.

Перед глазами Сансиро всё ещё стояло лицо той женщины. Чьё-то лицо, чей-то жалобный вопль, чья-то несчастная судьба... Это лишь кажется, размышлял Сансиро, что жизнь прочно вросла в этот мир. На самом же деле она вдруг может оказаться вырванной с корнем и навсегда исчезнуть во мраке. Эта мысль внушила Сансиро почти суеверный страх. Прогрохотал поезд — и не стало человека, который за минуту до этого был жив!

Сансиро вдруг вспомнилось, как любитель персиков тогда в поезде говорил: «Опасная штука! Очень опасная. Лучше не рисковать», оставаясь при этом совершенно невозмутимым. Значит, если я смогу себя настолько обезопасить, чтобы говорить «опасно, опасно», сохраняя спокойствие, то стану таким же, как он? Это, быть может, то главное в людях, что позволяет им, живя в обществе, оставаться сторонними наблюдателями. Разумеется, в людях определённого сорта, тех, что умеют есть персики, как их ел тогда в поезде его попутчик, тех, что умеют, глядя прямо перед собой, пить чай и курить, курить и снова пить чай, как это было тогда в Аокидо. Критики! Сансиро употребил это слово не очень к месту. Но остался доволен. «Здорово!» А почему бы, подумал он, и ему в будущем не уподобиться критикам? На эту же мысль его навело увиденное им на путях мёртвое лицо.

Сансиро обвёл взглядом комнату, стол в углу, стул перед ним, рядом — книжный шкаф с аккуратно расставленными иностранными книгами и подумал, что хозяин этого спокойного кабинета так же благополучен и счастлив, как те критики... Вряд ли он заставил бы женщину броситься под поезд, если бы даже того потребовали его опыты со световым

лучом... Его младшая сестра больна. Но ведь не из-за него она заболела... Пока все эти мысли сменяли одна другую в голове Сансиро, пробило одиннадцать. Электричек на Накано больше не будет. Нономия сегодня не вернётся. Видимо, сестре его стало хуже. Сансиро встревожился, но тут от Нономии пришла телеграмма: «С сестрой всё благополучно. Приеду завтра утром».

Сансиро успокоился, забрался в постель, но всю ночь его мучили кошмары. Ему снилось, что бросившаяся под поезд женщина каким-то образом связана с Нономией, а он, вместо того чтобы возвратиться домой, прислал успокоительную телеграмму. Слова «С сестрой всё благополучно» — ложь. Она умерла в тот момент, когда поезд задавил женщину... Потом вдруг оказалось, что сестра Нономии и есть та самая девушка, которую он повстречал у пруда.

На следующий день Сансиро встал необычно рано. Он выкурил сигарету, глядя на то место, где провёл беспокойную ночь. Постель уже убрали. Всё происшедшее вчера казалось сном. Он вышел на галерею и посмотрел на ясное голубое небо. Всё вокруг сразу повеселело. Когда, позавтракав и напившись чаю, Сансиро вынес на галерею стул и взялся за газету, вернулся, как и обещал, Нономия.

— Вчера, говорят, тут человек попал под поезд, — сказал он. Видимо, Нономия услышал об этом на станции. Сансиро подробно рассказал о своих переживаниях.

— Невероятное происшествие. Такое случается редко. Жаль, что меня дома не было. Труп, наверно, уже убрали, и идти туда сейчас бесполезно.

— Пожалуй, бесполезно, — коротко ответил Сансиро. Его поразило, с какой лёгкостью Нономия воспринял это трагическое происшествие. Видимо, потому, что сейчас день, а не ночь, решил Сансиро. Он был слишком молод и ещё не знал, что человек с характером и наклонностями исследователя даже в подобных случаях ведёт себя так же, как во время эксперимента со световым лучом.

Чтобы не продолжать этот разговор, Сансиро спросил, как чувствует себя больная. Из слов Нономии выяснилось, что в её состоянии, как он и предполагал, никаких изменений не произошло. Соскучившись за те пять-шесть дней, что они не виделись, сестра решила вызвать его телеграммой. Она обвиняла его в жестокости и упрекала за то, что он не приехал даже в воскресенье. «Вот глупышка», — сказал Нономия. И, кажется, сказал это вполне искренне. Просто неразумно требовать, чтобы занятой человек попусту тратил драгоценное время. Однако у Сансиро это не вызвало сочувствия. Раз сестра прислала телеграмму, значит, ей очень хотелось повидаться с братом, и на это не жаль потратить один или даже два воскресных вечера. Только такие вечера и есть настоящая жизнь. И не значит ли попусту тратить время, если год за годом проводить в подвале опыты со световым лучом, такие далёкие от настоящей жизни. На месте Нономии-кун он бы только радовался тому, что сестра помешала его занятиям. Под наплывом таких чувств Сансиро постепенно забыл о попавшей под поезд женщине.

Нономия пожаловался, что ночью плохо спал и в голове у него сейчас туман и абсолютная пустота. Хорошо ещё, что в школе Васэда у него уроки только после обеда, а в университет вообще не нужно идти — он хоть успеет немного поспать. «Опять поздно легли?» — спросил Сансиро. Сестру как раз пришёл проведать Хирота, объяснил Нономия, тот самый профессор, у которого он учился в колледже, а пока они втроём беседовали, ушла последняя электричка, и ему пришлось заночевать там. Он мог бы пойти к Хироте, но сестра опять закапризничала и, не желая ничего слушать, потребовала, чтобы он остался в больнице. Он кое-как улёгся, но уснуть не мог. Вот до чего она глупое создание, снова обрушился он на сестру. Сансиро стало смешно. Он хотел было взять девушку под свою защиту, но почему-то передумал и стал расспрашивать о Хироте. О нём Сансиро не раз приходилось слышать. Его именем он мысленно наградил и любителя персиков, своего попутчика, и человека, которого видел в Аокидо, и незадачливого всадника, измученного норовистой лошадью, над которым потешались парикмахеры из «Китадоко». И вот сейчас, неожиданно узнав от Нономии, что тем незадачливым всадником действительно был Хирота,

Сансиро почему-то решил, что и любитель персиков тоже непременно должен оказаться профессором Хиротой. Хотя, если вдуматься, мысль сама по себе была, в общем-то, нелепой.

Когда Сансиро собрался уходить, Нономия попросил его зайти по дороге в клинику занести халат. Сансиро с радостью согласился. Он немного гордился тем, что пойдёт в клинику в своей, новой студенческой фуражке, и ушёл сияющий.

В Отяномидзу он сразу же взял рикшу, что делал в редких случаях. Как раз когда рикша примчал его в университет, зазвонил звонок на юридическом. В это время Сансиро обычно входил в аудиторию номер восемь с тетрадами и чернильницей. Ничего страшного не случится, если одну-две лекции пропустить, решил он, и подъехал прямо к вестибюлю терапевтического отделения профессора Аояма.

Из вестибюля он пошёл, как ему и объяснил Нономия, прямо по коридору до второго поворота направо, дошёл до конца коридора, свернул налево и на восточной стороне увидел палату с чёрной лакированной табличкой на двери. Сансиро взглянул на табличку, где было написано: «Ёсико Нономия», и остановился в нерешительности перед дверью. Провинциал, он не догадался, что надо постучаться, как того требовали приличия, и думал лишь о том, что сейчас увидит Ёсико, сестру Нономии. Только боязнь разочароваться удерживала его от того, чтобы открыть дверь. Образ девушки, созданный его воображением, не имел ни малейшего сходства с Сохати Нономией. Шлёпая сандалиями, к нему подошла сиделка. Тут Сансиро решился наконец приоткрыть дверь и сразу встретился взглядом с находившейся в комнате девушки.

Большие глаза, прямой нос, тонкие губы, высокий лоб, на который полукругом ниспадали волосы, мягкий овал лица. В общем, ничего особенного. Но что поразило Сансиро, так это выражение её лица, такое, казалось ему, он видел впервые в жизни. Густые волосы, красиво обрамляя лоб, свободно падали на плечи. Пронизанные лучами утреннего солнца, светившего в восточное окно, они образовали вокруг головы сияющий фиолетовый нимб. С бледного лица на Сансиро смотрели мечтательно устремлённые вдаль и в то же время очень живые глаза. Так кажутся неподвижными высокие облака, которые едва уловимо меняют свои очертания.

В её лице, подумал Сансиро, меланхолия сочетается с необыкновенной живостью. Ощущение этого единства Сансиро воспринял, как дар судьбы, как великое открытие. Он буквально растворился в этом своём чувстве, продолжая крепко сжимать ручку двери.

— Заходите же, — сказала девушка. Сказала так, словно ждала Сансиро. Только невинная девочка или же искушённая женщина могла бы так спокойно, без тени смущения, обратиться к незнакомому мужчине. С фамильярностью это не имело ничего общего. Девушка держалась с Сансиро просто, с неподдельной искренностью, как со старым знакомым. Её худенькое бледное личико озарила приветливая улыбка. Ноги сами внесли Сансиро в комнату. И тут он вдруг вспомнил о матери, оставшейся на далёкой родине.

Сансиро закрыл за собой дверь, осмотрелся и увидел женщину лет пятидесяти с небольшим, которая с ним поздоровалась. Она, очевидно, подошла к двери, когда Сансиро приоткрыл её, и дожидалась, пока он войдёт.

— Вы Огава-сан? — спросила женщина. Она походила лицом на Нономию. И на девушку тоже. Однако сходство было лишь внешнее. Сансиро отдал женщине свёрток с халатом. Она поблагодарила и, сказав: «Пожалуйста, садитесь!» — предложила Сансиро стул. Девушка приподнялась, откинула край белоснежного покрывала и спустила ноги с постели. Она держала спицы, с которых свешивалась красная нитка, под кроватью валялся клубок шерсти. Сансиро хотел было поднять клубок, но передумал — видимо, девушку этот клубок несколько не интересовал.

Между тем мать девушки без конца благодарила Сансиро за любезность, повторяя: «Вы ведь так заняты». Сансиро возражала «Да нет, что вы, я всё равно там был, зашёл в гости». Ёсико не вмешивалась в их разговор и, лишь когда наступила пауза, неожиданно спросила:

— Вы видели вчера вечером, как человек попал под поезд?

Сансиро заметил на стоявшем в углу столике газету.

— Да, — ответил он.

— Это, наверно, очень страшно? — Она взглянула на Сансиро, чуть склонив голову набок. Но он молчал. Он просто не знал, что ответить, — таким наивным ему показался вопрос. Кроме того, всё его внимание было сейчас поглощено изящным изгибом её шеи, длинной, как у брата. Это, по-видимому, не ускользнуло от Ёсико. Слегка покраснев, она быстро выпрямилась. А Сансиро подумал, что ему пора уходить.

Он попрощался и вышел. Он уже приближался к выходу, когда вдруг заметил в светлом прямоугольнике, в том месте, где коридор переходит в вестибюль, ту самую девушку, которую встретил тогда у пруда. Сансиро замер, ноги перестали ему повиноваться. В это время тёмный силуэт девушки отделился от воздушного холста — она сделала шаг вперёд. Сансиро, словно замороженный, тоже двинулся с места. Сейчас они встретятся, и каждый пойдёт своей дорогой. Девушка вдруг оглянулась. Но снаружи, в прозрачном осеннем воздухе, лишь слегка дрожала на ветру листва деревьев. В светлом прямоугольнике никого не было, никто не ответил девушке на её взгляд, никто его не ждал. Сансиро шёл, напряжённо вглядываясь, стараясь запомнить каждую деталь её фигуры и одежды.

Он не мог определить, какого цвета её кимоно. Оно лишь напоминало ему расплывчатое отражение вечнозелёного дерева в университетском пруду. Волнистые линии вертикальных ярких полос то сходились, то расходились, то набегали друг на друга, то раздваивались, однако эта асимметричность не резала глаз. Чуть ниже груди кимоно перехватывал широкий пояс-оби тёплых тонов. Такое впечатление, видимо, создалось благодаря преобладающему в нём жёлтому цвету. В левой руке девушка держала платок, свободные концы его развевались. «Наверно, шёлковый», — решил Сансиро.

Между тем девушка снова повернулась лицом к Сансиро. Опустив глаза, она шагнула к нему, потом слегка откинула назад голову и посмотрела прямо ему в лицо. Красивые миндалевидные, очень живые глаза. Иссиня-чёрные брови и ослепительно белые зубы. Этот контраст произвёл на Сансиро неизгладимое впечатление.

Сегодня лицо её было набелено, но лишь слегка, с большим вкусом, так что белила не скрывали естественного цвета кожи. На щеках играл нежный румянец, словно их никогда не касалось палящее солнце. Лицо было чуть припудрено. Её щёки и подбородок, без единой морщинки, были очень упругими и в то же время отличались удивительной мягкостью линий.

Девушка поклонилась. Сансиро был удивлён, что ему поклонился незнакомый человек. Но ещё больше его поразило изящество, с которым это было сделано, та естественная грациозность, которой нельзя научиться. Девушка чуть подалась вперёд — легко и плавно, как устремляется вперёд влекомый ветром листок бумаги.

— Простите, позвольте спросить... — обратилась она к Сансиро, и он услышал ясный, звонкий голос, исполненный в то же время достоинства. Таким голосом, разумеется, не задают праздных вопросов, скажем, о том, созревают ли жёлуди в разгар лета. Но Сансиро не успел об этом подумать. Он сказал:

— Да, пожалуйста, — и остановился.

— Как пройти в пятнадцатую палату?

Это была та самая палата, которую Сансиро только что покинул.

— Вы ищете палату Нономии-сан?

— Да, — ответила девушка.

— По этому коридору дойдите до конца, поверните налево, и справа будет вторая дверь.

— В этот коридор... — Девушка указала тоненьким пальцем.

— Да, в этот, в первый.

— Большое спасибо.

Девушка пошла дальше. А Сансиро продолжал стоять, глядя ей вслед. Прежде чем свернуть в коридор, девушка оглянулась. Сансиро покраснел. А она, улыбнувшись, сделала лёгкое движение головой, как бы спрашивая: я правильно иду? Сансиро машинально кивнул

в ответ. Девушка свернула направо и исчезла из виду.

Сансиро медленно вышел из клиники. Размышляя на ходу о том, что она, пожалуй, приняла его за студента-медика, Сансиро вдруг спохватился, что вёл себя неподобающим образом. Надо было проводить её до палаты. Вот досада!

Догнать девушку сейчас у Сансиро не хватило смелости. Он так же медленно прошёл ещё немного и резко остановился, поражённый вдруг пришедшей в голову мыслью: лента в волосах девушки была точь-в-точь такой, как та, которую Нономия купил в лавке. Едва волоча сразу отяжелевшие ноги, Сансиро, терзаясь догадками, миновал библиотеку, добрёл до главных ворот, и тут его окликнул неизвестно откуда взявшийся Ёдзиро:

— Эй, ты, почему не был на лекции? Нам сегодня рассказывали о том, как итальянцы едят макароны.

Подойдя ближе, Ёдзиро хлопнул Сансиро по плечу. Они прогулялись немного, и, когда вернулись к воротам, Сансиро спросил:

— Скажи, разве в это время года девушки повязывают тонкие ленты? Ведь их носят только в жару?!

Ёдзиро расхохотался.

— Об этом спроси лучше профессора Н. Он знает всё на свете.

Разговор на эту тему не состоялся. Сославшись на недомогание, Сансиро сказал, что на занятия сегодня не пойдёт. А Ёдзиро повернул к учебному корпусу, всем своим видом показывая, что зря потратил с Сансиро время.

4

Теперь Сансиро постоянно испытывал душевный разлад. Лекции слушал рассеянно, часто не записывая в тетрадь даже важные вещи. Порой он просто не узнавал себя.

Сансиро не понимал, что с ним происходит, и очень страдал. Наконец однажды он не выдержал и пожаловался Ёдзиро, что последнее время скучает на лекциях. Ёдзиро ответил в своей обычной манере:

— Что может быть интересного в лекциях! Только такой провинциал, как ты, мог до сих пор их слушать, терпеливо ожидая какого-то откровения. Ведь это же верх глупости! Их лекции от века таковы. Не удивительно, что ты наконец разочаровался в них.

— Да нет, не то чтобы разочаровался... — оправдывался Сансиро. Его тяжеловесная медлительная речь до смешного не вязалась с небрежно-иронической манерой выражаться, свойственной Ёдзиро.

Такие диалоги не раз повторялись на протяжении примерно двух недель. Однажды Ёдзиро сам критически заметил:

— Каким-то ты странным стал. Можно подумать, что ты устал от жизни. Прямо-таки олицетворение «конца века»!³⁰

— Да нет, не то чтобы... — по-прежнему мямлил Сансиро.

Он ещё не настолько окунулся в окружающую его искусственную атмосферу, чтобы восторгаться такими словами, как «конец века», или жонглировать ими, как это сделал бы человек, искушённый в различных новшествах. Некоторое впечатление, правда, произвела на него фраза «устал от жизни». Усталость он и в самом деле ощущал. Однако не относил её целиком на счёт частых расстройств желудка и в то же время не возводил её в жизненный принцип, в угоду моде. По этим причинам разговор с Ёдзиро не получился.

Между тем наступила середина осени. Аппетит у Сансиро с каждым днём улучшался.

³⁰ Новое и модное для Японии того времени слово, пришедшее из западноевропейской литературы (Бодлер и др.), отражавшей настроения скептицизма, разочарования и отчаяния, существовавшие в Европе второй половины XIX в.

Апатия прошла. В это время года двадцатитрехлетний юноша не мог, разумеется, чувствовать себя «уставшим от жизни». Сансиро много гулял. Не раз бродил он вокруг университетского пруда, но ничего сколько-нибудь примечательного не случилось. Не раз прогуливался возле клиники, однако встречались ему лишь незнакомые люди. Как-то он зашёл к Нономии, в подвал на естественном факультете, осведомиться о здоровье сестры. Оказалось, что она уже вышла из больницы. Спросить о девушке, встретившейся ему в клинике, Сансиро постеснялся, поскольку Нономия был очень занят. В другой раз спрошу решил Сансиро, поеду в Окубо, побеседую с ним не спеша и выясню, кто она и как её зовут. Поборов в себе любопытство, Сансиро попрощался и отправился бродить по городу. Он прошёл Табата, Докангьяма, потом кладбище в Сомэи, миновал тюрьму Сугамо, храм Гококудзи... Добрался даже до храма Якуси в Араи. На обратном пути он решил заглянуть к Нономии в Окубо, но от крематория пошёл не той дорогой и оказался в Таката, откуда ему пришлось вернуться поездом. В вагоне он съел почти все каштаны, которые купил для Нономии. Остаток уничтожил на следующий день Ёдзиро.

Чем бездумнее жил Сансиро, тем веселее становилось у него на душе. Первое время он был так внимателен на лекциях, что от напряжения часто терял способность воспринимать, но сейчас этого с ним не случалось. Он размышлял во время лекций о посторонних вещах, а кое-что сознательно вообще пропускал мимо ушей. Приглядевшись к остальным студентам, Сансиро обнаружил, что все, начиная с Ёдзиро, ведут себя точно так же. И он стал думать, что так, пожалуй, и нужно поступать.

Порой в голову ему приходила мысль о виденной им в тот памятный день ленте. И тогда он испытывал смутную тревогу, даже печаль. Появлялось желание тут же отправиться в Окубо, Но от этой мысли отвлекали различные картины, которые рисовало ему воображение, всё новые внешние впечатления, и он опять чувствовал себя легко и беззаботно, предавался мечтам и никак не мог собраться в Окубо.

Как-то во время послеобеденной прогулки Сансиро добрался до Дангодзака и, спускаясь по его склону, свернул влево, к широкой улице Сэндагибаяси. Стояли погожие осенние дни, и небо над Токио казалось таким же прозрачным, как в деревне. При одной лишь мысли, что живёшь под таким небом, голова становится ясной. А уж как хорошо здесь, в пригороде! Дышится легко, свободно. Душа становится бескрайней, как небо, а тело — упругим, не то что весной, когда чувствуешь себя каким-то расслабленным. Разглядывая живые изгороди по обеим сторонам улицы, Сансиро впервые наслаждался ароматами токийской осени.

Обогнув подножье холма, Сансиро неожиданно увидел узкие и длинные полотнища. Они оповещали, что здесь несколько дней назад начался традиционный осенний показ цветочных кукол³¹, изображающих героев старинных сказаний и легенд. Издали доносились голоса, звуки барабана, трещоток. Эти звуки, устремляясь вверх, медленно растворялись в чистом осеннем воздухе и постепенно замирали. Едва касаясь слуха Сансиро, они его не раздражали, а, напротив, радовали.

Вдруг из переулка появились двое. Один из них окликнул Сансиро. Это оказался Ёдзиро. В его спутнике Сансиро узнал того самого человека, который тогда в Аокидо пил чай, и сразу понял, что это Хирота-сан, что, впрочем, он давно уже предполагал. Каким-то странным образом судьба связала его с этим человеком ещё в поезде, когда они вместе ели персики. Ещё глубже ему врезалась в память встреча в Аокидо, когда Хирота пил чай и курил, а Сансиро, побыв там очень недолго, убежал в библиотеку. И тогда и сейчас Сансиро почему-то казалось, что у Хироты лицо синтоистского священника, а нос европейца. Хирота был в своём обычном летнем платье, однако по виду его нельзя было сказать, что ему холодно.

³¹ По-японски буквально «хризантемные куклы» — большие, в рост человека, куклы, одежды которых сплетены из цветов и листьев хризантем различной окраски.

Сансиро хотел обратиться к нему с приветствием, но не знал, что именно сказать, — слишком много прошло с тех пор времени. Поэтому он только приподнял фуражку и поклонился. Это было, правда, слишком вежливо по отношению к Ёдзиро и несколько фамильярно по отношению к Хироте. Ёдзиро тут же запросто познакомил их.

— Мой однокурсник. Окончил колледж в Кумамото и в первый раз приехал в Токио. — Он поспешил сообщить, что Сансиро провинциал, хотя никто его об этом не спрашивал, и повернулся к Сансиро: — А это Хирота-сэнсэй. Преподаватель колледжа...

Тут Хирота-сэнсэй произнёс:

— Знаю, знаю.

Лицо Ёдзиро выразило удивление. Однако он не стал докучать сэнсёю расспросами о том, откуда тот знает его друга, без всяких предисловий обратился к Сансиро:

— Ты не слышал, тут поблизости нигде не сдаётся дом? Разумеется, просторный, чистый, с комнатой для сёсэя...³²

— Дом? Сдаётся.

— Где же? А он не грязный?

— Да нет, чистый. С большими каменными воротами.

— Замечательно! Говори скорее, где он находится. Каменные ворота, сэнсэй, ведь это просто отлично. Мы непременно его снимем, да? — загорелся Ёдзиро. Однако сэнсэй ответил:

— Каменные ворота не подойдут.

— Не подойдут? Жаль. А почему, интересно?

— Не всё ли равно почему. Не подойдут.

— Но ведь каменные ворота — это чудесно. Жили бы так, словно вам пожаловали титул барона, а, сэнсэй? Разве плохо?

Ёдзиро говорил с самым серьёзным видом. Хирота насмешливо улыбался. В конце концов верх одержала серьёзность и решено было, во всяком случае, посмотреть дом. Сансиро взял на себя роль провожатого.

Выйдя переулком на соседнюю улицу, они прошли по ней с полквартиры к северу и очутились на узенькой улочке, скорее похожей на тупик. Она упиралась в сад, принадлежавший торговцу цветами. Немного не доходя до него, Сансиро и его спутники остановились. Справа они увидели два гранитных столба и железные створки ворот.

— Здесь, — сказал Сансиро. На воротах действительно висела табличка «Сдаётся».

— Вот это да! — Ёдзиро с силой толкнул ворота, но они оказались запертыми.

— Подождите, сейчас пойду спрошу, — быстро проговорил Ёдзиро и скрылся в глубине сада. Хирота и Сансиро оказались предоставленными самим себе.

— Ну что, нравится вам Токио?

— Как сказать...

— Город, конечно, большой, но грязный, верно?

— Да-а... Пожалуй...

— Нет, с Фудзисан ничто не сравнится, не правда ли?

О Фудзисан Сансиро совсем забыл. Ему показал эту гору Хирота, когда они ехали в поезде. Сейчас, вспомнив об этом, Сансиро ощутил её величие. И ничтожными показались мучившие его тревоги и сомнения. Сансиро устыдился того, что не заметил, как растерял тогдашние впечатления. Но тут Хирота озадачил его новым вопросом:

— Вы никогда не пробовали перевести Фудзисан?

— Перевести?

— Да, перевести. Любопытная вещь. Когда переводят природу, о ней говорят, как о человеке, наделяя теми же эпитетами: «величественная», «великая» или «могущественная»,

³² Сёсэй — подросток или юноша, живущий в доме учителя, врача и т. п. на положении полуслуги-полученика.

и всё в таком духе.

Сансиро наконец понял, в каком смысле Хирота употребил слово «переводить».

— Всякое явление можно персонифицировать. На это неспособны только такие люди, на которых природа не оказывает никакого нравственного влияния.

Сансиро молчал, ожидая продолжения разговора, но Хирота вдруг бросил взгляд в сторону сада, в котором скрылся Ёдзиро, и, словно обращаясь к самому себе, проговорил:

— Долго как! Интересно, что он там делает?

— Пойду посмотрю? — предложил Сансиро.

— Нет, что вы! Это бесполезно, так просто его сейчас оттуда не вытащишь. Лучше подождём, хлопот меньше.

С этими словами Хирота уселся на корточки под живой изгородью из трёхлистного лимонника, подобрал камешек и принялся рисовать на земле. Полная беспечность — как у Ёдзиро. Только совершенно иного характера.

Из-за густо растущих сосен раздался наконец громкий голос Ёдзиро:

— Сэнсэй! Сэнсэй!

Но сэнсэй продолжал рисовать. Что-то очень похожее на светильник перед буддийским храмом. Не получив ответа, Ёдзиро вынужден был подойти к ним.

— Пойдите посмотрите, сэнсэй... Дом вполне подходящий. Принадлежит садоводу. Можно попросить, и нам откроют ворота, но проще зайти со стороны сада.

Они прошли через сад торговца цветами к сдающемуся дому. Открывая снаружи ставни и заглядывая внутрь, обошли дом кругом и осмотрели все комнаты. В таком доме не зазорно было поселиться человеку среднего достатка. Плата, как сообщил Ёдзиро, сорок иен в месяц с уплатой вперёд за три месяца.

— Зачем понадобилось смотреть такой роскошный дом? — спросил Хирота, когда они вышли на улицу.

— Зачем понадобилось? А что в этом плохого? — возразил Ёдзиро.

— Ведь всё равно не снимем...

— Да нет, я бы снял за двадцать пять иен. Только хозяин никак не соглашается.

— Ещё бы! — проворчал Хирота.

Ёдзиро принялся рассказывать историю ворот с гранитными столбами. До последнего времени они стояли перед одним особняком, где часто бывал Ёдзиро. Потом их купил садовод, когда занялся перестройкой своего дома, и поставил их вон в том месте. Это было в духе Ёдзиро — узнавать всякие любопытные подробности.

Они стали молча спускаться к Табатанотани. О доме больше не вспоминали. Только Ёдзиро нет-нет да и заговаривал о воротах. За их доставку садовод уплатил чуть ли не пять иен. Так что деньжата у него, надо думать, водятся. Он и дом-то этот построил, чтобы сдать за сорок иен в месяц, как-то совсем не к месту заявил Ёдзиро, а кто, собственно, его снимет? Охотников наверняка не найдётся. Придётся хозяину снизить плату. И уж тогда они непременно снимут этот дом.

— Ты чересчур много болтаешь, — сказал Хирота. — Сколько времени из-за тебя потеряли! Мог быстрее покончить с этим делом.

— Это вы всерьёз насчёт времени? Так ведь вы сами что-то там рисовали. Сэнсэй тоже довольно беспечный человек.

— Ну, кто из нас беспечнее — ещё вопрос.

— А что это вы рисовали, позвольте спросить?

Сэнсэй не ответил. Тогда к нему обратился Сансиро с очень серьёзным видом:

— Это, кажется, был маяк?

Хирота и Ёдзиро рассмеялись.

— Маяк — это ты здорово придумал. Но, по-моему, сэнсэй рисовал Сохати Нономию!

— Что? Почему ты так решил?

— Талант Нономии-сан сверкает даже за границей, а в Японии он пребывает во мраке неизвестности. Никто его не знает. За мизерное жалованье он безвыходно сидит в своём

подвале — поистине неблагодарный труд. Смотреть на него жалко!

— Зато такие, как ты, светят не дальше чем на какой-нибудь шаг вокруг себя, точь-в-точь как круглый бумажный фонарь.

Ёдзиро, которого сравнили с круглым бумажным фонарём, вдруг повернулся к Сансиро.

— Ты в каком году родился, Огава-кун?

— Мне двадцать три, — ответил Сансиро.

— Да тебе, пожалуй, не дашь ни больше, ни меньше... Говоря откровенно, сэнсэй, я терпеть не могу таких вещей, как, скажем, круглый бумажный фонарь или японская трубка с круглой чашечкой. Может, это оттого, что я родился после пятнадцатого года Мэйдзи. Они кажутся мне чересчур старомодными и вызывают какое-то неприятное чувство... А ты, Огава-кун, что об этом думаешь?

— Никакой особой неприязни к этим вещам я не питаю, — ответил Сансиро.

— Впрочем, ты ведь только что приехал из своей кюсюской глуши и всё ещё держишься взглядов начала Мэйдзи.

Ни Сансиро, ни Хирота никак не прореагировали на это заявление. Они прошли ещё немного. На тщательно расчищенном участке, где прежде была криптомериевая роща, рядом со старым храмом стояло совсем новое, европейского стиля, здание, выкрашенное в голубой цвет. Видимо, сравнивая, Хирота посмотрел на храм, потом на голубое здание.

— Смешение эпох. Типичная черта материального и духовного мира Японии. Вы, вероятно, видели маяк в Кудане? — Снова зашёл разговор о маяке. — Это старинный памятник, он даже упоминается в «Альбоме достопримечательностей Эдо»³³.

— Нехорошо так шутить, сэнсэй. Каким бы старинным ни был маяк в Кудане, он всё равно не мог быть упомянут в «Альбоме достопримечательностей Эдо».

Хирота рассмеялся. По правде говоря, он уже понял, что спутал с этим альбомом цветные гравюры «Достопримечательности Токио». Однако продолжил свою мысль, сказав, что рядом с маяком, этим старинным сооружением, выстроено современное кирпичное здание Офицерского собрания Кайкося. Сочетание поистине, нелепое. Но никто этого не замечает, все равнодушно проходят мимо. Это весьма характерно для нынешнего японского общества.

Ёдзиро и Сансиро поддакнули: «Действительно». Они миновали храм и вскоре оказались перед большими чёрными воротами. Ёдзиро стал уверять, что дорога за этими воротами ведёт к Доканъяма. «А проход разрешён?» — на всякий случай спросил Хирота. Ёдзиро с убеждённостью ответил, что, разумеется, разрешён, что это загородная вилла Сатакэ и ходить здесь может кто угодно. Не сомневаясь больше, Сансиро и Хирота последовали за Ёдзиро. Но когда из рощи вышли к старому пруду, появился сторож и стал ругать их. Ёдзиро только успевал оправдываться.

Затем они вышли к Янака, прогулялись по Нэдзу, и домой Сансиро вернулся только к вечеру. Впервые за последнее время, казалось ему, он провёл день так весело и приятно.

На следующее утро Ёдзиро на занятиях не было. Не явился он и после обеда, как надеялся Сансиро. В библиотеке его тоже не оказалось. С пяти до шести Сансиро слушал общую лекцию для студентов филологического факультета. Записывать было невозможно — чересчур темно. А свет обычно зажигали позднее. Это было то время дня, когда небо между ветвями огромных вязов за продолговатыми окнами быстро темнеет, а лица лектора и слушателей становятся едва различимыми. Возникает ощущение таинственности: словно в полной темноте лакомишься пирожками с бобовым джемом. Сансиро с удивлением обнаружил, что не улавливает смысла лекции. Он сидел, подперев щёки руками, равнодушный ко всему, мысли его витали где-то далеко. Пожалуй, главное достоинство

³³ Эдо — столица феодальной Японии при сёгунах Токугава; был переименован в Токио в 1868 г. Маяк в Кудане, над Токийским заливом, был сооружён в 1871 г.

лекций, что на них можно вот так сидеть, подумал Сансиро. Вдруг вспыхнул свет. Он рассеял таинственность. Сансиро вдруг почувствовал голод, и ему захотелось домой. Видимо, догадавшись о настроении студентов, преподаватель быстро закончил лекцию. Сансиро поспешил к себе в Оивакэ.

Когда, переодевшись, он сел обедать, то увидел возле чашки с горячим супом письмо. По штемпелю он сразу догадался, что письмо от матери. К стыду своему, за целых полмесяца с лишним он ни разу не вспомнил о ней. Чем только не была забита теперь голова Сансиро: смешение эпох, персонификация Фудзисан, таинственная лекция, даже для той девушки в ней не осталось места. Но Сансиро это ни капельки не огорчало. Письмо он решил прочесть потом, а сам, не мешкая, поел. После обеда закурил и, созерцая дым, стал вспоминать последнюю лекцию.

Неожиданно явился Ёдзиро. На вопрос, почему он не был в университете, Ёдзиро ответил, что ему не до занятий: весь день искал дом.

— Отчего такая спешка? — удивился Сансиро.

— Спешка? Ещё в прошлом месяце мне следовало переехать. Уговорил хозяина подождать до праздника, а праздник на носу, послезавтра. Так что завтра, не позднее, я должен во что бы то ни стало найти жильё. Нет ли у тебя чего-нибудь на примете?

Говорит, дело срочное, а сам накануне столько времени потратил зря: то ли дом искал, то ли прогуливался. Сансиро недоумевал. Это потому, что с ним был Хирота-сэнсэй, объяснил Ёдзиро. Никак не скажешь, что это сэнсёю нужен дом. Сам он, во всяком случае, ни разу и не искал. А вчера вообще был не в себе. Из-за него нарвались на неприятность в усадьбе Сатакэ, а ему, Ёдзиро, отдуваться пришлось... — Ну так как, можешь что-нибудь посоветовать? — настойчиво переспросил Ёдзиро. Он только за этим, видно, и пришёл. Сансиро стал подробно его обо всём расспрашивать. Оказалось, что хозяин — ростовщик и дерёт за квартиру втридорога. А Ёдзиро это злит. Вот он и заявил хозяину, что они с Хиротой съезжают, а теперь несёт за это ответственность, — Сегодня побывал в Окубо, но и там ничего не нашёл. По пути зашёл к Сохати-сан, видел Ёсико-сан. Всё ещё болезненный вид у бедняжки... Лилейная красавица... Её мать велела тебе кланяться. Кстати, сейчас там как будто спокойно. После того случая, говорят, никто больше не бросался под поезд.

Возбуждённый беготнёй в поисках квартиры, Ёдзиро перескакивал с предмета на предмет. Впрочем, речь его вообще не отличалась связностью. Поговорив на очередную тему, он, как интермедию, вставлял вопрос: «А ты не посоветуешь, что-нибудь?» В конце концов Сансиро не выдержал и рассмеялся.

Между тем возбуждение Ёдзиро постепенно улеглось, и он весело болтал, с удовольствием щеголяя каким-нибудь китайским выражением вроде «крепко подружиться с вечерним светом»³⁴. Незаметно разговор перешёл на Хироту.

— А как зовут твоего сэнсэя?

— Его зовут Тё. — Ёдзиро пальцем начертил иероглиф. — Элемент «трава» наверху, по-моему, здесь лишний. Впрочем, не знаю, в словаре, может быть, и есть такой иероглиф. Странное имя у него.

— Он преподаёт в колледже?

— Да. И очень давно. Великий человек! Знаешь, есть выражение: «Десять лет как один день», а он, пожалуй, уже лет двенадцать, а то и тринадцать там работает.

— А дети у него есть?

— Какие там дети. Он холостяк.

Сансиро был несколько удивлён и даже не поверил: в таком возрасте — и всё ещё холостяк.

— Почему же он не женится?

— В этом весь сэнсэй. У него на этот счёт свои взгляды, чисто, я бы сказал,

³⁴ Выражение, обозначающее: «усидчиво заниматься».

теоретические. Стоит ли, говорит он, приводить жену в дом, если заранее известно, какой она будет. Глупо, конечно. У сэнсэя одно противоречит другому. Он говорит, что нет места грязнее Токио. А при виде красивых каменных ворот пугается. Это ему «не подходит», то «слишком роскошно».

— Словом, ему следует жениться.

— Попробуй предложи ему! В ответ услышишь: «Очень, очень хорошо», или что-нибудь в этом роде.

— Вот сэнсэй говорит, что в Токио грязно, что у японцев неприглядный вид. Он разве бывал за границей?

— Ну, что ты! Где ему! У него ведь всё от головы идёт, а факты для него мало значат. Европу изучает по открыткам. Их у него очень много: Триумфальная арка в Париже, здание парламента в Лондоне... После этого Япония, разумеется, кажется ему грязной. Отсюда его нетерпимость. Зато, как ни странно, он может жить в каком угодно грязном доме. Ему всё равно.

— В Токио он ехал в вагоне третьего класса.

— Не ворчал, что грязно?

— Как будто не ворчал.

— Имей в виду, что сэнсэй философ.

— Он преподаёт философию?

— Нет, английский язык. Но он от природы философ, вот что интересно.

— И труды имеет?

— Нет. Изредка пишет статьи, но ничьего внимания они не привлекают. Это нехорошо. А что поделаешь — люди о нём ничего не знают. Вот обозвал меня бумажным фонарём, а сам он светило, которое не светит.

— Ему, наверно, надо бы повращаться в обществе.

— Надо бы повращаться в обществе, говоришь? Что ты! Ведь сэнсэй о себе ни капли не заботится. Если б не я, он и о еде забыл бы. Вот он какой!

Сансиро рассмеялся с таким видом, словно хотел сказать: «Так уж прямо и забыл бы!»

— Точно тебе говорю. Даже жаль его, такой он беспомощный. Уж я велел служанке всячески угождать сэнсэю... Впрочем, всё это мелочи. А вот сделать его профессором университета я попробую. Ради этого готов разбиться в лепёшку!

Сансиро был несколько озадачен таким заявлением. Однако Ёдзиро, нимало не смущаясь, продолжал в том же духе с самым серьёзным видом и под конец попросил:

— Когда будем переезжать, непременно приходи помочь.

Ушёл Ёдзиро около десяти. Сансиро вдруг почувствовал, что озяб. Только сейчас он заметил, что ещё не закрыты ставни окна, у которого стоял стол. Сансиро раздвинул сёдзи. Луна озаряла своим бледным светом ветви кипариса, неизменно вызывавшего у Сансиро неприятное чувство. От этого тёмный силуэт дерева казался подёрнутым лёгкой серебристой дымкой. «Удивительно, что даже кипарис выглядит по-осеннему», — подумал Сансиро. Он закрыл ставни и сразу же лёг спать.

Сансиро был натурой увлекающейся, скорее склонной к созерцанию, нежели к усидчивому и повседневному труду. Читал он сравнительно мало. Зато увидев нечто, поразившее его воображение, мог предаваться всё новым и новым мечтам и в этом находил удовольствие. Вот в чём, думал он, и состоит истинный смысл жизни. Сегодня он тоже охотно пустился бы в воспоминания, скажем, о том, как на лекции, которую он слушал в аудитории, погруженной в таинственный полумрак, вдруг зажгётся свет. Однако его ждало письмо матери.

Мать писала, что Синдзо принёс в подарок мёду и теперь каждый вечер она смешивает его с картофельной водкой и выпивает чашечку. Синдзо — их арендатор, каждую зиму он приносит двадцать мешков риса в качестве арендной платы. Человек исключительно честный, но до того вспыльчивый, что порой даже бьёт жену палкой... Сансиро вспомнил, как Синдзо стал разводить пчёл. Это было давно, лет пять назад. Однажды, заметив на дубе,

росшем на заднем двореике, две-три сотни пчёл, он, не мешкая, взял большую воронку, налил в неё сакэ и обрызгал их, после чего собрал и положил в ящик. В ящике проделал отверстия и поставил его на камень на солнечной стороне. Пчёл становилось всё больше, и пришлось поставить второй улей. Потом третий. Так в конце концов у него оказалось шесть или семь ульев. Один из ульев Синдзо раз в год снимает с камня, чтобы вынуть мёд для пчёл. Каждое лето, когда Сансиро приезжал на каникулы, Синдзо обещал принести мёду, но обещания своего ни разу не выполнил. Что же в этом году с ним случилось? Память, что ли, стала у него лучше?..

Синдзо сообщил, писала мать дальше, что Хэйтаро поставил надгробие на могиле отца, и просил её прийти посмотреть. Она пошла и в самом центре сада, на расчищенной от деревьев и травы площадке, увидела гранитное надгробие. Хэйтаро им очень гордится. Целых несколько дней понадобилось, чтобы вырубить этот кусок гранита из скалы, да ещё потом каменотёсу пришлось заплатить за работу. Десять иен взял. Простые крестьяне не разбираются в таких вещах, а вот ваш сын — молодой барин, он, мол, в университете учится и наверняка понимает, какой хороший камень, а какой плохой. Так что спросите его об этом, когда будете писать, и ещё пусть напишет, сколько может стоить такой памятник... Сансиро засмеялся. Это почище каменных ворот в Сэндаги.

Пришли фотографию в университетской форме, писала мать. «Надо будет как-нибудь сняться», — подумал Сансиро. Дальше, как он и предполагал, шли строки об О-Мицу-сан... Недавно приходила матушка О-Мицу-сан. Скоро Сансиро-сан окончит университет, сказала она и спросила, не возьмёшь ли ты в жёны её дочь. О-Мицу-сан и собой хороша, и добра, и с достатком. Дом есть, участок большой, так что это обеим семьям пойдёт на пользу, тем более что они издавна в добрых отношениях... Затем следовала приписка. «О-Мицу-сан будет рада... К токийским девушкам у меня что-то душа не лежит. Кто знает, какой у них нрав».

Сансиро сунул письмо в конверт, положил у изголовья и закрыл глаза. На потолочных балках заскреблились мыши, но вскоре опять всё стихло.

В представлении Сансиро как бы жило три мира. Один, теперь уже далёкий, хранил аромат времени до пятнадцатого года Мэйдзи, того самого, о котором говорил Ёдзиро. Всё там дышало покоем, как в сонном царстве. Стоит Сансиро захотеть, и он сможет туда вернуться — настолько это просто. Но он не хочет, тем более что в том нет надобности. Покинутое место. В нём Сансиро накрепко запер своё прошлое, с которым навсегда расстался. Лишь при воспоминании о милой матушке Сансиро испытывал раскаяние, поскольку даже её предал забвению. Получив письмо из дому, Сансиро подолгу мысленно бродил в этом брошенном им мире, с тёплым чувством заново переживая прежние радости.

Второй мир — это замшелое кирпичное здание. Просторный читальный зал, такой большой, что лица людей в противоположном его конце едва можно различить. Книги чуть не до самого потолка, так что без лестницы их не достанешь. Они потемнели от прикосновения множества рук, множества пальцев, но сверкают золотым тиснением. Некоторым из них по двести лет. Овечья кожа, воловья кожа, толстый слой пыли, драгоценной пыли, скопившейся за два-три десятка лет. В ней спокойствие всех времён.

В этом мире почти все носят неопрятные усы. Ходят либо задумчиво глядя вверх, либо сосредоточенно под ноги. Одеваются тоже неряшливо. Живут бедно. И в то же время беспечно. Окружённые шумом и суетой, они дышат воздухом мира и покоя, ничуть не заботясь о том, что думают о них другие. Они несчастны, поскольку не знают реальной жизни, и в то же время счастливы, потому что не ведают земных мук. В их число входит Хирота-сэнсэй. И Нономия-кун тоже. Сансиро уже близок к пониманию этого мира. Он волен его покинуть. Но жаль. Стольких трудов стоило постичь его сущность и очарование!

Третий мир искрится и сверкает, он полон живой прелести, как раскованная весна. Яркий электрический свет. Серебряные ложки. Радостные возгласы. Шутки. Пенящееся шампанское. И, наконец, женщины. Прекрасные женщины. Он дважды видел одну из них. С другой ему даже случилось разговаривать. Он манит к себе, этот мир. Он — как молния:

кажется, будто совсем близко, а на самом деле очень далеко. Сансиро с любопытством присматривался. Он должен, казалось ему, занять там своё место и даже стать главным героем в каком-нибудь его уголке. Для этого у него есть все данные. И всё же этот мир, в который Сансиро надеялся войти с такой лёгкостью, пока закрыт для него. Удивительное и поистине любопытное обстоятельство!

Лёжа в постели, Сансиро поставил все три мира в ряд для сравнения, затем мысленно слил их воедино и пришёл к выводу, что самое, лучшее для него — привезти в Токио мать, жениться на красивой девушке и посвятить себя наукам.

Вывод был самым банальным, но Сансиро пришёл к нему путём долгих размышлений и именно с этой точки зрения его оценил.

Правда, представителем третьего, такого необъятного мира Сансиро избрал для себя всего лишь жену. А сколько на свете красивых женщин! Если, пользуясь языком Хироты, подумал Сансиро, «перевести», точнее, персонифицировать, женскую красоту, она окажется чрезвычайно разнообразной. А коль скоро возможно её персонифицировать, необходимо почаще общаться с красивыми женщинами, чтобы расширить границы нравственного влияния персонификации и довести до совершенства собственную индивидуальность. Вот и выходит, что удовлетвориться женой значит, пожалуй, остановиться в своём развитии.

Тут логические построения Сансиро были несколько нарушены пришедшей ему в голову мыслью: «Я, кажется, заразился от Хироты-сан». Ведь Сансиро ещё не постигло столь острое разочарование.

Лекции на следующий день были, как всегда, скучны, однако сама атмосфера, царившая в аудитории, тоже, как всегда, уводила далеко от мирской суеты, и времени с утра до трёх часов дня оказалось вполне достаточно, чтобы вернуть Сансиро в лоно второго мира. Мимо полицейского участка Оивакэ он шёл с видом великого учёного. И вдруг встретил Ёдзиро.

— Ха-ха-ха, — расхохотался тот. От величия Сансиро не осталось и следа. Даже полицейский в будке едва заметно улыбнулся.

— Ты что? — спросил Сансиро.

— Да так, ничего. Только, знаешь, ходил бы ты по-человечески. А то напустил на себя эдакую «романтическую иронию».

Сансиро не очень понимал смысл этого европейского выражения. И, не зная, что сказать, спросил совсем о другом!

— Нашёл квартиру?

— С этим сообщением я как раз и заходил к тебе только что. Завтра наконец-то переселяемся. Приходи помочь.

— Куда?

— Нисикатамати, десять — три. Пойдёшь туда к девяти часам, наведёшь порядок и дождёшься меня. Я приду позже. Ладно? Так к девяти, не забудь. Ну, пока!

Ёдзиро поспешил дальше. А Сансиро заторопился домой. Вечером он пошёл в университетскую библиотеку — справиться относительно «романтической иронии». В словаре было сказано, что этот термин ввёл в обиход немец Шлегель³⁵. А смысл его был таков: истинному гению положено весь день бродить без дела и без цели. Сансиро успокоился, вернулся домой и лёг спать.

Следующий день был праздничным по случаю дня рождения императора, и занятия в университете отменялись. Однако Сансиро, помня уговор с товарищем, встал, как обычно, и отправился на Нисикатамати, 10. Это оказался старый дом в самом центре очень узкой улочки.

Прихожая была устроена по-европейски. Слева от неё, по коридору, находилась

³⁵ Фридрих фон Шлегель (1772–1829) — литературный критик, принадлежал к немецкой романтической школе.

гостиная. За нею шла столовая, напротив столовой — кухня. Рядом с кухней была комната для прислуги. На втором этаже тоже были комнаты, но определить их расположение и размер было трудно.

В наведении порядка, как просил его Ёдзиро, Сансиро не видел особой необходимости. Нельзя сказать, что всё здесь сверкало чистотой, но ничего лишнего не было — разве что татами да прогнившие деревянные перегородки, которые нужно было выбросить. Размышляя, Сансиро открыл ставни, сел на веранде и стал разглядывать сад.

Там рос мирт. Он уходил своими корнями в соседний сад и склонился ветвями над самой изгородью, словно стремясь вторгнуться на чужую территорию. Была ещё сакура по эту сторону изгороди, но её ветви раскинулись так широко, что едва не задевали телефонные провода на улице. Единственный розовый куст стоял совсем без цветов — видимо, это были зимние розы и ещё не наступила пора цветения. Словом, сад имел какой-то жалкий вид, хотя на самоё землю, ухоженную, без бугров, приятно было смотреть. Сад, наверно, специально был так устроен, чтобы любоваться землёй.

В колледже неподалёку прозвенел звонок: там началась церемония в честь дня рождения императора. Наверно, уже девять, подумал Сансиро и решил, что нехорошо сидеть без дела. Может быть, подмести опавшие листья сакуры? Тут он вспомнил, что нет метлы, и снова сел. Буквально через две минуты открылась калитка, и в саду появилась та самая девушка, которую он видел однажды у пруда.

Площадь сада, имеющего форму правильного четырёхугольника, не достигала и десяти цубо³⁶. С двух сторон тянулась живая изгородь. Едва завидев девушку в этом тесном пространстве, Сансиро подумал, что цветами надо любоваться в вазе.

Сансиро спустился с веранды, а девушка отошла от калитки.

— Извините, я... — проговорила девушка. Она поклонилась, но головы не опустила, продолжая смотреть на Сансиро, отчего шея её показалась Сансиро чересчур длинной, и он физически ощутил отражение её глаз в своих.

Как-то на днях преподаватель эстетики показал Сансиро картину Грёза, заметив при этом, что лица всех женщин, написанных этим художником, исполнены чувственности. Никаким другим словом нельзя было бы определить взгляд девушки в этот момент. Он манил к себе, этот взгляд. Говорил о чём-то пленительном. Он, несомненно, пробуждал плоть, но сквозь плоть проникал в самую душу. Он вызывал скорее мучительное, чем сладостное чувство. В нём не было и намёка на кокетство. Напротив, какая-то серьёзность, почти суровость. И не ответить на такой взгляд было невозможно. При этом чисто внешнего сходства у девушки с картиной Грёза не было. У той, на картине, глаза были чуть ли не в половину больше.

— Я хотела спросить... сюда ли переезжает Хирота-сан?

— Да, сюда.

По сравнению с голосом и тоном девушки ответ Сансиро мог показаться грубым. Он сам это чувствовал. Но так уж у него получилось.

— Скажите, пожалуйста, он уже здесь? — спросила девушка удивительно ясным голосом.

— Нет ещё. Но должен вот-вот приехать.

Девушка стояла в нерешительности, держа в руках большую корзину. Сансиро и на этот раз не смог бы сказать, в каком она была кимоно. Он заметил лишь, что сегодня оно но сверкало. Рисунок на сжатой ткани казался очень неопределённым и нечётким.

С сакуры время от времени падали лепестки. Один из них опустился на крышку корзинки и тут же улетел, подхваченный ветром. Ветер набросил на девушку покрывало осени и унёсся к соседям. Тогда девушка спросила:

— А вы?..

³⁶ Цубо — 3,3 квадратных метра.

— Меня попросили привести здесь всё в порядок, — сказал Сансиро, и ему самому стало смешно: ведь его застали, когда он бездельничал. Девушка тоже рассмеялась.

— Может быть, мне подождать?

Она как бы спрашивала согласия Сансиро и тем доставила ему большое удовольствие.

— Ага, — ответил он.

Девушка продолжала стоять. А Сансиро не придумал ничего лучшего, как задать ей тот же вопрос, что и она ему:

— А вы?..

Девушка поставила корзину на веранду, достала из-за оби визитную карточку и подала её Сансиро.

На карточке значилось: «Минэко Сатоми, р-н Хонго, Масаготё». Оказывается, она живёт совсем близко, за оврагом. Пока Сансиро разглядывал визитную карточку, девушка села.

— А я вас видел, — сказал Сансиро, спрятал карточку в карман и взглянул на девушку.

— Да, тогда в клинике...

— Не только в клинике.

— И ещё у пруда, — быстро сказала девушка. Она хорошо это помнила. Сансиро молчал, не зная, что сказать. — Я вас ничем не обидела? — спросила девушка и тоже замолчала.

— Нет, — коротко отозвался Сансиро. Теперь всё своё внимание они сосредоточили на сакуре. На её верхушке ещё оставались листья, вроде бы изъеденные жучками. Вещи Хироты всё не везли. — У вас какое-нибудь дело к сэнсёу? — вдруг спросил Сансиро. Девушка оторвала взгляд от сухих веток сакуры и резко повернулась к Сансиро. «Какой вы странный» — было написано на её лице. Но ответила она просто:

— Меня тоже попросили помочь.

Сансиро только сейчас заметил, что на веранде полно песку.

— Смотрите, сколько песку. Вы испачкаете кимоно.

— Возможно, — Девушка огляделась вокруг, но не встала. Некоторое время она осматривала веранду, потом перевела взгляд на Сансиро и спросила с улыбкой: — Вы здесь уже убирали?

Сансиро уловил в её улыбке дружескую непринуждённость и ответил:

— Нет ещё.

— Может, сделаем это вместе? Я помогу вам.

Сансиро тотчас поднялся. Девушка спросила, где взять веник и щётку, но продолжала сидеть. Сансиро ничего с собой не принёс и сказал, что сбегает в лавку, однако девушка отсоветовала ему попусту тратиться и предложила попросить щётку и веник у соседей. Сансиро тут же пошёл к соседям и вскоре вернулся с веником, щёткой, ведром и тряпкой. Девушка продолжала разглядывать ветки сакуры.

— Взяли?.. — спросила она, увидев Сансиро, который держал в руке ведро, а на плече веник.

— Взял, — коротко ответил Сансиро. Не обращая внимания на песок, девушка, как была в белых таби, поднялась на веранду, оставляя на песке маленькие изящные следы. Она вытащила из рукава кимоно белый передник, отороченный по краям тесьмой, словно кружевом, слишком нарядный для уборки, подоткнула его под оби и взяла веник.

— Ну что ж, начнём, — сказала она, закинув широкий рукав кимоно за плечо. Сансиро увидел удивительно красивую, обнажённую почти до плеча, руку, край рукава прелестного нижнего кимоно и на какой-то миг застыл на месте, раскрыв рот, но тут же спохватился и, гремя ведром, пошёл на кухню.

Минэко подметала, а Сансиро шёл за нею следом, протирая пол мокрой тряпкой. Пока Сансиро выбивал татами, Минэко счищала грязь с сёдзи. К тому времени, когда уборка подходила к концу, они стали почти друзьями. С веником и щёткой Минэко поднялась на второй этаж и позвала Сансиро, который пошёл на кухню сменить воду в ведре.

— Поднимитесь, пожалуйста, сюда.

— А что случилось?

Стоя внизу у лестницы, Сансиро видел лишь передник девушки, белевший в темноте. С ведром в руке он стал подниматься по лестнице и вскоре очутился в какой-нибудь трети метра от неподвижно стоявшей Минэко, едва не касаясь лицом её лица.

— Что случилось?

— Темень такая, ничего не видно.

— Почему же это?

— Да вот не знаю...

Сансиро проскользнул мимо Минэко, поставил ведро и хотел открыть ставень, но не мог справиться с задвижкой. Минэко подошла к нему.

— Не открывается? — спросила девушка и пошла к противоположному окну. — Здесь попробуйте.

Сансиро молча подошёл к ней. Он чуть было не коснулся её руки, но вдруг зацепился за ведро. Раздался грохот. Общими усилиями они наконец открыли один ставень. В глаза ударил ослепительно яркий свет солнца. Они посмотрели друг на друга и неожиданно рассмеялись.

Окно с бамбуковой решёткой на противоположной стороне им тоже удалось открыть. Поглядев в сад, где бродили куры, Минэко снова взялась за веник, а Сансиро — за тряпку. Оп ползал на четвереньках, вытирая пол.

— Ого! — сказала Минэко, посмотрев на Сансиро.

Вскоре Минэко бросила веник на татами и стала смотреть в окно. Сансиро тоже кончил уборку, сунул тряпку в ведро и подошёл к Минэко.

— Что вы там разглядываете?

— Угадайте.

— Кур?

— Нет.

— То большое дерево?

— Нет.

— Что же тогда?

— Облака.

По небу и в самом деле плыли облака. Ярко-синее небо и на нём пышные, похожие на блестящую вату облака. Разгоняемые сильным ветром, они становились вдруг такими тонкими, что сквозь них просвечивала синева, либо сбивались в кучу и торчали, словно заусеницы, белыми мягкими иглами.

— Вы только посмотрите, как они похожи на страусовое боа!

Сансиро не знал, что такое боа; и честно в этом признался. Минэко с удивлением протянула: «Да-а», — но тут же спохватилась и вежливо объяснила.

— А, знаю, — ответил тогда Сансиро.

Потом он сообщил ей, как слышал недавно от Нономии, что облака представляют собой снежную пыль, и если даже снизу видно, как они движутся, то скорость у них, пожалуй, больше, чем у ураганного ветра.

— Вот как? — Минэко посмотрела на Сансиро и безапелляционно заявила: — Скучно думать, что это снег.

— Почему же?

— Да так... Облака должны быть облаками. Иначе зачем бы ими любовались?

— Вы так думаете?

— Что значит «думаете»? А вам всё равно, облака это или снег?

— Вас, вероятно, привлекает то, что высоко над вами?

— Пожалуй, — ответила Минэко, снова устремив взгляд на небо, где бесконечной чередой плыли облака.

В это время тишину переулка нарушил стук колёс приближающейся тележки.

— Приехали, — сказал Сансиро.

— Как быстро, — отозвалась Минэко, не шелохнувшись.

Она прислушивалась к грохоту тележки с таким видом, словно он мог как-то повлиять на движение облаков. Нещадно нарушив спокойствие осеннего утра, повозка вскоре подкатила к воротам.

Сансиро оставил Минэко и сбежал вниз. Ёдзиро как раз входил в ворота.

— Раненько ты пришёл, — первым заговорил Ёдзиро.

— Зато ты поздно, — ответил Сансиро, в этом смысле расходясь во мнении с Минэко.

— Поздно, говоришь?.. А что делать? Мне одному пришлось все вещи укладывать. Только служанка да рикша помогали.

— А сэнсэй где?

— В колледже.

Тем временем рикша стал разгружать вещи. Наказав ему и служанке переносить кухонную утварь, Ёдзиро и Сансиро занялись книгами. Книг было много, и расставить их оказалось делом нелёгким.

— А барышня Сатоми ещё не пришла?

— Пришла.

— Где же она?

— Наверху.

— Что она там делает?

— Что делает? Ничего. Просто находится наверху.

— Я тебя серьёзно спрашиваю.

Ёдзиро подошёл к лестнице и крикнул:

— Сатоми-сан, а Сатоми-сан. Помогите нам, пожалуйста, расставить книги.

— Сейчас приду.

С веником и щёткой Минэко стала не спеша спускаться вниз.

— Что вы там делали? — нетерпеливо спросил Ёдзиро.

— Уборку.

Дождавшись наконец Минэко, Ёдзиро подвёл её к комнате, где у самого входа грудami лежали книги. Перебирая их, спиной к двери сидел на корточках Сансиро.

— Какой ужас! — воскликнула Минэко. — Что же с этим делать?

Не меняя позы, Сансиро оглянулся с улыбкой.

— Ничего ужасного, — сказал Ёдзиро. — Внесём всё это в комнату и поставим на полки. Вот-вот должен подойти сэнсэй, он нам поможет. Послушай-ка, — недовольным тоном обратился он к Сансиро, — если ты собираешься читать сейчас подряд все книжки, толку не будет. Потом займёшься этим, на досуге.

Они распределили между собой роли. Минэко и Сансиро разбирали книги и передавали Ёдзиро, а он расставлял их по полкам.

— Вы только как попало не давайте, — сказал Ёдзиро, размахивая тонкой синей книгой. — Тут должен быть ещё один том — продолжение.

— Нет его здесь.

— Как нет? Не может быть!

— Нашёл, нашёл! — крикнул Сансиро.

— Дайте-ка взглянуть, — наклонилась к нему Минэко. — «История интеллектуального развития...»³⁷ Ага, в самом деле нашлась...

— Ага, нашлась, — проворчал Ёдзиро. — Давайте быстрее сюда.

Все трое целых полчаса работали без передышки. Даже Ёдзиро успокоился и перестал торопить своих помощников. Когда же Сансиро и Минэко заглянули в комнату, то увидели,

³⁷ Книга из библиотеки писателя. Автор её — Джон Крозье (1849–1921), уроженец Канады. Философ, историк, экономист. Первый том вышел в 1897 г., третий — в 1901-м. Второй том, по-видимому, не был издан.

что он тихонько сидит перед полкой, скрестив ноги. Минэко слегка тронула Сансиро за плечо. Сансиро, смеясь, окликнул Ёдзиро:

— Эй, ты что это притих?

— Гм. Сижу и думаю, зачем сэнсёю столько бесполезных книг. Только хлопоты доставляет людям. Продам бы лучше да куплю акции какие-нибудь. Э, да что говорить, — вздохнул Ёдзиро.

Сансиро и Минэко весело переглянулись. Раз начальник сидит без дела, почему бы и им не передохнуть? Сансиро стал листать какой-то сборник стихов. Минэко раскрыла на коленях большой альбом с рисунками. С чёрного хода доносился шум — это переругивались рикша со служанкой.

— Взгляните-ка, — тихо проговорила Минэко. Сансиро склонился над альбомом и ощутил исходивший от волос девушки аромат духов.

На фоне моря была изображена обнажённая женщина с хвостом рыбы. Она причудливо изогнулась, так что только хвост был обращён к морю. Одной рукой она придерживала длинные волосы, в другой — держала гребень.

— Русалка!

— Русалка!

Они одновременно прошептали это слово, едва не касаясь друг друга. Тут притихший было Ёдзиро вдруг спохватился:

— Что это вы разглядываете?

Он вышел в коридор, и теперь уже все трое склонились над альбомом, листая его и обмениваясь глубокомысленными замечаниями.

Наконец появился Хирота, во фраке. Он возвратился с торжества по случаю дня рождения императора. Молодые люди быстро захлопнули альбом и приветствовали его.

— Хорошо бы побыстрее управиться, — сказал Хирота.

И они с усердием взялись за дело. При хозяине дома уже неловко было работать спустя рукава. Через час всё было готово. Оставалось лишь полюбоваться аккуратно расставленными на полках книгами.

— Что не успели, завтра приведём в порядок, — заявил Ёдзиро таким тоном, будто хотел сказать: «Хватит с вас и этого».

— У вас много книг, — заметила Минэко.

— И вы всё это прочли, сэнсэй? — поинтересовался Сансиро. Возможно, ему действительно понадобилось выяснить для себя это обстоятельство.

— Кто может столько прочесть? Разве что Сасаки!

Ёдзиро почесал голову. А Сансиро совершенно серьёзно сообщил, что с недавнего времени берёт книги в университетской библиотеке, и какую бы книгу ни взял, оказывается, что она уже была у кого-то на руках. Даже в романе некой Афры Бен, который он взял на пробу, есть пометки на полях. Вот он и хочет знать, сколько может прочесть человек.

— Ну, Афру Бен я читал, — сказал Хирота, чем немало удивил Сансиро.

— Невероятно! — воскликнул Ёдзиро. — Ведь обычно вы читаете то, чего не читают другие.

Хирота рассмеялся и пошёл в другую комнату. Видимо, чтобы сменить фрак на кимоно. Минэко вышла следом за ним. Тогда Ёдзиро сказал Сансиро:

— Вот почему я и говорю, что он светило, которое не светит. Всё на свете прочёл. А отдачи никакой. Увлекался бы лучше модными новинками да был понапористее.

Всё это Ёдзиро произнёс без тени ехидства. Сансиро продолжал молча смотреть на книжные полки. Из гостиной послышался голос Минэко:

— Идите сюда! Будем чай пить!

Молодые люди покинули кабинет и коридором прошли в гостиную. Посреди гостиной стояла корзина Минэко с откинутой крышкой. Минэко доставала из неё бутерброды и раскладывала на тарелочки. Между Ёдзиро и Минэко произошёл следующий разговор:

— Вот молодчина, не забыла принести.

— Но ведь вы просили.

— Вы и корзину купили?

— Нет.

— Нашли дома?

— Да.

— Уж очень она велика. Вы, конечно, на рикше приехали? Кстати, рикшу надо было оставить, пусть поработал бы немного.

— Рикшу отправили с поручением. А такую корзинку и женщина в силах принести.

— Это вы так рассуждаете. А другая ни за что не согласилась бы.

— В самом деле? Тогда и я зря согласилась.

Разговаривая с Ёдзиро, Минэко продолжала раскладывать еду на тарелочки. Речь её лилась неторопливо и спокойно, восхищая Сансиро.

Служанка принесла чай. Все уселись вокруг корзинки и принялись за еду. Воцарилось молчание. Первым его нарушил Ёдзиро.

— Позвольте вас спросить, сэнсэй. Недавно вы упоминали о какой-то Бен. Верно?

— Афре Бен?

— Да. Так вот, кто, собственно, она такая?

— Талантливая английская писательница семнадцатого века.

— Семнадцатого? Чересчур далеко. Материал для журнала из этого не сделаешь.

— Далеко — это верно. Зато она первая женщина, ставшая профессиональной писательницей. И этим знаменита.

— Ещё и знаменита? Это меня совсем не устраивает. Тогда скажите, пожалуйста, что она написала.

— Я читал только «Оруноко». Кажется, под таким названием этот роман входит в её собрание сочинений. Так, Огава-сан?

Всё это Сансиро забыл и попросил Хироту напомнить ему содержание романа. Как выяснилось, в романе шла речь о негритянском короле Оруноко, который был обманут и продан в рабство английским капитаном и перенёс много лишений и страданий. Считают, что Афра Бен была свидетельницей этих событий.

— Интересно. Скажите, Сатоми-сан, вас не привлекает идея написать о таком вот Оруноко?

— Привлекает, но, к сожалению, я не была очевидицей подобных событий...

— Если вам в главные герои нужен негр, то за него вполне сойдёт Огава-кун. Он с Кюсю, и кожа у него тёмная.

— Что за злой язык, — сказала Минэко, беря под защиту Сансиро, и тут же повернулась к нему: — Разрешаете?

Встретив её взгляд, Сансиро вспомнил, как утром девушка вошла в калитку с корзинкой в руках. Воспоминание это его опьянило, и он не мог произнести даже вежливое: «Пожалуйста, прошу вас».

Хирота закурил.

— Дым и то выпускает как философ, — съязвил Ёдзиро. И в самом деле, курил Хирота тоже по-особому, через равные промежутки времени лениво выпуская из ноздрей две густые струи дыма. Созерцая эти струи, Ёдзиро сидел молча, слегка касаясь спиной перегородки, Сансиро рассеянно смотрел в сад. Всё это походило не на переезд, а скорее на дружескую встречу небольшой компании. Беседа шла легко и приятно. Минэко, стоя за спиной Хироты, аккуратно складывала снятый им европейский костюм. Пожалуй, и кимоно она помогла ему надеть.

— Кстати, я вам сейчас расскажу об этом Оруноко. А то по рассеянности Ёдзиро может всё перепутать, — заметил Хирота, перестав попыхивать сигаретой.

— О, я охотно послушаю, — с готовностью откликнулся Сансиро.

— По выходе в свет этого романа некто по имени Саузерн³⁸ сделал из него драму и издал под тем же названием.

Но это совершенно самостоятельное произведение и путать их нельзя.

— А я и не путаю.

Минэко, складывавшая костюм, бросила взгляд на Ёдзиро.

— В этой пьесе есть замечательная фраза: «Pity's akin to love»³⁹, - продолжал Хирота, снова энергично выпуская свой «философский» дым.

— В японской литературе, кажется, тоже есть нечто подобное, — вступил в разговор Сансиро, и все его поддержали. Но что именно — никто не мог припомнить. Потом каждый пытался перевести английскую фразу, но ничего не получилось.

В конце концов Ёдзиро высказал суждение, весьма для него нехарактерное:

— Перевести можно только в форме народной песни. Сам дух этой фразы народный.

После такого заявления решено было поручить перевод одному Ёдзиро. Подумав немного, Ёдзиро сказал:

— Что, если так... Не совсем точно, правда... «Милого жалею — потому люблю».

— Что за пошлость! — поморщился Хирота. — Нет, нет, не годится.

Это было сказано с такой забавной брезгливостью, что Сансиро и Минэко рассмеялись. Как раз в этот момент скрипнула калитка, и вошёл Нономия.

— Ну что, навели порядок? — спросил он, подойдя к веранде.

— Нет ещё, — быстро ответил Ёдзиро.

— Помогли бы немного, — подхватила Минэко.

— А у вас, я вижу, весело, — с улыбкой заметил Нономия. — О чём-нибудь интересном беседуете?

С этими словами он присел на край веранды вполоборота ко всем.

— Я перевёл тут одну фразу, а сэнсэй меня отчитал.

— Фразу? Какую же?

— Да так, пустяки, «Милого жалею — потому люблю».

— Что такое? — Нономия повернулся к Ёдзиро, — Это о чём, собственно? Не понимаю.

— Никто не понимает, — вмешался Хирота.

— Да нет, я просто в стиле песни сделал, а если точно перевести, то получится «Жалеть — значит любить».

— Ха-ха-ха. А как в подлиннике?

— Pity's akin to love, — сказала Минэко. У неё оказалось великолепное произношение.

Нономия встал, прошёлся по садику перед верандой, потом обернулся и сказал:

— А перевод и в самом деле удачный.

Сансиро невольно следил за Нономией — за его манерой держаться, за направлением его взгляда.

Минэко сходила на кухню, принесла свежего чаю и, подойдя к краю веранды, протянула чашку Нономии:

— Пожалуйста! — затем села и спросила: — Как здоровье Ёсико-сан?

— Да она, можно сказать, уже здорова, — ответил Нономия, принимаясь за чай, и повернулся к Хироте.

— Знаете, сэнсэй, мы, кажется, напрасно переезжали в Окубо, только время и силы потратили, придётся, наверно, снова переселяться в этот район.

— Почему?

³⁸ *Саузерн Томас* (1660–1746) — английский драматург. Известность принесла ему переделка в драматические произведения двух романов Афры Бен «Оруноко» и «Роковой брак».

³⁹ «Жалость сродни любви» (англ.).

— Сестре не нравится ходить в школу через поле Тояма. К тому же по вечерам она скучает, когда я допоздна засиживаюсь в лаборатории. Пока, правда, ещё сносно — мать живёт с нами. Но скоро она возвращается в деревню. А служанка такая же трусиха, как сестра... Вот морока, — не то в шутку, не то всерьёз вздохнул Нономия и обратился к Минэко: — Не желаете; ли, Сатоми-сан, завести себе компаньона?

— Охотно.

— А кого именно, Сохати-сан или Ёсико-сан?

— Это всё равно.

Один только Сансиро не участвовал в разговоре.

— Что же всё-таки вы намерены предпринять? — очень серьёзно спросил Хирота.

— Если пристрою сестру — останусь в Окубо. Не то придётся переезжать. Я уж подумываю, не поместить ли её в школьный пансион, а самому жить поблизости, чтобы мы могли часто видеться — ведь она ещё ребёнок.

— Тогда лучше всего у Сатоми-сан, — снова подал голос Ёдзиро.

Пропустив его слова мимо ушей, Хирота сказал:

— Можно бы и у меня на втором этаже, но куда деть Сасаки?

— Пожалуйста, сэнсэй, пусть на втором этаже будет Сасаки, — попросил сам за себя Ёдзиро.

— Ну, как-нибудь устроимся, — сказал, смеясь, Нономия. — Ёсико только что ростом велика, а так совсем ещё глупенькая. Всё просит сводить её на выставку цветочных кукол в Дангодзака.

— Вот и сводили бы, — сказала Минэко. — Я бы сама с удовольствием посмотрела.

— Давайте вместе пойдём.

— Непременно. И Огава-сан тоже.

— Разумеется.

— И Сасаки-сан.

— Нет уж, увольте. Я лучше в кино схожу.

— Искуснейшая вещь эти цветочные куклы, — заметил Хирота. — Нигде в мире, пожалуй, нет ничего подобного. И сделано это руками человека — вот что главное. Будь это люди, а не куклы, никто не пошёл бы на них смотреть в Дангодзака. Ведь их можно увидеть в любом доме.

— Весьма характерный для сэнсэя взгляд, — прокомментировал Ёдзиро.

— В бытность мою студентом, — сказал Нономия, — меня тоже нередко ошарашивали на лекциях такими суждениями.

— Сэнсэй, пошли бы и вы с нами на выставку, — попросила Минэко. Хирота ничего не ответил. Все засмеялись.

— Загляните кто-нибудь сюда на минутку, — донёсся из кухни голос старухи служанки.

— Я сейчас! — сразу вскочил Ёдзиро, в то время как Сансиро даже не двинулся с места.

— Пожалуй, мне пора, — поднялся Нономия.

— Уже уходите? — спросила Минэко. — Так быстро?

— На днях отдам то, что у вас взял, потерпите немного, — обратился Хирота к Нономии.

— Не беспокойтесь, — уже уходя, отозвался Нономия. Не успел он скрыться за калиткой, как Минэко, словно что-то вспомнив, вдруг сказала: «Да, кстати...» — быстро надела гэта, снятые ею у входа в дом, догнала Нономию, и они о чём-то заговорили.

За всё это время Сансиро не проронил почти ни слова.

Буйно разросшиеся, в рост человека, кусты хаги, ярко освещённые солнцем, бросали вокруг чёрные тени, которые ползли по земле и не то исчезали в глубине сада, не то поднимались кверху, прячась в густой листве. Росший возле рукомойника барбарис тоже был выше обычного. Наклонившись друг к другу, стояли три тоненьких деревца, прикрывая своей листвой окно уборной.

Между кустарником и барбарисом виднелась веранда, уходившая в сторону от барбариса и прятая в тени кустарника. В дальнем её углу сидела Ёсико.

Войдя в ворота, Сансиро остановился прямо у кустарника. Ёсико сошла с веранды и стала на плоский камень. Сансиро с удивлением отметил про себя, что девушка очень высокая.

— Входите, пожалуйста, — сказала Ёсико таким тоном, словно ждала Сансиро. Сансиро сразу же вспомнил свой визит в клинику. — Садитесь, — пригласила Ёсико, когда Сансиро подошёл к веранде. И Сансиро, как был, в ботинках, послушно сел. Ёсико принесла дзабутон. — Садитесь сюда!

Сансиро молча повиновался. С той минуты, как он вошёл в ворота, он ещё не произнёс ни слова. Обращаясь к Сансиро, девушка, нимало не заботясь о том, отвечает он или нет, продолжала говорить. И Сансиро казалось, что перед ним наивная простосердечная маленькая королева. Его долг — выполнять каждое её повеление. Незачем рассыпаться перед нею в любезностях. Гораздо лучше быть её немым рабом и делать, что она велит. Малейшая лесть может всё испортить. Его достоинство ни капли не пострадает от того, что Ёсико обращается с ним как с ребёнком. Ведь она сама ещё дитя. Сансиро не мог бы сказать, зачем он сюда пришёл.

— Нономия-сан ещё не вернулся?

— Нет, он обычно допоздна занимается в университете.

Сансиро это было хорошо известно. Просто он не знал, о чём говорить. Вдруг он заметил на веранде коробку с красками и начатую акварель.

— Вы рисуете?

— Да, мне это нравится.

— У кого же вы учитесь?

— Ну, я не настолько талантлива, чтобы приглашать учителя.

— Позвольте взглянуть?

— Это ещё не закончено, — сказала Ёсико, протягивая Сансиро рисунок. Он сразу узнал садик возле дома Ёсико, хотя, кроме неба, ярко-красной хурмы перед домом и кустов хаги у входа, на рисунке ничего не было.

— Очень хорошо, — заметил Сансиро, разглядывая рисунок.

— Хорошо? — удивилась Ёсико. Удивление её прозвучало вполне искренне, не то что похвала Сансиро. Но Сансиро сейчас уже не мог ни обратить свои слова в шутку, ни придать им убедительность. В любом случае Ёсико стала бы его презирать. Продолжая разглядывать рисунок, Сансиро чувствовал себя смущённым.

В комнатах, видневшихся с веранды, стояла тишина. Не только в гостиной, но и на кухне никого не было.

— Ваша матушка уехала в деревню?

— Нет ещё, только собирается.

— Она дома?

— Нет, пошла сделать кое-какие покупки.

— Это правда, что вы переезжаете к Сатоми-сан?

— А почему вы спрашиваете?

— Просто так. Недавно был разговор об этом у Хироты-сэнсэя.

— Возможно, и перееду. Но пока ничего ещё не решено.

Сансиро начал о чём-то догадываться.

— А давно Нономия-сан знаком с Сатоми-сан?

— Да, они друзья.

«Просто друзья? — подумал Сансиро. — Мужчина и женщина? Может ли быть такое?» Однако расспрашивать об этом Сансиро больше не решился.

— Я слышал, что Нономия-сан учился у Хироты-сэнсэя?

— Да...

Наступила пауза.

— А у Сатоми-сан вам будет удобнее жить?

— Мне? Разумеется. Вот только боюсь стеснить её старшего брата.

— Разве у Минэко-сан есть брат?

— Да, он учился в университете вместе с моим братом.

— Он тоже физик?

— Нет, он юрист. Был у них ещё старший брат, друг Хироты-сэнсэя, но он рано умер, и теперь у Минэко-сан никого не осталось, кроме Кёскэ-сан, второго её брата.

— А мать с отцом?

— У Минэко нет родителей, — ответила Ёсико, чуть улыбнувшись с таким видом, словно об этом все должны были знать. Они умерли, наверно, очень давно, раз Ёсико совсем их не помнит.

— Так вот почему Минэко-сан бывает у Хироты-сэнсэя!

— Да, я слышала, что её покойный брат был очень дружен с ним. Кроме того, Минэко-сан увлекается английским и время от времени, я думаю, занимается с Хиротой-сан.

— А у вас она тоже бывает?

Между тем Ёсико принялась за свою акварель, нисколько не стесняясь присутствием Сансиро, но это не мешало ей отвечать на его вопросы.

— Минэко-сан?.. — переспросила она, нанося штрих на тростниковую крышу под хурмой. — Пожалуй, перечернила немного.

— Пожалуй, — на этот раз честно подтвердил Сансиро.

Ёсико смочила кисть и, смывая чёрную краску, ответила наконец на вопрос Сансиро:

— Да, бывает.

— И часто?

— Часто, — сказала Ёсико, не отрываясь от мольберта. С той минуты как она занялась своим рисунком, Сансиро почувствовал себя непринуждённым.

Некоторое время они молчали. Ёсико старательно смывала с тростниковой крыши черноту, но кисть, обильно смоченная, не слушалась девушки, и, заглянув в рисунок, Сансиро увидел, что чёрная краска растекается во все стороны мутными полосами, отчего ярко-красная хурма приобрела цвет прелой. Наконец Ёсико положила кисть, слегка запрокинула голову и стала разглядывать рисунок, держа его на вытянутых руках. Потом призналась едва слышно:

— Не получилось.

Рисунок и в самом деле не получился. Сансиро стало жаль девушку.

— Оставьте это. Нарисуйте что-нибудь другое.

Ёсико не обернувшись, лишь искоса взглянула на Сансиро большими, с поволокой, глазами. Сансиро ещё больше стало жаль её. Но тут она вдруг рассмеялась.

— До чего же я глупая! Почти целых два часа убила. — С этими словами Ёсико замазала рисунок вдоль и поперёк жирными штрихами и захлопнула коробку с красками. — Ну, хватит. Пойдёмте в гостиную. Напою вас чаем.

Сансиро не хотелось снимать ботинки, и он остался на веранде. Девушка казалась ему забавной: предложила чаю после того, как они уже так долго разговаривали. Но у него не было ни малейшего желания насмехаться над нею. Напротив, слова «напою вас чаем», произнесённые как-то вдруг, доставили Сансиро особое удовольствие. Правда, это ощущение не имело ничего общего с чувством, которое возникает у мужчины по отношению к женщине.

В гостиной послышались голоса. Это, наверно, Ёсико разговаривала со служанкой. Вскоре раздвинулись перегородки и Ёсико появилась с чайной посудой. Теперь Сансиро мог

хорошенько рассмотреть девушку, потому что она стояла прямо перед ним, и он подумал, что никогда не встречал лица более женственного.

Ёсико принесла чай на веранду, а сама вернулась в комнату и села на татами. Сансиро уже решил уйти, но ему очень не хотелось расставаться с этой девушкой. Тогда, в клинике, она покраснела от его взгляда, так пристально он на неё смотрел, и ему пришлось сконфуженно уйти, но сегодня он чувствовал себя вполне непринуждённо. Они всё время переговаривались между собой, он — сидя на веранде за чаем, она — устроившись в комнате на татами. Вдруг Ёсико спросила Сансиро, нравится ли ему Нономия. Этот вопрос, казавшийся наивным, даже детским, на самом деле был полон глубокого смысла. Человек, посвятивший себя науке, ко всему подходит с меркой исследователя, поэтому чувство любви в полной мере ему не знакомо. Обычный же человек что-то любит, чего-то не любит. Исследование вообще может его не интересовать. Её брат — учёный-физик и стремится даже сестру сделать объектом исследования. Казалось бы, чем больше он будет её изучать, тем меньше будет любить. Однако он, такой энтузиаст своей науки, очень любит свою младшую сестру, и поэтому он, конечно же, самый лучший человек в Японии. Таков был вывод Ёсико.

Эти рассуждения показались Сансиро в общем справедливыми, хотя и несовершенными. Правда, в чём их несовершенство, он не мог бы сказать — в мыслях у него была полная неразбериха. Естественно поэтому, что критиковать рассуждения Ёсико ему оказалось не под силу. И он со стыдом признался самому себе, что же может критически воспринять даже совсем простые, детски наивные вещи. Такая беспомощность недостойна мужчины! Теперь он утвердился во мнении, что с токийскими студентками надо держать ухо востро.

По дороге домой Сансиро с чувством глубокого уважения думал о Ёсико. Дома его ждала почтовая карточка: «Завтра в час дня мы идём на выставку цветочных кукол. Приходите к Хироте-сэнсёю. *Минэко* ».

Тем же почерком, показалось Сансиро, была сделана надпись на конверте, торчавшем тогда из кармана Нономии. Сансиро несколько раз перечёл записку.

На следующий день — это было воскресенье — Сансиро сразу после завтрака отправился на улицу Нисикатамати в своей новенькой студенческой форме и до блеска начищенных ботинках. Дойдя тихим проулком до дома Хироты, он услышал доносившиеся оттуда голоса. Если от ворот сразу свернуть влево, попадёшь в сад, а через садовую калитку можно, минуя парадный ход, пройти прямо к веранде, опоясывающей комнаты. Сансиро взялся за задвижку в калитке, едва заметной среди живой изгороди китайского боярышника, как вдруг услышал, что в саду кто-то разговаривает. Это были Нономия и Минэко.

— Ничего из этого не выйдет, только упадёте на землю и убьётесь, — сказал Нономия.

— Всё равно так лучше, если даже убьёшься, — ответила Минэко.

— Впрочем, безрассудный человек вполне достоин такой участи.

— Вы говорите жестокие вещи.

Сансиро отворил калитку. Стоявшие в центре сада Нономия и Минэко обернулись к нему. Нономия, который был в новой светло-коричневой мягкой шляпе, кивнул головой, ограничившись обычным: «А, это вы!»

Минэко быстро спросила:

— Когда вы получили открытку?

Приход Сансиро прервал их разговор.

На веранде в европейском костюме сидел сам хозяин, выпуская, по обыкновению, свой «философский» дым. Он просматривал европейский журнал. Возле него расположилась Ёсико. Она сидела на татами, откинувшись назад и опираясь на руки, и разглядывала сандалии на своих вытянутых ногах.

Все были в сборе и, видимо, ждали только Сансиро. Хозяин отложил журнал.

— Ну что ж, пойдёмте. Вытащили всё же меня.

— Весьма признательны вам, — сказал Нономия. Девушки обменялись взглядами, улыбнулись едва заметно и вслед за мужчинами вышли из сада.

— Ну и высокие они, — заметила Минэко.

— Как фонарные столбы, — отозвалась Ёсико.

У ворот девушки поравнялись с мужчинами, и Ёсико сказала:

— Вот почему я ношу дзори с такими высокими подошвами.

Когда Сансиро, шедший позади всех, вышел из сада, на втором этаже резко распахнулись сёдзи и на веранде появился Ёдзиро.

— Идёте? — спросил он.

— Ага, а ты?

— Не пойду. Что за интерес смотреть какие-то цветочные поделки? Глупо!

— Ну, а дома сидеть тоже глупо. Пойдём!

— Я статью пишу. Большую статью. Так что мне не до прогулок.

Сансиро недоверчиво улыбнулся и ускорил шаг, догоняя остальных. Он увидел их в конце переулочка, выходящего на широкую улицу. Вчетвером они шли под высоким осенним небом, и, глядя на них, Сансиро почувствовал, что жизнь его полна сейчас глубокого смысла, не то что в Кумамото. Эти люди как раз представляли второй и третий из трёх миров, о которых он некогда размышлял. Два силуэта тёмных, два — светлых, ярких, словно поле, покрытое цветами. В воображении Сансиро они составляли единое, гармоничное целое. Да и сам он, незаметно для себя, оказался частью этого целого. Лишь одно его тревожило: разговор Нономии и Минэко, нечаянно подслушанный в саду. Чтобы рассеять эту тревогу, Сансиро попытался догадаться, о чём шла речь.

У поворота все четверо остановились и оглянулись. Минэко приложила руку козырьком ко лбу. Через какую-то минуту Сансиро догнал их, и все в полном молчании двинулись дальше. Спустя несколько мгновений Минэко сказала:

— Я понимаю, Нономия-сан, почему вы так говорите — вы ведь физик.

Они, видимо, продолжали тот самый разговор.

— Да нет, то, что я физик, здесь ни при чём. Чтобы летать по-настоящему высоко, нужно создать пригодный для этого летательный аппарат. А тут прежде всего необходима голова. Верно?

— Но кто не собирается летать очень высоко, пожалуй, обойдётся тем, что есть.

— Так ведь погибнуть можно!

— Разумеется, всего безопаснее на земле. Только скучно так думать.

Нономия, смеясь, повернулся к Хироте:

— Сколько поэтов среди женщин!

— Зато среди мужчин, к несчастью, истинных поэтов нет, — сказал Хирота. Ответ был неожиданным. Нономия промолчал. А Ёсико с Минэко заговорили о чём-то своём. Сансиро наконец представилась возможность задать вопрос.

— О чём это вы сейчас речь вели?

— Да о летательных аппаратах, — небрежно ответил Нономия. Для Сансиро это прозвучало, как концовка юмористического рассказа.

В это время они подошли к месту, где было очень много народу, и разговор сам собой прекратился. У статуи богини милосердия, касаясь лбом земли, стоял на коленях нищий. Он громко, ни на минуту не умолкая, просил милостыню. Лоб его был белым от песка, это бросалось в глаза, когда время от времени нищий поднимал голову. Никто не обращал на него внимания. Прошли мимо и Сансиро со спутниками. Но не успели они пройти и нескольких шагов, как Хирота вдруг обернулся к Сансиро:

— Вы подали ему что-нибудь?

— Нет, — ответил Сансиро и оглянулся. Нищий по-прежнему громко взывал о милости, поднимая ко лбу сложенные вместе руки.

— Почему-то не хочется подавать, — быстро вставила Ёсико.

— Почему же? — спросил Нономия. Спросил без тени укоризны. Лицо его при этом выражало равнодушие.

— Нельзя быть таким назойливым, — пояснила Минэко. — Это только раздражает.

Потому никто ему и не подаёт.

— Нет, дело в том, что место он неподходящее выбрал, — сказал Хирота. — Слишком людное. В горах ему каждый подал бы.

— Но там редко кто ходит. Он мог бы зря прождать целый день, — рассмеялся Нономия.

Слушая эти критические замечания в адрес нищего, Сансиро чувствовал, как рушатся нравственные принципы, которые он привык свято блюсти. Но ведь и сам он не подал нищему ни сэна. Более того. Он ощутил неприязнь к нему. И сейчас, справедливости ради, не мог не признать, что четверо его спутников честнее, нежели он. И ещё понял, что они, коренные жители города, лишены предрассудков и именно поэтому искренни.

Народу становилось все больше. Спустя некоторое время они увидели девочку лет семи. Плача, она металась из стороны в сторону и звала: «Бабушка, бабушка!» Никто, казалось, не остался равнодушен. Некоторые даже останавливались, приговаривая: «Бедняжка!» Но никому даже в голову не пришло помочь ребёнку. А девочка, привлекая к себе всеобщее внимание и вызывая сочувствие, продолжала плакать. Поистине удивительно!

— Это тоже потому, что место неподходящее? — спросил Нономия, провожая девочку взглядом.

— Все знают, что полицейский сейчас примет меры, и никто не хочет брать на себя ответственность, — пояснил Хирота.

— Если она подойдёт ко мне, я отведу её к полицейскому посту, — сказала Ёсико.

— Тогда догони её и отведи, — заметил ей брат.

— Догонять не стану.

— Почему?

— Почему? Здесь и без меня полно людей. Пусть отведут.

— Опять, значит, уходишь от ответственности? — сказал Хирота.

— Опять, значит, место неподходящее, — в тон ему произнёс Нономия, и оба засмеялись. Когда они поднялись на Дангодзака, перед полицейским постом уже собралась толпа. Девочку наконец-то передали полицейскому.

Сверху им была видна спускавшаяся по склону дорога. Постепенно сужаясь, она делала поворот, напоминая слегка изогнутое остриё клинка. Какое-то двухэтажное строение с её правой стороны наполовину заслоняло поэтому фасад находившегося напротив него балагана, за ними виднелось множество высоких шестов с укреплёнными на них полотнищами. Дорога, забитая толпой, походила на ущелье. Люди, шедшие вниз, казалось, внезапно проваливались в это ущелье, они смешивались с тащившимися вверх, так что тот участок дороги, который приходился на самое дно ущелья, буквально кишел людьми и словно бы находился в непрерывном причудливо беспорядочном движении. Если долго смотреть — уставали глаза.

— Что за ужас, — произнёс Хирота с таким видом, словно сию минуту готов был уйти домой. Остальные, слегка его подталкивая, стали спускаться вниз, в ущелье. Где-то в середине, там, где дорога начинала постепенно уходить куда-то в сторону, стояли довольно просторные, высокие, крытые камышом балаганы, они словно бы сдавливали небо, и оно казалось удивительно узким. Истошным голосом кричали зазывалы.

— Таким голосом могут кричать цветочные куклы, а не люди, — заметил Хирота.

Голоса зазывал были в самом деле неестественными.

В балагане по левую сторону, куда они вошли, находились куклы, изображавшие сцену кровной мести братьев Сога⁴⁰. Все — и Горо, и Дзюро, и Ёритомо⁴¹ были в одеждах из

⁴⁰ *Братья Сога* — Дзюро-Сукэнари и Горо-Томицунэ — самураи, жившие в XII в. (начало периода Камакура). Потеряв в детстве отца, убитого одним из феодалов, поклялись отомстить и посвятили всю жизнь выполнению этого обета. Были оба убиты в 1193 г. Позже стали героями феодального эпоса «Сказание о братьях Сога» (XV в.), а также пьес театров Но и Кабуки.

хризантем разных оттенков. Лица, руки и ноги были искусно вырезаны из дерева. В другой сцене кукла представляла девушку, корчившуюся в судорогах, на которую падали снежинки. Её кимоно тоже было сделано из Цветов и листьев хризантем, с таким искусством плотно и ровно сплетённых друг с другом, что казалось — это не цветы, а настоящая ткань.

Ёсико с интересом всё разглядывала. Хирота и Нономия вели нескончаемую беседу. В тот момент, когда они обсуждали способы выращивания хризантем или ещё что-то в этом роде, Сансиро был оттеснён от них другими посетителями и оказался несколько позади. Минэко давно ушла вперёд. Посетители в большинстве своём были жителями торговых кварталов. Лишь очень немногие с виду казались людьми образованными. Минэко оглянулась и, вытянув шею, искала глазами Нономию. Тот, просунув руку, под бамбуковый барьер, показывал на хризантемы и что-то с жаром объяснял Хироте. Минэко отвернулась и, подталкиваемая посетителями, быстро пошла к выходу. Расталкивая толпу, Сансиро бросился за девушкой. Наконец он поравнялся с нею.

— Сатоми-сан!

Держась рукой за бамбуковую загородку, Минэко слегка повернула голову и молча взглянула на Сансиро. За загородкой был изображён водопад Ёронотаки⁴². У водопада сидел на корточках какой-то круглолицый малый с топориком за поясом и тыквой-горлянкой в руках. Но Сансиро ничего этого не видел, он смотрел на Минэко.

— Что-нибудь случилось с вами? — вырвалось у него.

Минэко по-прежнему не отвечала. Её чёрные глаза с затаённой грустью смотрели на Сансиро. В этом взгляде Сансиро уловил какое-то особое выражение. В нём сквозила усталость души, упадок сил, жалоба, близкая к страданию. И Сансиро забыл, что ждёт ответа Минэко, забыл обо всём на свете.

— Уйдёте отсюда, — попросила Минэко.

Следя за тем, как устало опускает девушка веки, Сансиро всё больше проникался мыслью, что должен увести её отсюда. Когда же решение это созрело, девушка вдруг резко повернулась и пошла к выходу. Сансиро последовал за нею.

Выйдя наружу, они оказались рядом, и Минэко потупилась, поднеся руку ко лбу. Вокруг бурлил людской поток. Сансиро наклонился к девушке:

— Что-нибудь случилось?

Минэко стала пробираться сквозь толпу в сторону Янака. Но, пройдя с полквартала, остановилась.

— Где мы находимся?

— Отсюда можно выйти к Тэннодзи, в Янака. А если домой, то надо повернуть в противоположную сторону.

— Так... Мне что-то нездоровится.

Сансиро стоял в раздумье, мучимый собственной беспомощностью.

— Нет ли поблизости более спокойного места? — спросила девушка.

Сансиро хорошо помнил, что на границе районов Янака и Сэндаги есть речушка, которая течёт по низине прямо на север. Если идти вдоль берега, то выйдешь в поле, оставив город справа. Сансиро не раз бродил по тем местам. Сейчас Минэко стояла возле каменного моста, у поворота речки из Янака в соседний район Нэдзу.

— Вы сможете пройти ещё хоть квартал? — спросил Сансиро?

— Смогу.

Они перешли по каменному мосту на другой берег реки и, свернув влево, прошли немного не то по аллее, не то по тропинке, ведущей к какому-то дому. Чуть ли не у самых

⁴¹ *Минамото Ёритомо* — первый сёгун периода Камакура (1147–1199).

⁴² *Ёронотаки* — водопад в верховьях реки Ёрогава, в префектуре Гифу. В начале VIII в. считался источником молодости.

ворот дома через речушку был переброшен деревянный мост. Они вернулись по мосту на противоположную сторону, некоторое время поднимались вверх вдоль кромки берега, где было совсем пустынно, и, наконец, вышли в поле.

Среди тихой осенней природы Сансиро почувствовал себя непринуждённым.

— Как вы себя чувствуете? Наверно, голова болит? Это, пожалуй, оттого, что там было полно народу. И люди, далеко не все достойные. Вас никто не обидел?

Девушка молчала. Затем, оторвав взгляд от реки, посмотрела на Сансиро. Этот взгляд, уверенный и гордый, немного успокоил юношу.

— Спасибо. Мне гораздо лучше.

— Отдохнём немного?

— Да.

— Сможете ещё чуть-чуть пройти?

— Да.

— Здесь грязно. А дальше есть место, вполне подходящее для отдыха.

— Да.

Метров через сто показался ещё мостик — кое-как переброшенные через речку старые, узенькие доски. Сансиро быстро перешёл на другую сторону. Минэко последовала за ним. Глядя на неё, Сансиро думал о том, как легко ступает девушка по шатким мосткам — как по земле. Легко и в то же время уверенно, без тени жеманства, так часто свойственного женщинам. Он даже не подал ей руку, чтобы помочь, — это было бы лишним.

Прямо перед ними в некотором отдалении виднелись соломенные кровли, под кровлями во всю ширину дома что-то ярко краснело. Подойдя ближе, молодые люди увидели, что это сушится красный перец.

— Красиво! — произнесла Минэко, усаживаясь прямо на траву. Трава росла вдоль берега довольно узкой полосой и сейчас уже не зеленела, как в разгар лета. Минэко, видно, совсем не думала о том, что может испачкать своё элегантное кимоно.

— Пройдёмте ещё немного? — спросил Сансиро.

— Пожалуй, не стоит, благодарю вас.

— Вам всё ещё нездоровится?

— Я очень устала.

Пришлось и Сансиро сесть на траву. Он сел поодаль, чуть ли не на метр от Минэко. С приходом осени речка сильно обмелела, и на выступившем из воды камне устроилась трясогузка. Вдруг Сансиро заметил, что вода мутнеет. Осмотрелся и увидел неподалёку крестьянина, который мыл редьку. Взгляд Минэко был устремлён в даль, туда, где простирались за рекой поля, окаймлённые рощей, а над рощей медленно меняло оттенки небо.

Синева становилась всё прозрачнее, готовая исчезнуть совсем. Наползавшие на неё облака рассеивались и уплывали. Потом всё небо затянуло тонкой жёлтой пеленой, и уже нельзя было отличить синеву от облаков.

— Как помутнело небо! — произнесла Минэко.

Сансиро оторвал взгляд от реки и посмотрел вверх. Такое небо он видел не впервые. Но чтобы о небе говорили «помутнело» — он ещё ни разу не слышал. Однако, поразмыслив, он решил, что небо и в самом деле помутнело, точнее не скажешь. Сансиро ещё не придумал, что ответить, как Минэко добавила:

— И тяжёлым стало, словно мраморным. — Девушка, сощурившись, смотрела вверх. Затем очень спокойно взглянула на Сансиро. — Правда, оно кажется мраморным?

Сансиро только и мог ответить:

— Да, действительно кажется.

Девушка умолкла. Тогда, помолчав несколько мгновений, заговорил Сансиро:

— Когда созерцаешь такое небо, на душе и тяжело и легко.

— Отчего же? — спросила Минэко.

Вместо ответа Сансиро сказал:

— И ещё кажется, будто небо спит и видит сны.

— Оно будто движется и в то же время совсем неподвижно. — Минэко снова устремила взор в далёкое небо.

Время от времени до них доносились голоса зазывал, приглашающих посетить балаганы с куклами. — Как громко они кричат!

— Неужели они так с утра до вечера? Просто удивительно, — произнёс Сансиро и тут вспомнил о Хироте, Нономии и Ёсико, оставшихся на выставке.

— Это их профессия. Как у того нищего возле статуи богини милосердия.

— А место у них подходящее, — пошутил Сансиро, что редко с ним случалось, и засмеялся. Уж очень забавными показались ему слова Хироты о нищем.

— Хирота-сэнсэй часто говорит подобные вещи, — сказала Минэко очень тихо, словно самой себе, и, вдруг оживившись, добавила уже совсем другим тоном: — Место, где мы сейчас с вами сидим, вполне годится для нищих. — На этот раз рассмеялась девушка.

— Верно подметил Нономия-сан, сколько ни сиди здесь, никого не дождёшься.

— Вот и хорошо, не правда ли? — быстро произнесла Минэко и тотчас же пояснила свою мысль: — Ведь мы нищие, которые не нуждаются в подаянии.

В это время они заметили, что к ним кто-то приближается. Это был мужчина с усами; в европейском костюме, примерно одних лет с Хиротой. Он, видимо, вышел из-за дома, где сушился перец, и перешёл на эту сторону речки. Поравнявшись с молодыми людьми, он резко повернулся и с нескрываемой злобой в упор посмотрел на них. Сансиро стало не по себе. Он заёрзал на месте и, провожая незнакомца взглядом, вдруг спохватился:

— Хирота-сэнсэй и Нономия-сан нас, наверно, ищут!

— Ну что вы, — невозмутимо промолвила Минэко, — ничего страшного. Мы просто заблудившиеся взрослые дети.

— Именно поэтому они нас, наверно, и ищут, — стоял на своём Сансиро, на что Минэко ещё более холодно возразила:

— Это как раз очень полезно людям, которые стремятся избежать ответственности.

— Кому же именно? Хироте-сэнсёу?

Минэко не отвечала.

— Нономии-сан?

Минэко продолжала хранить молчание.

— Вам лучше? Тогда, может быть, пойдём потихоньку обратно?

Сансиро приподнялся было, но Минэко взглядом заставила его сесть. В этот миг он смутно ощутил, какая лежит пропасть между ним и этой девушкой. От неё ничего не скроешь, она видит его насквозь. Это странным образом оскорбляло Сансиро.

— Заблудившиеся взрослые дети, — продолжая глядеть на Сансиро, повторила девушка. Сансиро промолчал.

— Вы знаете, как по-английски «заблудившийся ребёнок»?

Вопрос был для Сансиро настолько неожиданным, что он не смог ответить ни да, ни нет.

— Сказать?

— Да, пожалуйста.

— Stray sheep⁴³. Вам ясен смысл?

Сансиро растерялся. С ним это часто случалось. Потом, когда растерянность проходила и мысль становилась ясной, он досадовал на себя, что в том или ином случае не ответил так или не поступил этак. Зная за собой эту особенность, Сансиро, однако, не был настолько легкомысленным, чтобы, не раздумывая, отвечать на любой вопрос. В то же время он понимал, что своим молчанием производит неблагоприятное впечатление.

Сансиро знал, что значит stray sheep. Однако смысл, вложенный в эти слова девушкой,

⁴³ Заблудшая овца (англ.) .

он не мог постичь. И он с молчаливым недоумением смотрел на Минэко.

— Я кажусь вам дерзкой? — вдруг, точно оправдываясь, очень серьёзно спросила Минэко. До сих пор девушка представлялась Сансиро как бы окутанной туманом, и ему хотелось, чтобы этот туман рассеялся. Однако сейчас, когда в неожиданных словах девушки ему открылась её душа, он почувствовал лёгкое разочарование. Пусть бы лучше оставалась такой, как была: то ясной, то туманной, словно небо, раскинувшееся над ними. Но этого не вернёшь, не исправишь никакими словами, как ни старайся.

— Что ж, пойдёмте, — без тени неприязни в голосе сказала Минэко. Она словно бы примирилась с тем, что Сансиро не проявляет к ней ни малейшего интереса.

Небо снова изменило свой облик. Подул ветер. Над полями сгущались сумерки. Стало тоскливо и как-то зябко. От земли потянуло прохладой. Сансиро вдруг подумал, что один он ни за что не просидел бы здесь так долго. А Минэко... Минэко, может быть, нравятся такие места.

— Становится холодно. Пожалуй, пора идти, не то озябнем. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

— Да, хорошо, — ясным голосом ответила Минэко и, поднимаясь с земли, очень тихо, в раздумье проговорила: — Заблудшие овцы.

Сансиро, разумеется, промолчал.

Указав рукой в ту сторону, откуда появился незнакомец в европейском костюме, Минэко сказала, что ей хотелось бы пройти мимо дома, где сушится красный перец, конечно, если там есть дорога. У дома с соломенной крышей они заметили узкую дорожку и пошли по ней.

— Уже решено, что Ёсико-сан будет жить у вас?

Минэко едва заметно усмехнулась и, в свою очередь, спросила:

— А почему это вас интересует?

Сансиро хотел было ответить, но тут увидел довольно большую лужу. Посреди лужи лежал камень, кто-то, видно, специально его положил, но Сансиро камень не понадобился. Он легко перескочил через лужу и повернулся к Минэко. Девушка в это время пробовала ногой, насколько устойчив камень. Сансиро протянул ей руку.

— Давайте помогу!

— Не нужно, — смеясь, ответила Минэко. Она подождала, пока Сансиро опустит руку, и смело прыгнула. Однако, стараясь не испачкать гэта, не рассчитала прыжок и поскользнулась. Чтобы не упасть, ей пришлось ухватиться за Сансиро.

— Заблудшие овцы, — чуть слышно пробормотала Минэко, И Сансиро ощутил её дыхание.

6

Прозвенел звонок, и лектор вышел из аудитории. Сансиро стряхнул чернила с пера и хотел закрыть тетрадь, но Ёдзиро, сидевший рядом, попросил:

— Дай-ка на минутку. Я не всё записал.

Ёдзиро придвинул к себе тетрадь, полистал и увидел, что все страницы испещрены словами *stray sheep*.

— Что это?

— Да так, писал забавы ради. Лишь бы не конспектировать. Надоело.

— Разленился ты, я вижу. Лекция, кажется, была о различии между кантовским трансцендентальным идеализмом и трансцендентальным реализмом Беркли. Да?

— Что-то в этом роде.

— Ты не слушал?

— Нет.

— Типичный *stray sheep*. Горе мне с тобой.

Ёдзиро сунул тетради под мышку, встал и уже на ходу окликнул Сансиро:

— Пойдём-ка со мной!

Они спустились вниз, вышли на лужайку перед зданием факультета и сели под тенистой сакурой.

В начале лета здесь всё покрыто клевером. Когда Ёдзиро приходил в канцелярию подавать заявление о приёме, под этой сакурой он увидел двух студентов. Лёжа на траве, они разговаривали. «Если на устном мне повезёт, — сказал один, — и меня попросят спеть народные песенки о любви, я буду петь им сколько угодно». Другой в ответ тихонько запел: «Пусть бы добрый, толковый попался профессор, я бы всё рассказал о любви». С тех пор Ёдзиро полюбилось это место под сакурой, и, когда ему нужно было поговорить по душам с Сансиро, он приводил его сюда. Услышав как-то про этих студентов, Сансиро подумал, что не зря фразу «жалеть — значит любить» Ёдзиро перевёл в стиле любовной частушки. Сегодня, однако, Ёдзиро был серьёзен, как никогда. Едва усевшись на траве, он вытащил из кармана журнал «Бунгэй дзихё», открытый на одной из страниц, и показал Сансиро:

— Взгляни-ка!

Напечатанный крупным шрифтом заголовок гласил: «Невзошедшее светило». Под статьёй подпись: «Рэй Ёси». «Невзошедшее светило» — так называл Ёдзиро профессора Хироту. Это Сансиро слышал не раз. Но кто скрывается за псевдонимом Рэй Ёси? Сансиро посмотрел на Ёдзиро. Тот сидел неподвижно, вытянув шею и прижав указательным пальцем кончик своего и без того приплюснутого носа. Заметив, однако, что какой-то студент, стоявший неподалёку, смотрит на него и смеётся, Ёдзиро быстро опустил руку.

— Это моя статья, — заявил он. «Так вот оно что», — понял наконец Сансиро.

— Ты её писал, когда мы ходили на выставку цветочных кукол?

— Нет, вы ведь были там два-три дня назад. Так быстро её бы не напечатали. То другая статья, она выйдет в следующем номере. А эту я написал давно. По названию ты, вероятно, догадался, о ком идёт речь?

— О Хироте-сэнсэе?

— Ага. Я хочу привлечь к сэнсёю внимание и таким образом подготовить почву для перехода его в университет.

— Этот журнал пользуется популярностью? — Сансиро даже не слышал о его существовании.

— По правде говоря, совсем нет, в том-то и беда, — ответил Ёдзиро.

Сансиро невольно улыбнулся.

— Сколько же у него читателей?

Вместо ответа Ёдзиро, как бы оправдываясь, сказал:

— Ладно. Это всё-таки лучше, чем ничего.

Оказалось, что Ёдзиро давно сотрудничает в этом журнале, пишет почти для каждого номера, если позволяет время, но всякий раз под другим псевдонимом, так что знают об этом лишь два-три сотрудника журнала. Вероятно, так оно и было. Сансиро, например, впервые узнал, что Ёдзиро пишет. Он только не понимал, зачем понадобилось Ёдзиро публиковать свои так называемые «большие» статьи тайно, да ещё под таким забавным псевдонимом.

Он напрямик спросил, не занимается ли Ёдзиро литературным трудом, чтобы заработать на карманные расходы. Ёдзиро сделал круглые глаза.

— Сразу видно, что ты из кюсюской глуши и не имеешь ни малейшего представления о литературной жизни столицы. Вот и судишь с такой лёгкостью. Разве может человек мыслящий оставаться безучастным к духовной жизни нынешнего общества с его бурными потрясениями, если видит их собственными глазами? По сути дела, право писать принадлежит сейчас нам, молодёжи, и грешно не сказать хотя бы того единственного слова, которое можно сказать. В литературной жизни с головокружительной быстротой происходят разительные перемены — настоящая революция. Всё стремительно движется вперёд, к новому. Отстанешь — пропадёшь. Каждый сам должен проявлять инициативу, создавать это новое, иначе жизнь теряет всякий смысл. Склоняя на все лады слово «литература», о ней

говорят, как о чём-то очень доступном, но так говорить можно, к примеру, о литературе, которую нам преподают в университете. Новая литература является отражением самой жизни, и в этом её величие. В свою очередь, эта новая литература должна влиять на жизнь всего нашего общества. И уже влияет. Пока там некоторые сладко дремлют, она делает своё дело. О, это сила!..

Сансиро слушал молча. Тирада Ёдзиро казалась ему несколько напыщенной, не лишённой хвастовства, хотя в пылкости ему нельзя было отказать. Во всяком случае, сам он, чувствовалось, относился к своим словам весьма серьёзно. Именно это и произвело на Сансиро сильное впечатление.

— Так вот, оказывается, что вдохновляет тебя, когда ты пишешь. Гонорар, выходит, тут ни при чём.

— Нет, почему же, от гонорара я не отказываюсь. Только платят мало — журнал плохо расходуется. Надо как-то поднять к нему интерес, а то совсем захиреет. Может, подкинешь какую-нибудь идейку? — И они стали обсуждать чисто практические вопросы. Для Сансиро это было как-то непривычно. Зато Ёдзиро оставался невозмутимым. Их разговор прервал звонок.

— Как бы то ни было, — сказал Ёдзиро, — возьми этот экземпляр, почитай. «Невзошедшее светило» — звучит забавно, правда? Человека непременно надо удивить, иначе читать не станет.

Не успели они вернуться в аудиторию и сесть за стол, как вошёл преподаватель. Надо было записывать лекцию. Но Сансиро не давало покоя «Невзошедшее светило». Рядом с тетрадью он положил раскрытый журнал и то и дело в него заглядывал так, чтобы не заметил преподаватель. Но тот, к счастью, был близорук. К тому же ему было не до Сансиро — так он увлёкся своей лекцией. И Сансиро, пользуясь случаем, больше читал журнал, чем слушал и записывал лекцию. Но в конце концов он перестал понимать и статью и лектора. Лишь одна фраза из статьи засела в голове: «Сколько лет природа создавала драгоценный камень? Сколько лет этот драгоценный камень сиял в тиши, пока судьба не извлекла его из мрака?» Всё остальное осталось для Сансиро туманным. Зато он ни разу не написал *stray sheep*.

Ёдзиро с трудом дождался конца лекции.

— Ну как? — спросил он.

Услышав же, что Сансиро ещё толком не прочёл статью, он упрекнул его в напрасной трате времени и сказал: «Обязательно прочти!» Сансиро обещал прочесть, как только вернётся домой. Незаметно подошло время обеда, и они вместо вышли за университетские ворота.

— Вечером придёшь, надеюсь? — спросил Ёдзиро, остановившись на углу переулочка, выходящего на улицу Нисикатамати. Сансиро не сразу сообразил, о чём идёт речь. Но потом вспомнил, что на вечер назначена дружеская встреча однокурсников, и ответил, что придёт.

— Зайди за мной. Я должен тебе кое-что сообщить.

Сансиро и на это согласился. За ухом у Ёдзиро торчала ручка с пером, и вид у него был независимый.

Дома Сансиро залез в ванну, и когда, уболаговорённый, вышел из неё, то заметил на столе открытку. На открытке нарисована была речка и берег, поросший травой. На траве — две овцы. Неподалёку стоял крупный мужчина с тростью в руке и свирепым лицом, как у дьявола на европейских картинах. Для вящей убедительности рядом стояло слово *devil*⁴⁴. На лицевой стороне открытки под адресом мелким почерком было написано: «Заблудшие овцы». Сансиро сразу понял, в чём дело, и очень обрадовался. Одной из заблудших овец, несомненно, был он. Не могли же в самом деле обе овцы изображать одну Минэко. Так вот, значит, что подразумевала она под словами *stray sheep*.

⁴⁴ Дьявол (англ.) .

Сансиро решил взяться за «Невзошедшее светило», как обещал Ёдзиро, но читать статью у него не было ни малейшего желания. Он внимательно разглядывал открытку, размышляя при этом: какой юмор в этом рисунке, такого не найдёшь даже у Эзопа. Простодушие здесь сочеталось с озорством, свободным от условностей. И ещё было нечто такое, что заставляло сердце Сансиро биться сильнее.

Сам по себе рисунок вызывал у юноши самое искреннее восхищение. Всё было выписано чётко, ясно, не то что дерево хурмы, которое рисовала Ёсико.

Через некоторое время Сансиро, хоть и неохотно, всё же принялся за статью.

Но потом увлёкся и без труда одолел все двадцать семь страниц. Лишь дойдя до последней фразы, он поднял глаза от журнала и подумал: «Прочёл всё же».

Но когда в следующую минуту он спросил себя, о чём всё-таки написана статья, оказалось — ни о чём. Смешно, но так. А читал он её действительно усердно и с увлечением, Ёдзиро просто молодец!

Статья начиналась с нападок на нынешних литераторов и кончалась панегириком в адрес профессора Хироты. Остриё критики было обращено главным образом против преподавателей-европейцев с филологического факультета. Если немедленно не пригласить на работу подходящего японца и не ввести приличествующий университету курс лекций, то университет — этот храм науки — превратится в нечто вроде начальной школы при буддийском храме прежних времён, в мумию из кирпича. Пусть бы некого было пригласить — тогда другое дело, но ведь есть такой учёный, как профессор Хирота. Ровно десять лет преподаёт он в колледже, мирясь с мизерным жалованьем и безвестностью. Но он настоящий учёный. Он может внести неоценимый вклад в то новое, что движет сейчас наукой. Его лекции будут неразрывно связаны с живой жизнью общества. Вот, собственно, к чему сводилось содержание статьи. Остальное место в ней занимали на первый взгляд остроумные, меткие выражения и афоризмы.

«Гордятся плешью только старики», «Известно, что Афродита родилась из морской пены, но университет не породил ещё ни одного выдающегося мужа», «Видеть в докторе наук жемчужину научного мира — всё равно что считать медузу жемчужиной бухты Тагоноура». И всё в таком духе. Но самым удивительным было то, что, назвав Хироту «невзошедшим светилom», Ёдзиро сравнил остальных учёных с круглым бумажным фонарём, который тускло освещает пространство в каких-нибудь полметра. Кстати, сравнение это принадлежало Хироте и было направлено в адрес Ёдзиро. Ёдзиро, как и тогда в разговоре с Сансиро, заявил в статье, что «круглый бумажный фонарь», так же как и «трубка с чашечкой», анахронизм и людям молодым не нужен.

Статья, если вчитаться хорошенько, была написана с большим подъёмом. Ёдзиро, видимо, считал себя представителем новой Японии и заражал читателя этим своим настроением. И всё же статья без главной идеи — всё равно что война без опорных баз. Более того, её можно превратно истолковать как тактическую уловку. Не так давно приехавший из провинции Сансиро ещё не был настолько искушён, чтобы до конца понять это, однако статья не принесла ему удовлетворения. Он снова взял открытку и стал рассматривать овец и дьявола. И вдруг у него возникло ощущение счастья. Это ощущение усилило неудовлетворённость статьёй. И он совсем перестал о ней думать. «Надо послать ответ Минэко», — решил Сансиро. Жаль, что он не умеет рисовать, а если писать, то надо так, чтобы текст не уступал рисунку на открытке. Нужна фантазия. Размышляя, он вдруг увидел, что уже пятый час.

Сансиро надел хакама⁴⁵ и отправился на улицу Нисикатамати за Ёдзиро. Он вошёл в дом через кухню, а из кухни прошёл в столовую. За маленьким обеденным столиком сидел Хирота. Ёдзиро очень почтительно ему прислуживал.

— Как вы это находите, сэнсэй? — спросил он.

⁴⁵ *Хакама* — шаровары, Часть японского официального костюма.

Перед сэнсэем на тарелке лежала какая-то еда, судя по цвету пригоревшая, каждый кусок величиной с карманные часы.

Сансиро поздоровался и сел. Хирота продолжал усиленно жевать.

— Ну-ка, и ты попробуй! — Ёдзиро захватил палочками кусочек с тарелки и протянул его Сансиро. С палочек кусок переключался на ладонь Сансиро. Это оказалось поджаренное в соусе сушёное мясо морской раковины.

— Странное блюдо, — заметил Сансиро.

— Странное? Зато прямо объедение, ты только попробуй. Это я купил специально в подарок сэнсёу. Сэнсэй говорит, что в жизни не ел ничего подобного.

— Где же ты купил?

— На Нихонбаси.

Сансиро вдруг стало смешно. Как не вязался этот простой житейский разговор со статьёй Ёдзиро.

— Нравится вам, сэнсэй?

— Жёсткая штука.

— Жёсткая, зато вкусная, верно? Нужно только хорошенько прожевать. Тогда почувствуете вкус.

— Пока доберёшься до вкуса, устанешь жевать. Зря купил такую архаичную штуку.

— Зря купил? Может быть, для сэнсёа это и не годится. А вот для Минэко Сатоми вполне подошло бы.

— Почему? — спросил Сансиро.

— Она спокойна и терпелива и будет, конечно, жевать до тех пор, пока не доберётся до вкуса.

— Да, она внешне спокойна, но в действительности очень строптива.

— Это верно. Есть в ней что-то от ибсеновских женщин.

— Героини Ибсена — прямодушны, у Минэко же строптивость скрытая. Да к тому же не обычная, а какая-то особая. Сестра Нономии на первый взгляд более строптива, но нрав у неё мягкий, чисто женский. Просто удивительно!

Сансиро слушал, не вмешиваясь в разговор. Не всё было ему понятно. Но больше всего он недоумевал по поводу того, что Минэко называли «строптивой».

Ёдзиро вышел, надел хакама, вернулся и сказал:

— Я ненадолго отлучусь.

Уже стемнело, когда молодые люди вышли из дому. Сансиро заговорил первым;

— Ты слышал? Сэнсэй назвал барышню Сатоми строптивой!

— Ага. Мало ли что сэнсёу взбредёт в голову! От него ещё не то можно услышать. Но самое забавное, что он берётся судить о женщинах, хотя совершенно их не знает. Да и откуда ему знать, если он никогда не любил.

— Оставим сэнсёа. Но ведь и ты согласился с ним. Верно?

— Да, согласился. Ну и что?

— В чём же ты видишь её строптивость?

— Дело не во мне. Просто современные женщины все без исключения строптивы.

— Ещё ты сказал, что она похожа на ибсеновскую героиню.

— Сказал.

— Какую же героиню ты имел в виду?

— Какую?.. Не знаю. Похожа, и всё.

Сансиро, разумеется, не удовлетворил такой ответ. Но он не стал ни о чём больше спрашивать. Наступило молчание. На этот раз его нарушил Ёдзиро.

— Сейчас весь прекрасный пол похож на ибсеновских героинь. Да и не только прекрасный пол. Даже мужчины, проникнутые новыми веяниями, чем-то напоминают героев Ибсена. Правда, не поступками. Впрочем, как и женщины. Нет в них ибсеновской свободы, независимости. Пока они, как говорится, только сердцем воспринимают всё новое.

— Я не очень-то подвержен его влиянию.

— Не поддавайся самообману... Общества без пороков не бывает.

— Да, пожалуй.

— А раз так, значит, живущие в обществе существа должны постоянно испытывать неудовлетворённость. Герои Ибсена, например, с особой остротой ощущали пороки существовавшей в их время социальной системы. Постепенно и мы дойдём до этого.

— Ты так думаешь?

— Не только я. Каждый, кто способен видеть, думает так.

— И твой сэнсэй тоже?

— Мой сэнсэй? Не знаю.

— Но ведь он недавно сказал, что Сатоми-сан уравновешенная и в то же время строптивая. Выходит, что она нашла в себе силы мириться с окружающей средой и поэтому всегда внешне хладнокровна. А протест — ведь её далеко не всё удовлетворяет — она хранит в глубине души.

— В самом деле... Молодец сэнсэй! Так здорово сумел подметить... — И Ёдзиро принялся на все лады расхваливать Хироту. Разговор ушёл куда-то в сторону, вопреки желанию Сансиро поговорить ещё немного о Минэко.

— Ты, вероятно, помнишь, что я собирался потолковать с тобой, — продолжал Ёдзиро. — Впрочем, скажи прежде, прочёл ли ты мою статью? Если не прочёл, тебе трудно будет меня понять.

— Как только пришёл домой, сразу же прочёл.

— Ну и что скажешь?

— А что говорит сэнсэй?

— С какой стати сэнсэй должен её читать? Он даже не знает о её существовании.

— Вот что я тебе скажу. Статья интересная, но ощущение такое, будто выпил старого, уже не крепкого пива, словом, не получил полного удовлетворения.

— Однако настроение у тебя поднялось? И на том спасибо. Нынешний период можно назвать подготовительным. Потому я и подписываюсь псевдонимом. Но я поставлю под статьёй своё настоящее имя, как только наступит благоприятный момент. А сейчас давай поговорим о деле.

Оказалось, что на сегодняшней вечеринке Ёдзиро собирается выступить с протестом против застоя на факультете и очень просит Сансиро его поддержать. Застой — это факт. А против факта никто возражать не станет. И все собравшиеся сообща решат, как исправить положение. Он, Ёдзиро, скажет, что необходимо пригласить в университет на преподавательскую работу хотя бы одного стоящего японца. С этим все, бесспорно, согласятся. Иначе быть не может. Затем перейдут к обсуждению кандидатуры. Ёдзиро предложит Хироту. Тут Сансиро должен начать всячески расхваливать сэнсэя, чтобы никто не заподозрил Ёдзиро в предвзятости. Ведь многим известно, что Ёдзиро живёт у Хироты и пользуется его покровительством. В общем, это правда, так что ему наплевать. Он только боится навредить сэнсэю. Впрочем, особенно бояться нечего, там будут и сторонники Ёдзиро, но чем их больше, тем лучше. Вот почему необходимо, чтобы Сансиро выступил. После того как предложение Ёдзиро будет единодушно принято, избранные делегаты пойдут к декану, а потом к ректору. Но сегодня об этом рано говорить. Момент надо будет выбрать сообразно с обстоятельствами.

Увы, красноречие Ёдзиро не производило должного впечатления, оно было лишено глубины и весомости. Иногда даже начинало казаться, что он шутит с серьёзным видом. Однако, поскольку сама по себе идея вполне заслуживала уважения, Сансиро поддержал её. При этом, правда, он заметил, что в способах осуществления этой идеи, предложенных Ёдзиро, слишком много ухищрений. Услышав это, Ёдзиро остановился. Они как раз находились у ворот синтоистского храма на Моривакатё.

— Много ухищрений, говоришь? Но я ведь пока провожу подготовительную работу, и главное, чтобы она не нарушала нормального хода событий. Ничего противоестественного в этом нет. Ухищрение? Ну и пусть. Важно, чтобы оно вреда не приносило.

Ответ вертелся у Сансиро на языке. Но он никак не мог облечь свою мысль в слова. Из всего, сказанного Ёдзиро, в памяти Сансиро запечатлелось лишь то, над чем он ещё не успел поразмыслить и что больше всего привело его в восторг.

— Возможно, ты прав, — очень неопределённо ответил Сансиро, и они зашагали дальше.

За главными воротами университета сразу же открылась просторная площадь с редко разбросанными по ней большими зданиями. Их крыши отчётливо выделялись на фоне ясного звёздного неба.

— Какое великолепное небо! — заметил Сансиро. Ёдзиро тоже шёл, глядя вверх.

— Послушай-ка! — вдруг сказал он.

— Что? — отозвался Сансиро, уверенный в том, что Ёдзиро намерен продолжить прерванный разговор.

— Ты что чувствуешь, когда видишь такое небо?

Сансиро никак не ожидал от приятеля подобного вопроса.

У него наготове было множество таких слов, как «беспредельное», «вечное», но, боясь насмешек Ёдзиро, Сансиро промолчал.

— Какой-то чепухой мы занимаемся, — сказал вдруг Ёдзиро. — Может, бросить всё это прямо с завтрашнего дня? Никакого проку от моей статьи, пожалуй, не будет.

— Что с тобой, Ёдзиро?

— Это небо внушило мне такие мысли... Ты влюблялся когда-нибудь?

Сансиро замялся.

— Страшные создания женщины, — заявил Ёдзиро.

— Страшные. Я это знаю, — согласился Сансиро. Ёдзиро расхохотался, вспугнув вечернюю тишину.

— Хотя ни малейшего понятия о них не имеешь. Ни малейшего.

Сансиро растерялся.

— Завтра тоже будет отличная погода. Будто специально для спортивных состязаний. Приходи непременно. Там будет много хорошеньких девушек.

В студенческом клубе ярко горели электрические лампы. Из коридора с дощатым полом они прошли в зал. Там уже собрались студенты. Одни оживлённо беседовали. Другие нарочно держались особняком, молча рассматривая газеты и журналы. Каждая группа обсуждала поочерёдно несколько тем. Однако в комнате было относительно тихо, лишь яростно рвался к потолку табачный дым.

Участники вечера всё прибывали. Их тёмные силуэты один за другим возникали из мрака, продуваемого ветром, и тут же вступали в полосу света. Иногда в комнату заходили сразу пять-шесть человек. Вскоре собрались почти все.

Окутанный клубами табачного дыма, Ёдзиро расхаживал по комнате. Он подходил то к одной группе, то к другой и что-то тихо говорил. «Ну вот, начал свою деятельность», — подумал Сансиро, наблюдая за приятелем.

Через некоторое время распорядитель громким голосом пригласил всех к столу, который, разумеется, был сервирован заранее. Все стали шумно рассаживаться — кто где хотел. Началась трапеза.

Дома Сансиро пил только красное сакэ, низкосортное, местного производства. Такое сакэ пили все учащиеся в Кумамото, считая это в порядке вещей. Изредка они посещали закусочную — обычную мясную лавку. Полагая, что конину там выдают за говядину, они брали с блюда куски мяса и швыряли их в стенку, приговаривая: «Прилипнет — конина, не прилипнет — говядина». Это напоминало магическое действо. Не удивительно поэтому, что такая изысканная студенческая встреча была для Сансиро в диковинку. Он усердно работал ножом и вилок и с наслаждением пил пиво.

— Правда, здесь невкусно кормят? — спросил у Сансиро сосед по столу, коротко остриженный, в золотых очках, очень вежливый юноша.

— Как вам сказать, — неопределённо протянул Сансиро. Будь на месте юноши Ёдзиро,

Сансиро ответил бы честно, что для провинциала это настоящее великолепие. Но сейчас он решил воздержаться от такого ответа, боясь, что он может быть воспринят как ирония.

— Вы из какого колледжа? — снова спросил сосед.

— Из Кумамото.

— Из Кумамото? Мой кузен говорил, что это ужасное место — он там учился.

— Глушь.

В это время на противоположной стороне стола начался громкий разговор. Это Ёдзиро что-то горячо доказывал своим соседям, изредка повторяя: «*De te fabula*»⁴⁶. Эти слова, неизменно вызывавшие смех, были непонятны Сансиро. Всё больше увлекаясь, Ёдзиро без конца сыпал своим «*de te fabula*, мы, молодёжь нового времени...». Сидевший наискось от Сансиро светлокожий, очень изящный студент перестал есть и некоторое время прислушивался, потом улыбнулся и сказал по-французски: «*Il a le diable au corps*» — «в них вселился дьявол». Но ни Ёдзиро, ни его собеседники ничего не слышали: как раз в этот момент они разом подняли стаканы с пивом и торжественно провозгласили тост.

— Весёлый молодой человек, правда? — заметил сосед Сансиро в золотых очках.

— Да, язык у него хорошо подвешен.

— Он меня как-то угощал райскэрри в Ёдомикэне. Мы даже не были знакомы. Вдруг подходит и говорит: «Пошли в Ёдомикэн», и потащил меня туда...

Студент рассмеялся, а Сансиро подумал: «Значит, не одного меня Ёдзиро водил в Ёдомикэн».

Принесли кофе. Вдруг один из студентов встал со своего места. Он был в новой чёрной студенческой форме, с усами, очень высокий, что особенно бросалось в глаза сейчас, когда он поднялся во весь рост. Он, видимо, собирался выступить с речью. Ёдзиро изо всех сил зааплодировал. Вслед за ним захлопали в ладоши и остальные.

— Мы собрались сегодня здесь, — начал студент, — чтобы приятно провести вечер за дружеской беседой, и это уже само по себе отрадно. Но совершенно неожиданно мне пришло в голову, что эта дружеская встреча — не ординарное событие, она может привести к весьма важным последствиям. Вот мне и хочется сказать несколько слов по этому поводу. Нашу встречу мы начали пивом и заканчиваем кофе. Казалось бы, самая обычная встреча. Но все мы, сорок человек, которые собрались здесь, — люди не совсем обычные. За короткий промежуток от пива до кофе нам удалось осознать, как можно обогатить духовно нашу жизнь.

Рассуждения о политических свободах, равно как и о свободе слова — пройденный этап. Теперь слово «свобода» не следует использовать только применительно к обыденным явлениям политической и социальной жизни. Я убеждён, что мы, молодёжь новой эпохи, обязаны говорить о великой свободе духа.

Мы не станем дольше терпеть ни старый гнёт Японии, ни новый гнёт Запада. И в нынешних условиях наш долг — объявить об этом во всеуслышание. Новый гнёт Запада и в социальном смысле, и в области литературы для нас, молодёжи новой эпохи, так же мучителен, как гнёт старой Японии.

Мы изучаем западную литературу. Именно изучаем, глубоко, всесторонне, а не стараемся рабски ей подражать. Изучаем не для того, чтобы оказаться у неё в плену, а во имя освобождения нашей порабощённой души. Мы не станем заниматься литературой, которая не помогает нам справиться с этой задачей, как бы нас к тому ни принуждали, и твёрдо верим в собственную решимость.

Эта решимость и вера в собственные силы отличает нас от всех остальных. Литература — не техника, её нельзя превратить в ремесло. Литература — это движущая сила общества. Она непосредственно воздействует на человеческие отношения, на самую жизнь. Вот что я

⁴⁶ «Не твоя ли история это» (букв.: «Это тебя касается») — слова из «Сатиры» Горация. См.: «Римская сатира», кн. I, сатира 1-я, с. 9. Перевод М. Дмитриева, М., «Художественная литература».

имел в виду, когда говорил о литературе, представляющей для нас интерес, и о нашей решимости её изучать. И в этом смысле, я полагаю, сегодняшний вечер должен выйти за рамки обычной встречи.

В нынешнем обществе происходят бурные перемены. Меняется и литература — детище общества. И если мы хотим, чтобы литература отвечала духу времени и нашим идеалам, мы должны сплотить наши силы, слабые, пока они разрозненны, духовно обогатить нашу жизнь, сделать её содержательной, насыщенной. Сегодняшние пиво и кофе не просто пиво и кофе, они приобрели особую ценность, поскольку ещё на шаг приблизили нас к заветной цели.

Вот, собственно, краткое изложение речи студента. Как только он умолк, раздался гром аплодисментов. Сансиро был в числе тех, кто аплодировал особенно горячо. Вдруг со своего места поднялся Ёдзиро.

— *De te fabula*. Кому интересно знать, что словарь Шекспира состоял из нескольких десятков тысяч слов или что у Ибсена несколько тысяч седых волос? А ведь всё это преподносят нам на дурацких лекциях. Мы, разумеется, не окажемся в плену у подобных представлений, такой опасности нет. Но для самого университета это беда. Надо во что бы то ни стало найти преподавателя, который сумел бы удовлетворить запросы молодёжи новой эпохи. Европейцам с такой задачей не справиться. Уже хотя бы потому, что они не пользуются никаким авторитетом...

Снова раздался взрыв аплодисментов, сопровождаемый хохотом.

— Выпьем за *de te fabula*! — крикнул сосед Ёдзиро. Его поддержал только что выступавший оратор. Но увы! Пива больше не было. «Я сейчас», — сказал Ёдзиро и побежал на кухню. Официант принёс сакэ. Не успели осушить чашки, как кто-то снова крикнул:

— Ещё тост! За «Невзошедшее светило»!

Все дружно расхохотались. Ёдзиро почесал в затылке. Когда настало время расходиться и молодые люди один за другим исчезли в ночной тьме, Сансиро спросил Ёдзиро:

— Что значит *de te fabula*?

— Это по-гречески, — коротко ответил Ёдзиро. Сансиро не стал докучать ему расспросами.

Над ними простиралось великолепное ночное небо.

Следующий день, как и можно было ожидать, выдался очень тёплый. Весь год было теплее, чем обычно. С утра Сансиро отправился в баню. Он жил в рабочем районе, и баня по утрам пустовала. В раздевалке висела реклама магазина одежды Мицукоси. С рекламы на Сансиро смотрела красивая женщина, чем-то напоминавшая Минэко. Только выражение глаз у неё было совсем другое. «А какие, интересно, у неё зубы», — думал Сансиро, рассматривая картинку. Дело в том, что в Минэко его больше всего поражал взгляд и зубы, о которых Ёдзиро говорил, что они слегка выдаются вперёд и потому всегда видны. Однако у Сансиро на этот счёт было совсем иное мнение.

Обо всём этом и размышлял Сансиро, нежась в тёплой ванне, так что на мытьё у него уже почти не осталось времени. Со вчерашнего вечера Сансиро ощущал себя молодым человеком новой эпохи. Правда, это касалось лишь его пробудившегося самосознания, но не прибавило ему ни капли энергии. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как праздность. Сегодня после обеда он собирался пойти на университетские соревнования по лёгкой атлетике.

Нельзя сказать, чтобы Сансиро увлекался спортом. Лишь раз-другой ему довелось участвовать в охоте на зайца — это ещё когда он жил в провинции, и быть стартером на состязаниях по гребле в колледже. В этой роли он, правда, выступил неудачно, перепутал синий и красный флажки, чем вызвал бесчисленные нарекания. Возможно, виноват в этом был преподаватель, который выстрелом не известил о начале финальных состязаний. Говоря точнее, курок-то он спустил, а выстрела не получилось. Оттого Сансиро, видимо, и растерялся. С тех пор он всячески избегал спортивные состязания. Но сегодня решил

изменить своему правилу, впервые после приезда в Токио. Уж очень советовал ему Ёдзиро пойти. Не столько ради соревнований, сколько ради девушек, которые, по словам Ёдзиро, собирались туда. Наверняка придёт сестра Нономии-сан, а с ней, вероятно, и Минэко. Сансиро очень хотелось увидеться с Минэко и обменяться с ней хоть несколькими словами.

Уже перевалило за полдень, когда Сансиро вышел из дому. Вход на спортплощадку находился в её южном углу. Над входом скрестились два флага — флаг восходящего солнца и английский. Флаг восходящего солнца — это понятно, но при чем тут английский? Может быть, это дань уважения англо-японскому союзу?⁴⁷ — подумал Сансиро. Но какое отношение имеет англо-японский союз к спортивным соревнованиям университета? Этого Сансиро никак не мог уразуметь.

Спортивное поле являло собой поросший травой прямоугольник. Наступила осень, и трава из ярко-зелёной превратилась в жёлтую. Места для зрителей были отведены на западной стороне. За ними высились сложенные из камней искусственные горки, отделённые от спортплощадки барьером, так что зрители теснились на сравнительно небольшом пространстве. Стоял погожий осенний день, однако многие пришли в пальто, а женщины даже с зонтами.

Каково же было разочарование Сансиро, когда он увидел, что дамы сидят отдельно от мужчин. Не так просто было к ним подойти. К тому же Сансиро, вопреки собственным ожиданиям, чувствовал себя как-то неловко рядом с солидного вида мужчинами не то в шюртуках, не то ещё в чём-то. Словом, молодой человек новой эпохи несколько стусевался. Это, впрочем, не помешало ему рассмотреть места для дам. Сбоку, конечно, не очень-то разглядишь, но зрелище было впечатляющим. Нарядно одетые женщины казались издали просто красавицами. Причём все без исключения. Они олицетворяли собой ту красоту, которая покоряет мужчин, но ни одной из них нельзя было отдать предпочтения. Это тоже разочаровало Сансиро. Присмотревшись повнимательнее, он наконец обнаружил в первом ряду, почти у самой ограды, двух интересующих его девушек.

Теперь ему не надо было больше шарить глазами по рядам, и он почувствовал облегчение. Вдруг в поле его зрения попали несколько мужчин. Закончились соревнования в беге на двести метров. Финиш как раз находился напротив Минэко и Ёсико — совсем близко от них. Только поэтому Сансиро, не сводивший глаз с девушек, и заметил этих отличных спортсменов. Вслед за первой пятёркой прибежали и остальные — семь-восемь человек. Все они с трудом переводили дыхание. Сансиро невольно сравнил себя с ними — ничего общего. Что за безрассудство так бегать! Зато женщины с нескрываемым восторгом следили за победителями. Больше всех, так показалось Сансиро, восхищались Минэко и Ёсико. И ему вдруг захотелось стать таким же безрассудным, как эти спортсмены. Юноша в лиловых трусах, прибежавший к финишу первым, очень походил на студента, выступавшего накануне с речью. Он стоял сейчас лицом к женщинам, и Сансиро хорошо его разглядел. При таком росте немудрено прибежать первым. На табло появился его результат — 25,74 сек. Стоявший у табло человек отбросил мелок и повернулся к Сансиро. Это оказался Нономия-сан. Он выглядел весьма внушительно в непривычном для него чёрном шюртуке со значком судьи. Смахнув платком пыль с рукава, Нономия прямо от табло направился к Минэко и Ёсико, перегнулся через барьер и что-то им сказал. Минэко тотчас подошла к нему, и они стали разговаривать. Потом она вдруг обернулась, радостная, улыбающаяся. Сансиро с напряжённым вниманием наблюдал за ними. Вскоре покинула своё место и Ёсико. Она тоже подошла к барьеру и включилась в разговор. В это время начались состязания по метанию ядра.

Этот вид спорта, пожалуй, как никакой другой, требовал большой физической силы и в то же время был наименее интересным. Бросать ядро — в этом нет ничего похожего на искусство. Нономия-сан постоял у барьера, посмотрел, посмеялся, потом вдруг спохватился,

⁴⁷ Имеется в виду англо-японский союзный договор, заключённый 30 января 1902 г.

что мешает зрителям, и вернулся в центр поля. Девушки тоже вернулись на свои места. Сансиро видел, как летит ядро по воздуху, но никак не мог определить, где оно падает. Он вдруг ощутил всю нелепость этого зрелища, но продолжал терпеливо смотреть. Наконец Нономия-сан написал на табло: «11,38 м». Состязания по метанию ядра кончились.

Снова начался бег, потом прыжки в длину с разбега, потом метание молота. Терпение Сансиро иссякло. Он подумал, что незачем на все эти состязания приглашать зрителей. Женщины просто заблуждаются, глядя на всё это с таким интересом. Он решил уйти и направился было к искусственной горке, но наткнулся на полотнище, отделявшее спортивное поле, вернулся и пошёл по посыпанной гравием дорожке. Здесь было много гуляющих, и среди них нарядно одетые женщины, которые, видимо, ушли с соревнований, как и Сансиро. Дорожка свернула вправо и привела Сансиро на вершину невысокого холма. Там он сел на большой камень и стал смотреть вниз, на блестящий там пруд.

Так бездумно он посидел минут пять. Потом встал и уже хотел вернуться обратно, как вдруг увидел внизу Минэко и Ёсико. Они шли между клёнами, уже слегка тронутыми краснотой ранней осени, как раз там, где начинался подъём на холм.

Сансиро стал наблюдать за девушками. Вот они вышли из-за деревьев на открытую солнцу поляну. «Сейчас пройдут мимо, — подумал Сансиро, — может, окликнуть?» Правда, расстояние между ним и девушками слишком велико. Сансиро стал поспешно спускаться вниз, но в это время одна из девушек его заметила. И он тотчас же остановился. Ему не хотелось быть навязчивым, кроме того, он был несколько раздосадован поведением девушек на соревнованиях.

— Что это вы там... — удивлённо смеясь, крикнула Ёсико.

Она, видимо, обладала способностью удивляться вещам самым обыденным и в то же время оставаться безразличной при виде чего-либо из ряда вон выходящего. Может быть, именно поэтому с ней всегда бывало легко и просто. Сансиро подумал, что это ощущение лёгкости возникает благодаря глазам девушки, большим, чёрным и слегка влажным.

Минэко тоже остановилась и взглянула на Сансиро. Взглянула совершенно бесстрастно. И Сансиро вдруг показалось, что перед ним не девушка, а погасшее пламя. Он продолжал стоять, не двигаясь, как и Минэко.

— Вы почему ушли с соревнований? — спросила Ёсико.

— Надоело. Правда, ушёл я совсем недавно.

Ёсико оглянулась на Минэко. Но та оставалась бесстрастной.

— А вы почему ушли? — спросил Сансиро. — С таким интересом смотрели... — Тут Минэко чуть-чуть улыбнулась. Озадаченный этой улыбкой, Сансиро спросил: — А вы уже домой собрались?

Девушки молчали.

— Куда-нибудь спешите? — снова спросил Сансиро.

— Да так, есть тут одно дело... — едва слышно ответила Минэко. Сансиро наконец спустился с холма и подошёл к девушкам, но ни о чём больше не спрашивал и стоял молча. В это время со спортивного поля донеслись громкие аплодисменты.

— Прыжки в высоту с шестом, — заметила Ёсико. — Интересно, какой был сейчас прыжок?

Минэко снова чуть-чуть улыбнулась. Сансиро продолжал хранить молчание. Пристало ли ему вести разговор о каких-то там прыжках!

— Вы видели на холме что-нибудь интересное? — спросила Минэко.

Камень да обрыв, вот и всё, что видел Сансиро. И он ответил:

— Нет, ничего примечательного.

— Да-а... — с сомнением протянула Минэко.

— Может, поднимемся ненадолго? — весело предложила Ёсико.

— Ты разве не бывала здесь? — спокойно отозвалась Минэко.

— Не всё ли равно? Пойдёмте! — И Ёсико стала подниматься по дорожке. Сансиро и Минэко ничего не оставалось, как последовать за нею. Очутившись на поляне, Ёсико

подошла к краю обрыва и оглянулась.

— Смотрите, какая высота! — Она явно преувеличивала. — Отсюда могла бы броситься вниз сама Сафо.

Минэко и Сансиро расхохотались. Правда, Сансиро весьма смутно себе представлял, откуда именно бросилась вниз Сафо.

— Уж не хочешь ли ты последовать её примеру? — спросила Минэко.

— Я? Броситься с обрыва? Ни в коем случае! Вода чересчур грязная, — ответила Ёсико, подходя к Минэко и Сансиро.

Тут между девушками завязался разговор.

— Ты пойдёшь? — спросила Минэко.

— Пойду. А ты?

— Не знаю, как и быть.

— Как хочешь. Могу сходить я, а ты здесь подожди.

— Не знаю, что лучше.

Девушки никак не могли договориться. Сансиро не выдержал и вмешался в разговор. На его вопрос Ёсико ответила, что хочет зайти в клинику, это ведь совсем рядом, и поблагодарить сиделку за уход. А Минэко собирается навестить больничную сестру, которая ухаживала за её родственницей, лежавшей этим летом в клинике. Впрочем, это совсем не обязательно.

В конце концов Ёсико, пообещав скоро вернуться, стала быстро спускаться с холма. Ни удерживать её, ни идти вместе с нею не имело смысла, и Сансиро с Минэко остались вдвоём. Точнее говоря, не остались, а были покинуты, если иметь в виду их полную пассивность.

Сансиро снова сел на камень, а Минэко продолжала стоять. В мутной воде пруда, гладкого, как зеркало, отражалось осеннее солнце. Посредине был небольшой островок, на котором росло всего два дерева. Ярко-зелёные ветви сосны удивительно гармонично переплелись с красноватыми листьями клёна, образовав садик в миниатюре. На другой стороне пруда темнела густая роща. Указав на неё, Минэко спросила:

— Вы знаете, что это за деревья?

— Бук.

— У вас отличная память, — рассмеялась девушка.

— Это какую медсестру вы собирались посетить, ту, что я тогда видел с вами?

— Да.

— Она и за Ёсико-сан ухаживала?

— Нет. Я говорю о сестре, которая сказала: «Это бук».

— А вон там вы тогда стояли вместе с нею и обмахивались веером.

Холм, на котором они находились, был самым высоким, он словно бы повис над прудом. Справа тянулась небольшая гряда холмов пониже. Молодым людям отсюда видны были высокие сосны, угол старинного здания княжеского дома, часть полотнища, отгораживающего спортивное поле, и само поле.

— День тогда выдался на редкость жаркий. В клинике была такая духота, что я не выдержала и вышла на воздух... А вы что там делали?

— Тоже спасался от жары. В тот день я как раз познакомился с Нономией-сан, вышел от него и решил отдохнуть. Так тоскливо вдруг стало у меня на душе...

— Это после встречи с Нономией-сан?

— Да нет, по другой причине. — Сансиро взглянул на Минэко и тут же перевёл разговор на другую тему: — Изрядно пришлось сегодня потрудиться Нономии-сан.

— Да ещё в сюртуке... Он ведь редко его надевает. Представляю, как ему было неудобно. Весь день, с утра до вечера...

— И всё же он очень гордился порученной ему ролью, не правда ли?

— Кто гордился? Нономия-сан?.. Ну, это вы преувеличиваете...

— Отчего же?

— Не такой он человек, чтобы гордиться ролью секундометриста на соревнованиях.

— Только что он подходил к вам и о чём-то с вами говорил, — вдруг выпалил Сансиро.

— Это на спортивном поле?

— Да, возле барьера, — сказал Сансиро и тут же пожалел, что завёл об этом речь. Короткое «да» в ответ на его слова, пристальный взгляд, слегка выпяченная нижняя губа и чуть насмешливая улыбка повергли Сансиро в смятение. Он хотел замять разговор, но тогда девушка сказала:

— Вы до сих пор не ответили на мою открытку.

— Непременно отвечу. — Сансиро сконфузился. Девушка промолчала. А через некоторое время спросила:

— Вы знаете Харагути-сан, художника?

— Нет, не знаю.

— А-а...

— С ним что-нибудь случилось?

— Ничего... Он был сегодня на соревнованиях. Мастер рисовать с натуры. Вот Нономия-сан и предупредил нас, чтобы были начеку, если не хотим оказаться на одной из его карикатур.

Сказав это, Минэко села рядом с Сансиро на камень. А Сансиро в это время думал о том, какой же он глупец.

— Ёсико-сан пойдёт домой вместе с братом?

— Увы! Она не может этого сделать, если бы даже захотела. Со вчерашнего дня Ёсико-сан живёт у меня.

Только сейчас Сансиро узнал от Минэко, что мать Нономии-сан уехала в деревню, что Нономия-сан покинет Окубо и снимет квартиру, а Ёсико на время поселится у Минэко, чтобы ей удобней было ходить на занятия.

Сансиро удивлялся беспечности Нономии. Раз он с такой лёгкостью согласился снова жить на квартире, стоило ли снимать целый дом? Интересно, как он распорядится всеми своими сковородками, котелками, лоханями и другой домашней утварью, подумал Сансиро, однако эти свои соображения решил не высказывать вслух. И ещё Сансиро подумал, что Нономия-сан превратится теперь из главы семьи чуть ли не в простого сёсэя и освободится от житейских забот. Ёсико будет жить у Минэко. А брат с сестрой должны постоянно видаться друг с другом — так уж они устроены. Благодаря этому отношения Нономии-сан с Минэко могут постепенно перейти в иное качество, и не исключено, что в один прекрасный день у Нономии-сан навсегда отпадёт необходимость снимать квартиру.

Такое безотрадное будущее рисовалось Сансиро, пока он беседовал с Минэко. Что говорить, приятного мало! Сансиро стоило огромных усилий ничем не выдать своего настроения. Хорошо, что в это время вернулась Ёсико. Девушки не знали, то ли им вернуться на соревнования, то ли не возвращаться, но осеннее солнце садится рано, стало свежо, и они решили идти домой. Сансиро тоже хотел идти домой, но ему никак не удавалось попрощаться с девушками, потому что разговор ни на минуту не прекращался. Они словно бы увлекали его за собой в противоположную от его дома сторону. Но он не очень этому противился и, не отставая ни на шаг, пошёл вместе с девушками мимо пруда и библиотеки к главным воротам университета.

— Я слышал, что ваш брат снова будет снимать комнату? — обратился Сансиро к Ёсико.

— Да, так он решил, — сразу же отозвалась Ёсико. — А кое-кого спровадил к Минэко-сан. Каково, а? — добавила она, как бы ища сочувствия. Сансиро хотел ответить, но его опередила Минэко.

— Таким людям, как Нономия-сан, чужды наши желания. Их занимают вещи более важные, — почти с восхищением произнесла Минэко. Ёсико слушала молча. — Житейские дела лишь докучают настоящему учёному. Ради науки он готов терпеть любые лишения. И с этим ничего не сделаешь. Нономия-сан известен даже за границей, а снимает комнату, как бедный студент, и чем хуже эта комната, тем большего он достоин уважения. — Минэко без

конца расточала похвалы в адрес Нономии-сан.

У ворот университета Сансиро наконец простился с девушками. И пока шёл домой, всё время размышлял над тем, что говорила Минэко. Она, конечно, права. Разве сравнишь его, Сансиро, с Нономией-сан? Сансиро — провинциал и лишь недавно поступил в университет. Ни образования у него нет, ни настоящих знаний. Не удивительно, что Минэко так уважает Нономию, а Сансиро ни во что не ставит, даже насмехается над ним. С самым серьёзным видом спросила, что интересного он нашёл на холме, когда он сказал, что сбежал с соревнований. В тот момент он это пропустил мимо ушей, а ведь она, пожалуй, над ним издевалась. Сансиро перебирал в памяти каждое слово, каждый поступок девушки на протяжении всего их знакомства. Всё представлялось ему сейчас в мрачном свете. И, пробираясь сквозь толпу прохожих, он залился краской стыда и опустил голову. А когда поднял невзначай глаза, то увидел, что навстречу ему идут Ёдзиро и тот самый студент, который тогда на вечере произносил речь. Ёдзиро молча кивнул головой, студент снял фуражку и поклонился.

— Ну что, понравилось вам вчера? Только не вздумайте попасть в плен, — сказал он, смеясь, и они с Ёдзиро прошли мимо.

7

Сансиро вошёл с чёрного хода и спросил у старухи служанки, дома ли Ёдзиро. Та тихим голосом ответила, что Ёдзиро-сан со вчерашнего вечера не возвращался. Сансиро стоял несколько озадаченный. Тут старуха спохватилась: «Что же вы, входите, пожалуйста. Сэнсэй у себя в кабинете». Служанка мыла посуду, видимо, после ужина.

Через столовую Сансиро вышел в коридор. Дверь в кабинет была открыта. Оттуда донёсся чей-то голос: «Эй! Поди сюда!» Сансиро шагнул за порог и увидел Хироту. Профессор сидел, загоразивая собой, словно оберегая от чужого глаза, что-то, лежавшее на столе. Сансиро сел почти у самой двери и вежливо осведомился: «Работаете?» Хирота обернулся. Усы у него стояли торчком, и он напомнил Сансиро человека с фотогравюры, которую Сансиро недавно видел.

— Ох, виноват. Это вы, а я думал — Ёдзиро! — Профессор встал, и Сансиро увидел на столе кисть для письма и бумагу. Хирота что-то писал. Ёдзиро как-то пожаловался: «Наш сэнсэй изредка пишет. Но что именно, этого никто не в силах понять. Хорошо бы все его записи свести воедино и упорядочить ещё при жизни, ибо после смерти они окажутся грудой никому не нужной бумаги». И сейчас, бросив взгляд на стол Хироты, Сансиро сразу вспомнил слова Ёдзиро.

— Могу уйти, если помешал. Я ведь просто так зашёл.

— Нет, вы мне нисколько не помешали. Не таким уж важным делом я занимался. Да и срочности никакой нет.

Сансиро не нашёлся что ответить. Лишь подумал, что смог бы учиться в университете без особого труда и даже с удовольствием, если бы обладал душевным равновесием Хироты.

— Собственно говоря, я пришёл к Сааки-кун, но не застал, и...

— Да, Ёдзиро как будто не возвращался со вчерашнего вечера. Время от времени болтается где-то... Беда с ним.

— Может быть, он занят каким-нибудь срочным делом?

— У таких, как он, не бывает дел. Он сам себе их придумывает. Чудак!

— Уж очень он беззаботный, — сказал Сансиро первое, что пришло в голову.

— С беззаботностью ещё можно мириться. Куда хуже его непостоянство. Видели оросительные канавки на рисовом поле? Мелкие, узкие, а вода в них всё время меняется. Так и Ёдзиро. Никакой целеустремлённости. Идём мы с ним на праздничную ярмарку, так просто, посмотреть, и вдруг он говорит: «Сэнсэй, купите кадку с сосной!» Не успел я рта раскрыть, а он уже сторговался и купил. Впрочем, делать праздничные покупки он мастер. И

как дёшево умеет купить! Да, так вот летом, когда все разъехались, он внёс сосну в комнату, закрыл ставни и запер квартиру. Возвращаясь и вижу, что сосна в тепле сопрела и стала совсем красной. Это вполне в его духе.хлопот с ним не оберёшься.

Не так давно Ёдзиро занял у Сансиро двадцать иен и обещал вернуть их через две недели, как только получит гонорар от «Бунгэй дзихё». Сансиро выручил приятеля. Оставил себе пять иен, полученных из дому, а остальные отдал Ёдзиро. Две недели, правда, ещё не прошло, но от слов Хироты Сансиро стало как-то не по себе. Он, разумеется, не сказал об этом профессору, лишь заметил:

— Зато как Сасаки-кун уважает вас, сэнсэй, как о вас хлопочет!

Хирота насторожился.

— Хлопочет? О чём же это, позвольте узнать?

Тут Сансиро спохватился и перевёл разговор на другую тему. Дело в том, что Ёдзиро запретил рассказывать Хироте о статье «Невзошедшее светило» и обо всём остальном, что он делал для профессора. Хирота рассердится, если узнает. Когда можно будет, Ёдзиро сам скажет, а пока лучше молчать.

Сансиро тянуло к Хироте по разным причинам. Прежде всего потому, что этот человек ничем не походил на других, даже образом жизни. И ещё больше, чем от других, он отличался от самого Сансиро. Собственно, это и вызывало у Сансиро любопытство и в то же время стремление подражать профессору. С Хиротой Сансиро становился беспечным, и его уже не волновала борьба за положение в обществе. Нономия-сан, пожалуй, тоже не от мира сего. Но создаётся впечатление, что он сторонится всего житейского только из честолубия. В обществе Нономии всегда испытываешь неловкость, словно ты в долгу перед наукой и непременно должен внести в неё свой вклад. И это, естественно, будоражит нервы. Зато Хирота-сэнсэй — само спокойствие и умиротворённость. Он знает только свою лингвистику, которую преподаёт в колледже, и больше ничего. Не очень вежливо говорить об этом, но Хирота-сэнсэй не опубликовал ни единого исследования. Однако держится с большим достоинством. Вот почему, думал Сансиро, с профессором чувствуешь себя легко и беззаботно. Сансиро влюбился. Но до сих пор не знает, любят его или дурачат, и что ему делать: выказывать покорность или презрение, бросить всё это или надеяться. Сансиро злился, досадовал. Но стоило ему полчаса потолковать с Хиротой, как он снова обретал спокойствие и ему становились безразличны все девушки на свете. За этим, собственно, он и шёл сегодня к профессору... Была ещё третья причина, довольно странная. Сансиро, как известно, страдал от любви к Минэко и ревновал её к Нономии. Профессор же был очень близок с Нономией. И Сансиро надеялся, бывая у Хироты, понять наконец отношения между Нономией и Минэко. Тогда, по крайней мере, он знал бы, как себя вести. Однако лишь сегодня он впервые за всё время решился заговорить об этом с профессором.

— Говорят, Нономия-сан опять собирается снимать квартиру?

— Да, слышал.

— По-моему, человеку, у которого был целый дом, очень неудобно жить в квартире, и всё же Нономия-сан с такой лёгкостью...

— Подобного рода вещи его совершенно не занимают. Посмотрите, как он одет. Да и домашний уют его нисколько не интересует. Только в науку он вкладывает всю душу.

— И долго он собирается жить таким образом?

— Не знаю. Может быть, ему придётся снова обзавестись домом.

— Он хочет жениться?

— Возможно. Нашли бы ему подходящую невесту.

Сансиро кисло улыбнулся, подумав про себя, что наболтал лишнего.

— А вы как? — спросил Хирота.

— Я...

— Вам ещё рано. Жениться а столь юном возрасте — это ужасно.

— А дома мне советуют».

— Кто советует?

- Мама.
- И вы намерены последовать её совету?
- Особого желания у меня нет.

Хирота рассмеялся, из-под усов мелькнули ещё довольно крепкие белые зубы. Сансиро охватило вдруг какое-то удивительно тёплое чувство. Оно не относилось ни к Минэко, ни к Нономии, оно как бы возвышалось над ближайшими интересами Сансиро, было всеобъемлющим. Сансиро устыдился собственной назойливости и перестал расспрашивать о Нономии.

— Мать надо слушаться всегда и во всём, — снова заговорил Хирота. — Молодые люди нынче чересчур дорожат своим «я», не то что мы в юности, когда ещё учились. Тогда, что бы мы ни делали, мы прежде всего помнили о других. Государь, родители, страна, общество — вот что было главным для нас, так уж мы были воспитаны и, если хотите, не отдавая себе в том отчёта, невольно становились лицемерами. Со временем в общественной жизни произошли перемены, лицемерие оказалось ненужным, на смену ему пришёл эгоизм. Собственное «я» — вот что стало важнее всего. Место лицемеров заняли сверхэгоисты, которые и не пытаются скрыть свою подлинную неприглядную сущность, даже, напротив, выставляют её напоказ. Слышали вы когда-нибудь это слово «сверхэгоисты»?

— Нет, не слыхал.

— Это я его сейчас придумал. Может, и вы один из таких сверхэгоистов? Гм... Утверждать не берусь, но возможно... Вот Ёдзиро — классический пример. В своём роде и Сатоми тоже. Кстати, вы её знаете. И младшая сестра Нономии, — правда, в очень своеобразной форме, но это тем более забавно. В прежние времена выставлять напоказ свою сущность мог позволить себе разве только владетельный князь или глава семейства, ныне же у всех права равные, и поэтому каждому хочется показать себя полностью. Впрочем, я не вижу в этом ничего плохого. Вообразите, стоит ведро. Снимете крышку — а там отбросы. Стоит только сорвать с человека прекрасную оболочку — под ней окажется неприглядная сущность сверхэгоиста. Это общеизвестно. Так не лучше ли прекрасную оболочку заменить некрашеным деревом? И дёшево и без хлопот. Простота и безыскусственность — всё на виду. Однако всё хорошо в меру. Чрезмерная простота тяготит. Зайдя чересчур далеко, сверхэгоисты начинают тяготиться друг другом, и, когда это чувство, постепенно усиливаясь, достигает предела, возрождается альтруизм. Альтруизм тоже постепенно сводится только к форме и изживает себя. На смену ему опять приходит эгоизм, и так без конца. Это, пожалуй, помогает нам двигаться вперёд. Взгляните на Англию. Там с давних пор эти два принципа преотлично уживаются друг с другом. Вот почему англичане и стоят на месте. Нет у них ни Ибсена, ни Ницше. Бедняги! Они как будто вполне довольны собой, но ведь со стороны видно, что они закоснели и постепенно превращаются в окаменелость.

С восхищением слушая Хироту, Сансиро, в то же время был несколько удивлён тем, что разговор принял столь неожиданный оборот.

- О чём, собственно, мы говорили? — вдруг спохватился Хирота.
- О женитьбе.
- О женитьбе?

— Да, вы советовали мне слушаться мать...

— А, да, да. Непременно слушайтесь мать, — сказал Хирота таким тоном, словно обращался к ребёнку, и ласково улыбнулся. Но Сансиро не рассердился, даже не обиделся.

— Допустим, мы сверхэгоисты. Но вы говорите, что люди вашего поколения были лицемерами. В чём же это выражалось?

- Вам нравится, когда с вами любезны?
- В общем, нравится.
- Всегда? А мне нет. Напротив. Чрезмерная любезность бывает очень неприятна.
- Что вы имеете в виду?
- Любезность неискреннюю, чисто формальную.
- А такая бывает?

— Когда вас поздравляют с Новым годом, у вас на самом деле появляется праздничное настроение?

— Да в общем-то...

— Думаю, что нет. Нельзя верить субъектам, которые заявляют, что животики со смеху надорвали или, там, покатались со смеху, потому что ни один из них не смеётся искренне. То же самое и с любезностью. Любезность по обязанности — это нечто вроде моего преподавания. Ведь служу я в колледже ради заработка, а у учащихся это наверняка не вызывает симпатии. Вот Ёдзиро совсем другое дело. Он заправила среди сверхэгоистов, хлопот с ним не оберёшься, озорник, подчас не знаешь, что с ним делать. Но такие, как он, простодушны и добры, есть в них что-то милое. Возьмите, к примеру, стремление американцев к деньгам. Деньги для них — самоцель, и они не скрывают этого. Нет ничего честнее таких стремлений. И нет ничего прекраснее честности. Нас же воспитывали чересчур строго, поэтому столько в нас неискренности и фальши.

Сансиро не так уж трудно было следить за ходом мыслей Хироты. Но сейчас его занимали не столько общие рассуждения, сколько частный вопрос. Прежде всего ему хотелось знать, насколько искренности одна его знакомая. Он снова мысленно представил себе манеру Минэко держаться и никак не мог решить, лукавит она или не лукавит. А может, он слишком туп, чтобы понять её?

— Да, вот ещё что... — хмыкнул Хирота. — В нашем, двадцатом, веке вошла в моду одна весьма странная вещь, эдакий хитрый выверт: альтруизм, основанный на эгоизме. Вам не встречались люди с такими принципами?

— С какими именно?

— Ну, скажем, из лицемерия откровенно показывать свою неприглядную сущность. Что, не совсем понятно? Вероятно, я не очень хорошо объясняю. Раньше лицемеры заботились главным образом о том, чтобы о них, упаси бог, не подумали плохо. Нынче же нарочно лицемерят открыто, и если человеку от их лицемерия становится не по себе — цель достигнута. Такого рода честность — отличительная черта сверхэгоиста. И движут им как будто самые благие намерения. Словом, что называется, един в двух лицах. В последнее время иные господа просто мастерски пользуются этим приёмом. Когда представитель цивилизованной расы с весьма тонкой нервной организацией стремится стать сверхэгоистом да ещё хочет сделать это с особым изяществом, лучшего способа не придумаешь. Пустить кровь, чтобы убить человека, считается варварством, и этот метод постепенно выходит из моды.

Хирота говорил о действительности, словно наблюдал её из далёкого прошлого, как гид на поле давних битв, в то же время речь его была исполнена оптимизма, и этим он очень напоминал университетских лекторов. Сансиро по-своему воспринял теорию Хироты. Ведь её можно было применить к его отношениям с Минэко, и он попробовал это сделать. Но, увы, ничего не вышло. Многие в Минэко никак не укладывались в теорию. Хирота умолк и принялся пускать из носа «философский» дым.

В коридоре послышались шаги. Это был Ёдзиро. Он вошёл в кабинет, забыв поздороваться, заявил:

— Пришёл Харагути-сан, — и, скользнув взглядом по Сансиро, ушёл.

Тотчас же в комнату вошёл Харагути-сан, тучный человек с усиками на французский манер и коротко подстриженными волосами, в кимоно, куда более элегантно, чем у Хироты. С виду он был двумя-тремя годами старше Нономии.

— Давненько не заглядывал к вам, — весело сказал Харагути. — Сейчас у меня был Сасаки, мы с ним позавтракали, поболтали, а потом он притащил меня сюда...

От Харагути так и веяло жизнерадостностью. Сансиро сразу понял, что это и есть тот самый художник, о котором он уже слышал. «Ай да Ёдзиро, просто молодец, со всеми знаменитостями знаком», — с восхищением подумал Сансиро и сразу ощутил неловкость. Он всегда испытывал неловкость в обществе людей почтенного возраста и объяснял это тем, что воспитан в провинциальных традициях.

Хирота представил молодого человека художнику, Сансиро вежливо поклонился. Харагути слегка кивнул. После этого Сансиро не произнёс больше ни слова, молча слушая беседу Хироты с гостем.

Харагути заявил, что прежде всего намерен поговорить о деле. На днях он даёт обед и просит Хироту прийти. На сей раз он не собирается приглашать постоянных членов художественного общества и устраивать грандиозный приём; будет несколько литераторов, деятелей искусства, профессоров университета, главным образом, добрые знакомые; ему просто хочется, чтобы собрались друзья и вместе пообедали. А потом побеседовали о литературе и искусстве.

Хирота коротко ответил: «Приду», Таким образом, дело было улажено. Но дальнейший разговор между Харагути и Хиротой показался Сансиро весьма интересным. На вопрос Хироты: «Чем вы сейчас занимаетесь?» — Харагути ответил:

— Всё теми же старинными балладами. Скоро пятую выучу. Есть весьма интересные, например, «Восемь обликов Ёсивары весной и осенью» или, скажем, «Самоубийство Хамбэя и гейши Коина на озере Бива». Может, последуете моему примеру, займётесь? Только их нельзя читать в полный голос. Говорят, когда-то их исполняли в маленькой комнате в четыре с половиной татами. Но у меня, как вам известно, голос громкий, к тому же мелодия очень сложная, как следует не получается. Приходите как-нибудь, послушаете.

Хирота улыбался, а Харагути продолжал:

— Ну, у меня ещё куда ни шло, а вот Сатоми Кёскэ, так тот до того врёт, что и разобрать ничего невозможно. Зато его сестра — мастерица. Недавно он наконец признал своё поражение и заявил, что с песенными сказами покончено, теперь он хочет играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Кто-то посоветовал ему заняться народными инструментами — барабаном, флейтой... Смех, да и только!

— Неужели правда?

— Разумеется! Сатоми даже сказал, что если я буду учиться, то и он будет. Есть, говорят, восемь способов игры на этих инструментах.

— А что, если вам и в самом деле попробовать? Для этого таланта особого не требуется.

— Нет, не хочу. Уж если учиться, так лучше на цудзуми⁴⁸. Когда я слышу его звуки, не знаю почему, забываю, что сейчас двадцатый век, и становится так отраднo! Настоящий бальзам, особенно когда вспомнишь о том, как огрубели сейчас люди. При всём своём легкомыслии я не взялся бы изобразить на холсте нечто подобное звукам цудзуми.

— По-моему, вы и не собирались?

— Это просто мне не под силу. Разве можно, живя в современном Токио, написать полную покоя картину? Впрочем, едва ли это относится только к живописи... Кстати, недавно вознамерился было нарисовать сестёр Сатоми и Нономии на университетских соревнованиях, нечто вроде дружеского шаржа, так они от меня убежали. Теперь думаю написать портрет и представить на выставку.

— Чей же портрет?

— Сёстры Сатоми. Как правило, лица японских женщин очень напоминают картины Утамаро⁴⁹ и на европейских холстах получаются плохо. А эта девушка и сестра Нономии так и просятся на холст. Думаю попробовать написать сестру Сатоми в натуральную величину на фоне деревьев, так, чтобы на лицо ей падал свет, с веером у плеча, но не европейским — это безвкусно, — а непременно японским, так куда интересней. Только надо

⁴⁸ *Цудзуми* — небольшой ручной барабанчик особой формы, сверху и снизу обтянутый кожей, по которому ударяют сжатыми вместе пальцами.

⁴⁹ *Китагава Утамаро* (1753–1806) — японский художник, известный написанными в особой манере женскими портретами.

с этим поспешить, а то выйдет замуж, тогда всё будет гораздо сложнее.

Сансиро слушал Харагути с большим интересом. Особенно его взволновала предполагаемая композиция картины: Минэко с веером у плеча. И он подумал, что такая композиция не случайна. Размышления Сансиро прервал Хирота.

— Эта композиция не кажется мне очень уж интересной, — довольно бесцеремонно заявил он.

— Так хочет сама девушка — непременно держать веер чуть повыше плеча. Я её поддержал, даже похвалил за тонкий вкус. Напрасно вы считаете, что это плохо. Правда, многое ещё зависит от того, как это будет написано.

— Изобразите её чересчур красивой, отбою от женихов не будет.

— Ха-ха-ха! Придётся тогда написать её не очень красивой. Кстати, о замужестве. Этой девушке пора замуж. Нет ли у вас на примете хорошего жениха? Сатоми меня тоже просил...

— А что, если вам на ней жениться?

— Мне? Я с удовольствием, но, к несчастью, она не очень-то меня жалует.

— Почему?

— Посмеивается надо мной, говорит: «Вы, Харагути-сан, с таким энтузиазмом собирались в Европу, грозились сидеть там безвыходно дома, даже сушёным тунцом запаслись, а как только очутились в Париже, сразу забыли о своих благих намерениях». И ничего ей на это не скажешь. Это ей, наверно, всё братец наговорил.

— Такая девушка должна сама выбрать себе мужа. Советовать ей бесполезно. Пусть лучше не выходит замуж, пока не найдёт человека по сердцу.

— Совсем как в Европе. Впрочем, все девушки скоро будут так поступать, и ничего тут нет плохого.

После этого разговор снова перешёл на живопись и продолжался довольно долго. Хирота немало удивил Сансиро своим знанием имён европейских художников. Когда, собираясь уходить, Сансиро надевал свои гэта у входа, Хирота подошёл к лестнице и крикнул: «Эй, Сасаки, сойди вниз на минутку!»

Погода стояла холодная. Ясное, без единого облачка, небо казалось удивительно высоким. Однако на траве почему-то лежала роса. Кимоно было таким холодным, что от прикосновения к нему зябли руки. Петляя по глухим улочкам, Сансиро вдруг наткнулся на уличного гадалщика с большим круглым фонарём, бросавшим ярко-красный свет на его ноги. Как ни хотелось Сансиро, он не отважился купить билетик с предсказанием судьбы и, прижавшись к криптомериевой изгороди, уступил гадалщику дорогу. Пройдя ещё немного, он пересёк неосвещённое пространство и очутился на улице Оивакэ. В небольшой закусочной на углу торговали гречневой лапшой. Сансиро решительно приподнял бамбуковую занавеску и вошёл: ему захотелось выпить чашечку сакэ.

В закусочной сидели трое учащихся колледжа. Они беседовали о том, что многие преподаватели нынче полдничают гречневой лапшой. И теперь, как только пушка возвестит полдень, разносчики из закусочных устремляются к колледжу, нагруженные судками и кастрюльками. Торговцам от этого прямая прибыль. Об одном преподавателе было сказано, что он даже летом ест горячую лапшу. С чего бы это? Видно, желудок у него не в порядке, высказал предположение один из учащихся. О чём только они не говорили! Об учителях большей частью отзывались неуважительно. Заговорили о Хироте-сан, почему он холостяк. Один из молодых людей сообщил, что видел у профессора картину с изображением нагой женщины, значит, ненависти к слабому полу он, вероятно, не питает. Впрочем, там изображена европейка, а это в счёт не идёт. Может быть, он не любит японок? Или у него была несчастная любовь? Неужели это сделало его таким чудаком? А правда, что к нему ходит молодая красавица?

Прислушиваясь к их разговору, Сансиро всё больше утверждался во мнении, что Хирота-сэнсэй — человек выдающийся. Почему он стал выдающимся, Сансиро представлял

себе весьма смутно, но что все трое собеседников читали статью Ёдзиро «Невзошедшее светило», тут сомнений быть не могло. И в самом деле, один из них заявил, что после этой статьи сразу полюбил Хироту-сан. Потом молодые люди стали цитировать афоризмы из статьи Ёдзиро, расхваливая при этом на все лады автора. Кто же это такой — Рэй Ёси? В конце концов единодушно решили, что статью писал человек, хорошо знающий Хироту-сан.

Сансиро сидел неподалёку от молодых людей и про себя восхищался справедливостью их суждений. Молодец Ёдзиро! Он очень гордился тем, что его статью напечатал журнал «Бунгэй дзихё», хотя, по его же словам, журнал этот не пользовался особой популярностью. До сих пор Сансиро считал, что эта статья в большей мере польстила самолюбию Ёдзиро, чем принесла какую-нибудь пользу. Но сейчас он убедился в том, как велика сила печатного слова. Не зря Ёдзиро говорил, что гораздо хуже молчать. Вдруг Сансиро пришло в голову, какая огромная ответственность лежит на том, кто берётся за перо. От него зависит репутация человека. При этой мысли Сансиро стало не по себе.

По дороге домой весь хмель у него выветрился и на душе опять стало тоскливо. Сансиро сел за стол, рассеянно глядя перед собой. Служанка принесла чайник с кипятком и письмо. Сансиро очень обрадовался, увидев почерк матери, и тотчас распечатал конверт.

Письмо было пространное, но ничего особенного мать не сообщала, даже О-Мицу-сан ни разу не упомянула, за что Сансиро был ей очень благодарен. Правда, в письме содержался один странный совет.

«К несчастью, — писала мать, — ты с детства робкий и нерешительный. Такие всегда в убытке, а на экзаменах уж и не знаю, как им трудно! Вот, к примеру, Окицу Така-сан, до чего способный к наукам, преподаёт в средней школе, а как идёт на экзамен, чтоб прибавку получить, дрожит весь, толком ничего сказать не может — так ему, бедняге, до сих пор и не повысили жалованья. Говорят, он приятеля своего попросил, бакалавра медицины, что ли, приготовить ему пилюли, чтоб дрожь унять, принял лекарство перед экзаменом — всё равно не помогло. Ты, конечно, не дрожишь, но всё же сходи к доктору, пусть даст лекарство для смелости».

Что за чепуха, подумал Сансиро. Но эта чепуха явилась для него великим утешением. Какая добрая у него мать! В этот вечер Сансиро чуть не до часу ночи писал письмо и между прочим упомянул о том, что в Токио ничего интересного нет.

8

Как-то дождливым вечером, часов в девять, к Сансиро вдруг явился Ёдзиро и сказал, что он в крайне затруднительном положении. Вид у него и в самом деле был скверный, даже нездоровый. Сансиро подумал, что он просто вымок под холодным осенним дождём, но когда Ёдзиро сел, понял, что тот чем-то расстроен. Странно было видеть Ёдзиро таким унылым. На вопрос Сансиро: «Что-нибудь стряслось?» — Ёдзиро ответил, заморгав круглыми, как у оленя, глазами:

— Понимаешь, деньги потерял. Хоть в петлю лезь!

Ёдзиро нервно курил, выпуская из носа дым струйку за струйкой. Сансиро стал расспрашивать, что за деньги, где потерял. Ёдзиро помолчал, а потом стал всё подробно рассказывать.

Потерял он чужие двадцать иен. В прошлом году у Хироты-сэнсэя не хватило денег, чтобы внести задаток за дом, который он собирался снять, и недостающую сумму — трёхмесячную плату — он попросил взаймы у Нономии. Нономия-сан дал ему деньги, присланные отцом из деревни на покупку скрипки для Ёсико. Нономия, конечно, мог бы и подождать с долгом, но тогда неизвестно, сколько времени Ёсико будет без скрипки. Ведь скрипку ей так и не купили, потому что Хирота-сэнсэй никак не мог вернуть долг, из жалованья не выкроишь, а подработать — не такой он человек. Но совсем недавно он получил наконец шестьдесят иен за то, что летом проверял экзаменационные работы

абитуриентов колледжа. И тотчас передал нужную сумму Ёдзиро, попросив вернуть Нономии долг.

— Эти деньги я и потерял, — сказал Ёдзиро, — так что вдвойне стыдно. — Вид у него и в самом деле был очень смущённый.

— Где ж ты их потерял? — спросил Сансиро.

— Не потерял! — воскликнул Ёдзиро. — На скачках проиграл.

Сансиро опешил, так всё это было нелепо, — он даже не стал упрекать друга. Ёдзиро и без того был подавлен. Его словно подменили. От прежней жизнерадостности не осталось и следа. Сансиро было жаль приятеля, и в то же время ему стало смешно. Он рассмеялся. Вслед за ним рассмеялся и Ёдзиро.

— Ладно, — сказал он, — как-нибудь выкручусь.

— Профессор ещё не знает?

— Пока нет.

— А Нономия-сан?

— Разумеется, нет.

— Ты когда взял эти деньги?

— В начале месяца, сегодня ровно две недели.

— А на скачках когда был?

— На другой день, после того как получил деньги.

— И до сих пор ничего не предпринимал?

— Да нет, как же, бегал, хлопотал, но ничего не вышло. Теперь придётся ждать до конца месяца.

— На что-нибудь рассчитываешь?

— Может, получу в «Бунгэй дзихё».

Сансиро выдвинул ящик стола, взял письмо, которое накануне получил от матери, и сказал:

— Я дам тебе денег, в этом месяце мне раньше прислали.

Ёдзиро сразу прибодрился и сказал уже своим обычным насмешливым тоном:

— Спасибо тебе, дорогой Огава-кун.

В одиннадцатом часу, несмотря на дождь, они отправились в закусочную, ту самую, где подают лапшу из гречневой муки. Именно в тот вечер Сансиро почувствовал вкус к сакэ. Они весело провели время. Платил Ёдзиро. Не в его правилах было угощаться на чужой счёт.

Шло время, а Ёдзиро всё не возвращал денег. Сансиро, человек честный и аккуратный, беспокоился, что ему нечем будет уплатить за квартиру. Правда, хозяйка его не торопила, но незаметно подошёл конец месяца, оставалось всего каких-нибудь два дня. Просить об отсрочке Сансиро в голову не приходило. Он хотя и не был до конца уверен, что Ёдзиро в ближайшее время отдаст деньги, но всё же надеялся, что из дружеского расположения он раздобудет эти двадцать иен и не подведёт Сансиро. Хирота-сэнсэй как-то сказал, что Ёдзиро мечется по жизни, словно мелкая речушка меж камней, — чувство долга ему неведомо. Но, может быть, это не так?

Выглянув на улицу из окна второго этажа, Сансиро вдруг заметил быстро шагавшего Ёдзиро.

— Эй, ты дома? — крикнул Ёдзиро, задрав голову.

— Ага, — ответил Сансиро и отошёл от окна. Ёдзиро взбежал вверх по лестнице.

— Небось ждёшь, беспокоишься, за квартиру платить надо, я ведь тебя знаю, вот и бегал, чтобы раздобыть денег.

— Получил гонорар в «Бунгэй дзихё»?

— Гонорар? Гонорар я давно получил.

— Ты же сам на днях сказал, что получишь в конце месяца.

— Неужели? Ты, наверно, не так понял. Мне там ни гроша не причитается.

— Забавно! Но ты именно так говорил.

— Да нет, я сказал, что возьму у них аванс. А они не дают ни в какую! Боятся, что

пропадёт. Вот наглость! Какие-то двадцать иен. А ведь я для них написал «Невзошедшее светило». Просто противно.

— Значит, не достал денег?

— Достал, только в другом месте. Не хотел тебя подводить.

— Вот как? Тогда извини, что заставил тебя хлопотать.

— Правда, есть тут одна заковыка. Деньги-то не у меня. Придётся тебе самому идти за ними.

— Куда же это?

— Понимаешь, из «Бунгэй дзихё» я зашёл к Харагути, потом ещё к кое-кому, у всех пусто в кармане — конец месяца. Тогда я отправился к Сатоми. Кстати, ты его знаешь? Кёскэ Сатоми, бакалавр права. Брат Минэко-сан. Прихожу, а его дома нет, опять не повезло. Тут есть захотелось — нет сил терпеть, и я решил поговорить с Минэко-сан.

— А сёстры Нономии-сан не было дома?

— Разумеется, нет, она в это время как раз на занятиях. А будь она дома, всё равно не помешала бы — разговор происходил в гостиной.

— А-а...

— Минэко-сан выслушала меня и сказала, что с удовольствием поможет...

— У неё есть собственные деньги?

— Откуда мне знать? Впрочем, это не имеет никакого значения. Раз она взялась помочь, значит, всё в порядке. Удивительная девушка! Совсем молоденькая, а будто старшая сестра. Не беспокойся. На неё можно положиться. Но представь, под конец разговора она меня просто ошарашила, сказала, что денег в руки мне не даст. «Выходит, вы мне совсем не доверяете?» — спрашиваю. «Не доверяю», — отвечает и смеётся. «Возмутительно! Может, послать к вам Огаву?» — «Да, — изволила она сказать, — я их вручу Огаве-сан. Пусть распорядится по собственному усмотрению». Ну что, пойдёшь?

— Придётся, иначе надо будет телеграфировать домой.

— Телеграфировать? Это ты брось. Глупо! Сходи, ничего с тобой не случится.

— Могу и пойти.

Как только вопрос с деньгами был улажен, Ёдзиро заговорил о Хироте. Он сообщил, что дела идут успешно. Каждую свободную минуту он использует для того, чтобы беседовать с людьми, причём с каждым в отдельности. Когда разговариваешь сразу со многими, каждый стремится к самоутверждению, и мнения часто расходятся. Попробуй кого-нибудь ущемить, он сразу устранился. Так что надо говорить с каждым в отдельности. Знаешь, сколько уходит времени! Да и денег тоже. Если из-за всего переживать, толку не добьёшься. Имя Хироты-сэнсэя я стараюсь упоминать как можно реже, ведь, если узнают, что я забочусь о нём одном, всё пойдёт прахом.

В общем, дело близится к успешному завершению. Все сошлись на том, что обходиться одними европейцами нельзя, непременно надо пригласить в университет японца. Теперь остаётся ещё раз собраться, избрать комитет и послать представителей к декану или ректору, чтобы изложили пожелания студентов. Это собрание — чистейшая формальность, можно было бы и без него обойтись. Уже сейчас известно, кто войдёт в комитет. Все они одинаково хорошо относятся к Хироте, и, если переговоры пойдут успешно, можно будет назвать имя сэнсэя...

Послушать Ёдзиро, так можно было подумать, словно именно ему суждено спасти мир. Сансиро был восхищён его талантами. Не преминул Ёдзиро рассказать и о том, как получилось, что недавно вечером он привёл к Хироте художника Харагути. Причём, расписывая это, Ёдзиро не поскупился на краски.

— Помнишь, Харагути-сан пригласил сэнсэя к себе на встречу литераторов и художников?

Сансиро, конечно, помнил. Инициатором этой встречи, как следовало понимать из слов Ёдзиро, был, разумеется, он. Зачем она понадобилась? Тут много соображений. Главное — то, что один из её участников весьма влиятельный профессор с филологического. Ведь наш

сэнсэй — чудак, ни с кем не общается, а эта встреча для него — прекрасный случай.

— Так вот зачем ты приводил Харагути! А мне и в голову не пришло. Значит, ты инициатор этой встречи? Но придут ли такие именитые люди, если приглашения будут разосланы от твоего имени?

Ёдзиро некоторое время задумчиво смотрел на Сансиро, потом печально усмехнулся и отвёл глаза:

— Не болтай глупостей. Я ведь инициатор, так сказать, неофициальный. Просто, мне принадлежит идея. Короче говоря, я дал Харагути-сан совет, а уж он сам всё организует.

— Ах, вон оно что!

— «Вон оно что» говорят только в провинции. Кстати, можешь тоже прийти. Встреча скоро состоится.

— Не пойду! Ведь там будут одни знаменитости.

— Знаменитости! Нет, ты всё же провинциал. Знаменитости от незначительностей отличаются лишь тем, что сумели первыми заявить о себе в обществе. Все эти доктора наук, бакалавры, словом, как бы они ни назывались, ничего особенного собой не представляют. Стоит лишь поговорить с ними, чтобы это понять. А прийти надо ради твоего же будущего.

— Где это будет?

— Вероятно, в Уэно, в Сэйёкэне.

— В таких местах я не бывал. Сколько надо внести?

— Иены две, пожалуй, да ты не беспокойся. Я заплачу, если не сможешь.

Сансиро сразу вспомнил о тех двадцати иенах. Но сейчас это не показалось ему смешным. Ёдзиро предложил зайти в какой-нибудь ресторанчик на Гиндзе, полакомиться жареной рыбой в тесте. Деньги есть, сказал он. Удивительный человек, этот Ёдзиро! Сансиро, обычно покладистый, на этот раз отказался. И они с Ёдзиро пошли прогуляться. На обратном пути зашли в кондитерскую, и Ёдзиро купил целую грудку пирожков с бобовым джемом и каштанами. «Отнесу сэнсэю», — сказал он и, нагруженный кулками, ушёл.

Весь вечер Сансиро думал о Ёдзиро. Может быть, он сам станет таким же, если будет долго жить в Токио? Потом он представил себе, как пойдёт к Сатоми занимать деньги. Его радовала возможность встречи с Минэко, хотя просить займы не так уж приятно. Ни разу в жизни Сансиро не занимал денег, да ещё у девушки. Девушка всегда от кого-нибудь зависит, пусть даже и располагает средствами. Если он возьмёт деньги так, чтобы её брат не знал, могут быть неприятности, не только у него, но и у Минэко. Правда, Минэко не такая девушка, чтобы допустить неприятности, она, конечно, заранее всё устроила. Во всяком случае, прежде всего надо с нею встретиться. Удобно будет — он попросит займы, неудобно — воздержится, напишет домой, чтоб прислали, и тогда уплатит за квартиру. Всё и обойдётся.

На этом Сансиро поставил точку и попробовал мысленно представить себе Минэко, её лицо, шею, руки, кимоно, оби. Не один десяток вариантов предстоящей встречи нарисовал себе Сансиро — как отнесётся девушка к его приходу, что скажет. Стоило ему договориться с кем-нибудь о встрече, ни о чём другом он уже думать не мог, всё старался представить себе, как будет держаться партнёр. Сам он к встрече никогда не готовился, о чём после жалел, поскольку имел обыкновение анализировать каждое своё слово, каждый поступок.

Как он будет держаться завтра с Минэко, этого он себе даже представить не мог. С некоторых пор Сансиро всё чаще приходилось сомневаться в Минэко. Но что пользы от сомнений? До сих пор у него не было случая встретиться с девушкой с глазу на глаз и поговорить. С одного раза ничего не выяснишь. Но какая-то определённая необходимость, иначе Сансиро не успокоится. Завтрашняя встреча даст ему, по крайней мере, возможность вынести самому себе приговор. Он увидит, как будет вести себя Минэко. Нынче вечером девушка не шла у него из головы. Но сколько он ни думал, картина получалась для него весьма благоприятная. Зато действительность была неумолима. Бывает же так, что на великолепно выполненной фотографии изображено что-либо малопривлекательное. Но фотография на то и фотография, чтобы точно воспроизводить реальность. И всё же в

подобных случаях сам снимок и то, что на нём изображено, являют собой дисгармонию.

Вдруг Сансиро осенила радостная мысль. Минэко не отдала Ёдзиро деньги, которые согласилась одолжить. Возможно, он и в самом деле не заслуживает доверия. Однако не исключено, что были на то ещё другие причины. Именно они и внушают Сансиро надежду. Кроме того, сам факт, что Минэко согласилась одолжить деньги, говорит о её добром к нему отношении. А её желание вручить их ему лично... Тут Сансиро спохватился, что чересчур далеко зашёл в своих мечтах, подумал: «А может, она посмеяться надо мной хочет?» — и почувствовал, что краснеет. Зачем бы ей понадобилось над ним насмехаться, на этот вопрос Сансиро вряд ли смог бы ответить или сказал бы, что она вообще насмешница. Он ни за что не воспринял бы её насмешки как наказание, ведь она сама дала ему право быть самонадеянным.

На следующий день Сансиро повезло: не было послеобеденных занятий — не пришли преподаватели. Возвращаться домой ему не хотелось, и он отправился прямо к Минэко. По пути зашёл подкрепиться. Сансиро не раз проходил мимо дома Минэко, но никогда у неё не был. На воротах под черепичным навесом висела табличка: «Сатоми Кёскэ». И, проходя мимо, Сансиро пытался представить себе, что за человек этот Сатоми Кёскэ — он ни разу его не видел...

Ворота оказались запертыми, и Сансиро вошёл через калитку. От калитки до дома было ближе, чем он себе представлял. Сансиро пошёл по дорожке, выложенной через неравные промежутки прямоугольниками гранита, которая привела его к красивой решётчатой двери. На звонок вышла служанка. «Минэко-сан дома?» — спросил Сансиро и сразу смутился оттого, что пришёл в чужой дом да ещё в гости к девушке. Служанка держалась почтительно и весьма строго. Она скрылась в глубине дома, но вскоре снова появилась и, вежливо кланяясь, сказала: «Пожалуйста». Сансиро последовал за служанкой и оказался в гостиной европейского типа, с тяжёлыми занавесями на окнах, довольно мрачной.

— Будьте добры, подождите немного... — опять очень вежливо сказала служанка и ушла. Было тихо. Сансиро сел напротив небольшого камина, над которым висело продолговатое зеркало с подсвечниками по обеим сторонам. Немного посидев, Сансиро встал, погляделся в зеркало и опять сел.

Где-то в доме заиграла и смолкла скрипка. Словно ветер откуда-то принёс её звуки и тотчас унёс. Сансиро испытал лёгкое разочарование — ему очень хотелось, чтобы поиграли ещё немного, и, прислонившись к мягкой кожаной спинке кресла, он стал внимательно прислушиваться. Но через какую-то минуту Сансиро уже забыл о скрипке и принялся разглядывать зеркало с подсвечниками. Они ещё больше подчёркивали европейский стиль комнаты. Снова зазвучала скрипка — несколько высоких, потом несколько низких нот, и снова смолкла. Сансиро был совершенно не знаком с европейской музыкой, но то, что он сейчас услышал, конечно, не было какой-то мелодией, даже частью её. Просто небрежно провели смычком по струнам. Однако эти звуки удивительно гармонировали с настроением Сансиро. Как будто внезапно на него упало с неба несколько шальных градинок.

Сансиро, рассеянно смотревший в окно, перевёл взгляд на зеркало и увидел там Минэко — она незаметно вошла в комнату. Служанка, оказывается, не закрыла дверь. Отодвинув портьеру, Минэко смотрела в зеркало на Сансиро и улыбалась.

— Рада видеть вас, — услышал Сансиро у себя за спиной и, обернувшись, встретился с девушкой взглядом. Минэко слегка поклонилась, отчего волосы широкой волной упали ей на лоб. Это было дружеское, отнюдь не церемонное приветствие. Сансиро же привстал и отвесил ей низкий поклон. Минэко, будто не заметив этого, прошла к зеркалу и села напротив Сансиро.

— Наконец-то пожаловали, — сказала она всё тем же приветливым тоном. На Минэко было нарядное атласное кимоно. Она, видимо, переодевалась и потому так долго не выходила в гостиную. Девушка молчала, но так и искрилась улыбкой, смеялись даже глаза. Весь облик Минэко вызывал в Сансиро сладкое томление. Под устремлённым на него взглядом Сансиро заговорил с лихорадочной поспешностью:

— Сасаки...

— Он у вас был? — спросила Минэко, сверкнув своими ослепительно белыми зубами. Подсвечники по обеим сторонам зеркала как раз стояли у неё за спиной, на каминной доске. Впрочем, Сансиро сомневался, подсвечники ли это — такой они были удивительной формы. Сквозь плотные занавеси солнце, наверно, никогда не проникало в комнату. К тому же погода стояла пасмурная.

— Да, Сасаки был у меня, — ответил Сансиро на вопрос Минэко.

— Что же он вам сказал?

— Чтобы я пошёл к вам.

— В самом деле? Только поэтому вы и пришли? — лукаво спросила Минэко.

— Да, — в замешательстве ответил Сансиро и добавил: — Да, именно поэтому.

Девушка согнала улыбку с лица, лёгким движением поднялась со стула, подошла к окну и стала смотреть на улицу.

— Пасмурный день. Наверно, холодно?

— Нет, удивительно тепло. И безветренно.

— В самом деле? — Минэко вернулась на прежнее место.

— Сасаки говорил... деньги... — начал Сансиро.

— Я знаю, — прервала его Минэко. — Как же это они потерялись?

— Их проиграли на скачках.

— Угораздило же, — сказала Минэко, однако лицо её не выразило ни малейшего возмущения. Напротив, на нём играла улыбка. Немного помолчав, Минэко сказала: — Какие нехорошие люди!

Сансиро промолчал.

— Угадать на скачках ещё труднее, чем прочесть в чужом сердце. Но вы с вашей беспечностью не пытаетесь даже прочесть в таком сердце, которое перед вами словно на ладони.

— Так ведь не я покупал билеты на скачки.

— Не вы? Кто же тогда?

— Сасаки.

Девушка неожиданно рассмеялась. Сансиро тоже стало смешно.

— Выходит, деньги нужны не вам. Забавно!

— Нужны-то они как раз мне!

— В самом деле?

— Ну да!

— Странно!

— Могу и не занимать!

— Отчего же? Вам это неприятно?

— Да нет, просто нехорошо брать деньги без ведома вашего брата.

— Почему же без ведома? Брат знает.

— Знает? Тогда можно... Впрочем, не надо. Я напишу домой, и мне пришлют примерно через неделю.

— Ну, если вас это тяготит... Принуждать... — уже другим, холодным тоном произнесла Минэко. Сансиро показалось, будто между ними легла пропасть. Напрасно он отказался от денег. Но теперь уже поздно жалеть. Минэко с отсутствующим видом рассматривала подсвечники. Сансиро не знал, как загладить неловкость. Девушка продолжала держаться отчуждённо. Потом подошла к окну и спросила:

— Дождя, пожалуй, не будет, как по-вашему?

— Пожалуй, не будет, — в тон ей ответил Сансиро.

— В таком случае, я выйду прогуляться, — сказала девушка. Но для Сансиро эти слова прозвучали как «вы можете идти». Значит, не для него надела она своё сверкающее кимоно. Сансиро поднялся.

— Ну, я пойду.

Минэко проводила его до прихожей и, когда он надевал ботинки, сказала:

— Я провожу вас немного. Не возражаете?

— Как вам угодно, — ответил Сансиро, завязывая шнурки. Девушка подошла и шепнула ему на ухо:

— Вы рассердились?

Тут прибежала служанка проводить гостя.

С полквартала Сансиро и Минэко шли молча. Сансиро перебирал в памяти всё, что говорила ему Минэко. Она избалована, думал Сансиро, независима, не то что другие женщины, и делает всё, что ей заблагорассудится. Вот и сейчас вышла с ним погулять, ни у кого не спросившись. Родителей нету, а брат по молодости лет считает, что девушка должна пользоваться полной свободой. В деревне ей бы туго пришлось. Что она, интересно, сказала бы, доведись ей жить, как живёт, к примеру, О-Мицу-сан? В Токио люди не связаны условностями, как в провинции, и женщины тоже ведут себя свободнее, хотя по сравнению с Минэко всё равно кажутся несколько старомодными. Так что Ёдзиро прав. Минэко будто и в самом деле пренебрегает условностями, как ибсеновские героини. Но каковы её истинные убеждения, этого Сансиро сказать не мог.

Молодые люди шли рядом. Прежде, чем выйти на улицу Хонго, словно по молчаливому уговору, трижды сворачивали в переулки и всё время двигались в одном направлении. На углу четвёртого квартала Минэко наконец спросила:

— Вы куда идёте?

— А вы?

Они посмотрели друг на друга. Сансиро был очень серьёзен. Минэко же не стерпела и улыбнулась, опять показав свои ослепительно белые зубы.

— Пойдёмте вместе!

Они свернули за угол, пошли в сторону железнодорожного полотна и шагов через тридцать оказались возле большого европейского здания. Минэко остановилась, вытащила из-за obi чековую книжку и печатку и обратилась к Сансиро.

— Могу ли я попросить вас кое о чём?

— О чём же?

— Получите, пожалуйста, для меня деньги.

Сансиро взял книжку. Посередине было написано: «Текущий счёт в банке Когути», а чуть сбоку: «Госпожа Сатоми Минэко». С чековой книжкой и печаткой в руке Сансиро стоял и смотрел на Минэко.

— Тридцать иен. — Девушка назвала сумму таким тоном, словно обращалась к человеку, привыкшему ежедневно получать в банке деньги. Хорошо ещё, что Сансиро, когда жил в провинции, не раз ездил в город Тоёцу получать деньги по чековой книжке. Поднявшись по каменным ступенькам, Сансиро толкнул дверь и вошёл в банк. Отдал служащему книжечку и печатку, получил нужную сумму и вернулся к Минэко, которая ждала его поодаль, пройдя десяток шагов в сторону железнодорожной выемки. Сансиро полез было в карман, чтобы отдать Минэко деньги, но она вдруг спросила:

— Вы были на выставке Тансэйкай?⁵⁰

— Нет ещё.

— У меня есть два пригласительных билета, но всё недосуг сходить. Пойдёмте сейчас?

— Пойдёмте.

— А то выставка скоро закроется и мне будет неловко перед Харагути-сан.

— Это он прислал вам билеты?

— Да. А вы его знаете?

— Видел как-то у профессора Хироты.

— Интересный человек, правда? Сказал, что учится играть на народных инструментах.

⁵⁰ *Тансэйкай* — название общества художников.

— В тот раз он говорил о цудзуми. Потом...

— Потом?..

— Потом, кажется, сказал, что собирается писать ваш портрет. Это верно?

— Да, я ведь первоклассная модель!

Не будучи остроумным, Сансиро не нашёлся что ответить, чем несколько разочаровал Минэко, которой очень хотелось услышать, что он на это скажет.

Сансиро вытащил из кармана чековую книжку и печатку и отдал девушке.

— А деньги? — спросила Минэко. Сансиро думал, что деньги он вложил в чековую книжку, но их там не оказалось. Он снова пошарил в кармане, вынул потрёпанные ассигнации и протянул Минэко. Но девушка не взяла их.

— Прошу вас, оставьте у себя, — сказала она. Сансиро было заколебался, но спорить он не любил, тем более на улице, и, кладя деньги в карман, подумал: «Удивительная девушка!»

По улице шли студенты. Все они с любопытством смотрели на Сансиро и Минэко. Некоторые, пройдя мимо, даже оглядывались. Дорога до выставочного зала показалась Сансиро очень длинной. И всё же у него не было ни малейшего желания сесть на трамвай. Шли они медленно, и лишь около трёх часов подошли к выставочному залу. Афиша необычной формы, иероглифы «Тансэйкай», обрамлявшая их виньетка — всё поразило Сансиро своей новизной. Новизной в том смысле, что ничего подобного в Кумамото он не видел. Скорее, это выглядело причудливо. В самом зале всё было ещё непривычнее. Сансиро мало смыслил в живописи. Единственное, что он мог, это отличить масло от акварели.

И всё же одни картины ему нравились, он охотно купил бы какую-нибудь, другие — нет. Однако мнения своего не высказывал, чтобы не попасть впросак.

«Нравится вам эта картина?» — спрашивала Минэко. «Да как вам сказать...» — отвечал Сансиро. «Не правда ли, это интересно?» — говорила девушка. «Пожалуй», — отвечал Сансиро. В общем, разговор не клеился. То ли Сансиро недалёк и не умеет поддерживать беседу, то ли просто не желает её вести. Хорошо, если он молчит из скромности и не корчит из себя знатока. Но может быть, он просто не снисходит до разговора с Минэко?

Часть стены занимали картины брата и сестры, долгое время путешествовавших за границей. Перед одной из них Минэко остановилась.

— Не правда ли, это Венеция?

Пожалуй, и в самом деле Венеция. Это было понятно и Сансиро. Хорошо бы поплыть вот в такой гондоле. О гондоле Сансиро слышал ещё в бытность свою в колледже. Ему понравилось это слово, он даже запомнил, как оно пишется. В его представлении гондола была создана для любовных прогулок. Он молча разглядывал голубую воду, отражавшиеся в ней высокие дома и ещё какие-то красные пятна. Вдруг Минэко сказала:

— Мне больше нравятся картины брата.

— Брата?

— По-моему, эту картину написал брат, разве не так?

— Чей?

Минэко удивлённо взглянула на Сансиро.

— Ну как же, вон ту картину написала сестра, а эту — брат. Разве вы не видите?

Сансиро обернулся. Картин с видами зарубежных стран, мимо которых они только что прошли, было много.

— Разве их писал не один художник? — спросил Сансиро.

— А вы думали один?

— Да, — растерянно ответил Сансиро. Потом посмотрел на Минэко, Минэко — на него, и оба рассмеялись.

— Ну, знаете... — сказала Минэко, нарочно округлив глаза и понизив голос. Легко ступая, она пошла дальше, а Сансиро продолжал стоять, рассматривая виды Венеции. Увлечённый, он не заметил, что девушка остановилась и внимательно его разглядывает. Вдруг кто-то её окликнул:

— Сатоми-сан!

Минэко и Сансиро обернулись. Неподаляку от двери с табличкой «Канцелярия» стоял Харагути. За спиной у него во весь свой рост возвышался Нономия. Минэко мельком посмотрела на Харагути и перевела взгляд на Нономию. Потом подошла к Сансиро, чуть-чуть, чтобы никто не заметил, наклонилась к нему и что-то прошептала. Сансиро не расслышал и хотел переспросить, но Минэко отошла от него и уже здоровалась с Харагути и Нономией.

— Замечательную спутницу вы себе избрали для выставки, — сказал Нономия Сансиро.

— А мы хорошая пара, правда? — опережая Сансиро, ответила Минэко. Нономия ничего не сказал и стал смотреть на портрет величиной с татами. Портрет был сплошь написан тёмными красками, без единого просвета, так что одежда и головной убор сливались с фоном. Только лицо белело, худое, измождённое, с впалыми щеками.

— Копия? — спросил Нономия у Харагути, который оживлённо рассказывал Минэко:

— Выставка скоро закрывается. Посетителей становится всё меньше. Первое время я каждый день заходил в канцелярию, а теперь лишь изредка заглядываю. Как раз нынче пришёл по делу и затащил сюда Нономию-сан. Кстати, и вас встретил, просто повезло! Сразу же после закрытия надо будет приступить к подготовке выставки будущего года, так что дел по горло. Выставку откроем несколько раньше обычного — до того, как начнёт цвести сакура. Так удобнее для членов общества. Словом, выставка будет следовать за выставкой. Работы уйма. Я ещё намерен во что бы то ни стало написать ваш портрет. Готов рисовать вас даже тридцать первого декабря, разумеется, если вы позволите. И выставлю ваш портрет здесь.

Лишь после этой тирады Харагути повернулся к картине, о которой его спросил Нономия, всё время рассеянно её созерцавший.

— Что скажете о Веласкесе? Правда, это копия. К тому же не очень удачная, — объяснил Харагути. Для Нономии этого было вполне достаточно, и он ни о чём больше не спрашивал.

— А кто делал копию? — спросила Минэко.

— Мицуи. Обычно у него хорошо получается. Но эта его работа восторга не вызывает. — Харагути встал поодаль от картины и добавил: — Копировать гениального художника не так-то просто.

Сансиро с любопытством смотрел на Харагути, который, склонив голову набок, разглядывал картину.

— Всё посмотрели? — спросил художник у Минэко. Он всё время обращался к ней одной.

— Нет ещё.

— А что, если отправиться сейчас в Сэйёкэн? Угощу вас чаем. Мне всё равно надо туда по делу... Хочу посоветоваться с менеджером насчёт выставки. Мы с ним приятели... Сейчас самое время выпить чаю. Потом будет ни то ни сё — для чая поздно, для обеда — рано. Ну как? Пойдёмте?

Минэко взглянула на Сансиро. Вид у него был совершенно безразличный. Нономия тоже стоял, не вмешиваясь в разговор.

— Раз уж пришли, надо всё посмотреть. Верно, Огава-сан? — спросила Минэко.

— Верно, — ответил Сансиро.

— Тогда сделаем так. Посмотрите последние работы Фуками-сан, они в том зале, в глубине. А потом приходите в Сэйёкэн. Я буду ждать вас там.

— Спасибо.

— Только помните: у Фуками-сан акварели особые. В них важен не столько сам рисунок, сколько настроение. Их надо смотреть именно с этой точки зрения, можно обнаружить весьма интересные вещи.

Минэко поблагодарила Харагути и, когда они вместе с Нономией ушли, проводила их

взглядом.

В зале со скудным освещением, куда пришли Минэко и Сансиро, одну из стен занимали последние работы художника Фуками. Почти одни акварели, как и говорил Харагути. Особенно понравились Сансиро тона акварелей, сдержанные, но богатые контрастами, довольно однообразные, настолько бледные, что хотелось выставить их на солнце, чтобы немного оживить. Зато чувствовалось, что кисть художника ни на секунду не отрывалась от холста, словно написанного одним дыханием, что художник чужд условностей в живописи. Люди у него были как бы вытянуты в длину, с маленькой головой и очень напоминали молотильный цеп. Была и в этом зале картина с изображением Венеции.

— Опять Венеция, — сказала Минэко.

— Да, — отозвался Сансиро и тут же спросил: — Что вы мне давеча сказали?

— Когда?

— Когда я разглядывал Венецию в том зале. Я не расслышал.

Девушка ничего не ответила, лишь улыбнулась, сверкнув ослепительно белыми зубами.

— Если ничего важного, можете не говорить.

— Нет, ничего важного.

Сансиро как-то странно смотрел на Минэко. Был уже пятый час, и в зале стало сумрачно, тем более что погода стояла пасмурная. Посетители почти все разошлись, и Минэко с Сансиро были одни в зале. Девушка подошла к Сансиро.

— Видите ли... Нономия-сан...

— Что Нономия-сан?

— Надеюсь, вы понимаете.

Сансиро словно захлестнуло волной, грудь стеснило, и он спросил:

— Вы посмеялись над Нономией-сан?

— Посмеялась? — с самым невинным видом произнесла Минэко. Сансиро сразу сник, потеряв всякую охоту продолжать разговор, и медленно пошёл вперёд. Минэко последовала за ним.

— Я и над вами не собиралась смеяться, — сказала она. Сансиро остановился и смерил девушку взглядом:

— Ладно.

— Что же я сделала плохого?

— Я и говорю, что всё хорошо.

Девушка отвернулась. В дверях они коснулись друг друга плечом, и Сансиро почему-то вспомнил женщину, с которой ехал в поезде. Это мимолётное прикосновение отозвалось в нём сладкой болью.

— Всё хорошо? Вы правду говорите? — тихо спросила Минэко. Навстречу им шли несколько посетителей.

— Как бы то ни было, давайте уйдём отсюда, — сказал Сансиро. На улице шёл дождь.

— Вы сейчас в Сэйёкэн?

Минэко молчала, стоя под дождём посреди широкой, поросшей травой площадки перед музеем. Оглядевшись, Минэко указала рукой на рожицу напротив.

— Пойдёмте туда, переждём дождь.

Похоже было, что дождь и в самом деле скоро прекратится. Они укрылись под большой криптомерией. Дерево слабо защищало от дождя. Но, промокшие и озябшие, они продолжали стоять.

— Огава-сан... — проговорила девушка. Сансиро, созерцавший всё время небо, сдвинув брови, повернулся к Минэко. — Вы обиделись?

— Оставим этот разговор.

— Однако... — Минэко приблизилась к нему. — Мне захотелось так поступить, сама не знаю почему, но я не собиралась оскорблять Нономию-сан.

Девушка как-то по-особенному смотрела на Сансиро, и глаза её, казалось, говорили: «Разве не для вас я это сделала?»

— Прошу вас, оставим это, — повторил Сансиро.

Дождь усилился. Сухим оставался лишь совсем крохотный кусочек пространства. И Сансиро с Минэко стояли так близко, что почти касались друг друга.

— Пожалуйста, расходуйте те деньги, — услышал Сансиро сквозь шум дождя.

— Возьму в долг. Столько, сколько нужно.

— Всё расходуйте, пожалуйста!

9

Сансиро в конце концов сдался на уговоры Ёдзиро и, облачившись в чёрное шёлковое хаори⁵¹, отправился на обед в Сэйёкэн. Это хаори, писала мать, сшила О-Мицу-сан, а ткань соткала её мать, выкрасила в чёрный цвет и украсила белыми гербами. Сансиро тут же его примерил, но оно ему не понравилось, и он сунул его в шкаф. Ёдзиро сказал, что это грешно, и пригрозил отобрать хаори и носить, если Сансиро будет упорствовать. Сансиро и тут уступил. Надел, и оказалось совсем неплохо.

И вот Сансиро в своём чёрном шёлковом хаори вместе с Ёдзиро стоял в вестибюле Сэйёкэна. Ёдзиро объяснил, что именно так надо встречать людей уважаемых. Сансиро этого не знал, к тому же самого себя тоже считал человеком уважаемым. Но уж если ему действительно положено встречать гостей, то, во всяком случае, не в этом хаори из грубого домотканого шёлка. Лучше бы он надел форму. Приглашённые между тем постепенно собирались. Каждого, кто входил, Ёдзиро останавливал и перебрасывался с ним несколькими словами, будто со старым знакомым. Сдав служителю шляпы и пальто, гости направлялись в слабоосвещенный коридор несколько в стороне от широкой лестницы, и тогда Ёдзиро подробно объяснял Сансиро, кто такой и что собой представляет тот или иной приглашённый. Так что теперь Сансиро знал в лицо многих именитых людей.

Гости почти все собрались. Среди тридцати приглашённых были Хирота и Нономия. Нономия, хотя и занимался естественными науками, очень любил живопись и литературу, поэтому, по словам Ёдзиро, Харагути и притащил его сюда. Харагути, разумеется, пришёл первым, хлопотал, распоряжался, расточал улыбки, теребил свою французскую бородку, словом, занят был до чрезвычайности.

Когда рассаживались, каждый выбрал себе место по желанию, без лишних споров и церемоний. Даже Хирота, уж на что медлительный, и то сел одним из первых. Ёдзиро и Сансиро заняли места у входа.

Между Нономией и Хиротой сидел критик в полосатом хаори. Напротив них — доктор наук по имени Сёдзи. Тот самый профессор, о котором Ёдзиро говорил, что он наиболее влиятельное лицо на филологическом факультете. Держался он весьма солидно, носил сюртук, отрастил длинные волосы, которые в сиянии электрических ламп сверкали тёмными волнами. Его голова являла полный контраст коротко остриженной голове Хироты. Харагути сидел довольно далеко от них, в углу, напротив Сансиро. Под отложным воротником у него был повязан чёрный шёлковый бант, широкими концами прикрывавший грудь. Ёдзиро сказал, что во Франции все художники носят такие банты. А Сансиро ел бульон и думал, что точно таким же бантом завязывают пояс кимоно. Разговор за столом становился всё оживлённее. Однако Ёдзиро не болтал, как обычно, он пил пиво и больше молчал, видимо, стеснялся, что было ему совершенно несвойственно.

— Не произнести ли тебе *de te fabula*? — тихонько сказал Сансиро.

— Здесь не место, — ответил Ёдзиро, отвернулся от Сансиро и заговорил с соседом.

— С удовольствием прочёл вашу статью, — сказал Ёдзиро, — и извлёк для себя

⁵¹ *Хаори* — длинный жакет (кофта, накидка) японского покроя, принадлежность выходного или парадного мужского и женского костюма.

немалую пользу.

Это выражение признательности в устах Ёдзиро поразило Сансиро. Не Ёдзиро ли нещадно поносил эту же статью в разговоре с ним? Тут Ёдзиро снова повернулся к Сансиро.

— Твоё хаори просто великолепно! И весьма к лицу тебе. — Он с особым вниманием разглядывал белые фамильные гербы. В это время Харагути, обладавший громким от природы голосом, заговорил с Нономией, сидевшим от него довольно далеко. Хирота с доктором наук прервали разговор. Остальные тоже замолчали. Всё внимание теперь было сосредоточено на Харагути и Нономии.

— Вы уже закончили свои опыты с давлением светового луча? — спросил Харагути.

— До конца ещё очень далеко, — ответил Нономия.

—хлопотная это, видно, штука. Требуется ещё больше упорства и терпения, чем наша профессия.

— Картину можно написать сразу, по вдохновению, а для физических опытов одного вдохновения мало.

— Для живописи тоже. Этим летом мне довелось услышать разговор двух старушек. Они обсуждали вопрос о том, кончился ли уже сезон дождей. Одна из них недовольно проворчала: «Вот в старину, бывало, прогремит гром, считай, что сезон дождей кончился, а сейчас всё переменялось». — «Что вы, что вы, — отвечает ей другая, — гром ещё ничего не значит». Так вот я и говорю, что одним вдохновением картину сейчас не напишешь. Не знаю, как обстоит дело с романами. Может быть, вы, Тамура-сан, нам скажете?

Писатель Тамура, сидевший рядом с Харагути, ответил, что единственным источником вдохновения для него является требование издателей поскорее сдать рукопись. Все весело рассмеялись. Затем Тамура очень серьёзно спросил Нономию, есть ли у светового луча давление и как это можно проверить.

— Из слюды или другого подобного ей материала изготавливают тонкие круглые пластинки величиной примерно с фишку в известной настольной игре, пластинки подвешивают на кристаллическую нить, помещают в вакуум, затем на их поверхность под прямым углом направляют свет дуговой лампы. Под давлением света пластинки приходят в движение.

Все с интересом слушали Нономию. Сансиро вспомнил, как сразу же по приезде в Токио пришёл в лабораторию к Нономии и увидел подозрную трубу. «Вот, значит, какое сложное устройство было в той коробке из-под маринованных овощей!»

— Послушай, а разве бывает кристаллическая нить? — вполголоса спросил он у Ёдзиро. Ёдзиро мотнул головой. Тогда Сансиро обратился с тем же вопросом к Нономии.

— Бывает, — ответил Нономия. — Если кристаллический порошок расплавить пламенем газовой горелки и расплавленную массу растянуть, то образуется тонкая нить.

— Вот как? — сказал Сансиро и умолк. Тут в разговор вмешался сидевший рядом с Нономией критик в полосатом хаори:

— Мы, разумеется, полнейшие невежды в этой области, но расскажите, как вы это обнаружили?

— Подобные гипотезы существовали ещё во времена Максвелла⁵², но первым это экспериментально доказал Лебедев⁵³. Сейчас даже существует мнение, будто под давлением света хвост кометы, о которой вы всё слышали, вместо того чтобы оказаться в сфере притяжения Солнца, неизменно отклоняется в противоположную сторону.

Критик был восхищён.

— Сама по себе гипотеза интересна, а главное, каковы масштабы!

— Дело не только в масштабах. Отрадно, что эта гипотеза никому не приносит

⁵² *Джеймс Максвелл* (1831–1879) — английский физик.

⁵³ *П. Н. Лебедев* (1866–1912) — русский физик.

вреда, — заметил Хирота.

— И если она не подтвердится — никто не пострадает, — засмеялся Харагути.

— Пожалуй, подтвердится, — очень серьёзно сказал Нономия. — Давление света пропорционально квадрату радиуса, а притяжение — радиусу в кубе. Поэтому, чем меньше предмет, тем слабее сила притяжения и тем сильнее давление светового луча. Допустим, что хвост кометы состоит из мельчайших частиц, тогда он неизбежно должен быть отброшен в противоположную Солнцу сторону.

— Вреда, разумеется, это не принесёт, — не меняя тона, сказал Харагути, — только расчёты замучают. Так что есть тут свои плюсы и минусы.

На этом разговор прекратился, все с наслаждением принялись за пиво.

— Физиков, пожалуй, не причислишь к натуралистической школе, — вдруг произнёс Хирота. При словах «физики» и «натуралистическая школа» все насторожились.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Нономия.

— Судите сами, — стал объяснять Хирота. — Чтобы исследовать давление светового луча, недостаточно просто наблюдать природу. Это явление не лежит на поверхности. Поэтому необходимо специальное устройство, скажем, нить из кристаллов, или вакуум, или же слюдяная пластинка, чтобы это давление стало видимым. Верно? Вот почему я и говорю, что физиков к натуралистам не причислишь.

— И к романтикам тоже, — вставил Харагути.

— Именно к романтикам, — безапелляционно заявил Хирота. — Создать между предметом и направленным на него световым лучом такое соотношение, которого не сыщешь в природе, разве это не романтика?

— Но коль скоро уже существует такое соотношение и остаётся только наблюдать присущие световому лучу свойства, то всё последующее — не что иное, как натурализм, не правда ли? — сказал Нономия.

— Я бы назвал физиков романтическими натуралистами, — заявил доктор филологических наук, сидевший наискосок, от Нономии, — Есть в них что-то ибсеновское, верно?

— Да, в ибсеновских пьесах упоминаются примерно такие же устройства, как в лаборатории Нономии-кун, только весьма сомнительно, чтобы работающие возле них люди, подобно световым лучам, следовали законам природы, — вмешался в разговор критик в полосатом хаори.

Профессор Хирота поставил проблему несколько шире.

— Возможно, всё это так, — сказал он, — но вот что, мне кажется, следует помнить, когда речь идёт о человеке. В определённых условиях человек может и вправе действовать вразрез с установленными правилами. Но, как ни удивительно, человек, подобно световому лучу, следует механическим законам, отчего и возникают подчас самые нелепые заблуждения. Хочешь кого-нибудь рассердить, а он смеётся, хочешь рассмешить, а он сердится. Словом, всё наоборот. И всё же человек — это человек!

— Выходит, какой бы поступок ни совершил тот или иной человек в тех или иных условиях, всё объясняется природой? — спросил писатель.

— Да, да, — откликнулся Хирота. — Каким бы мы ни изобразили человека, хоть один похожий на него непременно найдётся. В самом деле, совершенно невозможно представить себе человека, совершившего нечеловеческий поступок. Просто зачастую не хватает мастерства изобразить истинного человека.

Писатель промолчал.

— Некоторые физики, собственно, тоже натуралисты, — снова заговорил доктор наук. — Галилей, например, обнаружил, что время качания висячей лампы в храме всегда одинаково, независимо от его амплитуды; Ньютон открыл, что яблоко падает благодаря силе притяжения.

— Таких натуралистов и в литературе предостаточно, — сказал Нономия обратился к Харагути. — Скажите, Харагути-сан, а в живописи тоже есть натуралистическое

направление?

— Разумеется, есть. Существует некий Курбе⁵⁴. Страшная личность. Verite vraie⁵⁵. Ничего не признаёт, кроме фактов. Хорошо, что он не очень популярен, просто считается представителем одного из направлений. Вероятно, и в литературе есть свои Моро⁵⁶ и Шаванны⁵⁷, не так ли? — спросил он у писателя, сидящего рядом.

— Вероятно, — ответил писатель.

Речей в конце обеда никто не произносил, если не считать Харагути, который в пух и прах разругал статую на Кудане⁵⁸. Он сказал, что от таких памятников один вред, куда приятнее смотреть на статую красивой гейши. От Ёдзиро Сансиро узнал, что Харагути терпеть не может ваятеля статуи на Кудане.

Уже возшла луна, когда Сансиро и Ёдзиро вышли на улицу. Ночь выдалась ясная и прохладная.

— Хотелось бы знать, — сказал Ёдзиро, — понравился ли Хирота-сэнсэй доктору Сёдзи.

— Думаю, что понравился, — ответил Сансиро.

Ёдзиро остановился около водоразборной колонки и стал рассказывать, как нынешним летом обливался здесь водой, когда, изнывая от жары, вышел ночью прогуляться и, удивив от полицейского, взбежал на холм. Они постояли на Сурибатияме, полюбовались луной.

На обратном пути Ёдзиро вдруг стал извиняться, что до сих пор не вернул Сансиро денег. Но Сансиро уже почти забыл об этом и извинений Ёдзиро не принял всерьёз, тем более что не рассчитывал получить от него эти деньги. Ёдзиро, кстати, и не обещал их вернуть, а лишь пространно объяснил обстоятельства, мешающие ему сделать это. Сансиро не столько слушал, что говорит Ёдзиро, сколько следил за тем, как он говорит... Ёдзиро рассказывал об одном своём знакомом, который решил покончить с собой из-за несчастной любви, но не знал, как это сделать. Топиться в море, броситься в кратер вулкана, повеситься — все эти способы казались ему неподходящими. Тогда он купил пистолет, но, как только собрался пустить себе пулю в лоб, к нему зашёл приятель просить займы. Денег не было, но приятель так умолял его выручить, что вместо денег пришлось отдать пистолет. Приятель заложил его в ломбард, а когда выкупил и отнёс по назначению, знакомый Ёдзиро уже раздумал стреляться и таким образом был спасён.

— Видишь, какие вещи случаются на свете, — заключил Ёдзиро. Сансиро смеялся. Рассказ друга показался ему забавным, хотя теперь он уже наверняка знал, что долг Ёдзиро ему не вернёт. Когда же Ёдзиро строго заметил: «Нечего смеяться», — Сансиро стало ещё смешнее.

— Чем хохотать, лучше бы вспомнил, что благодаря мне ты смог занять деньги у Минэко-сан!

— Что же из этого следует? — уже серьёзно спросил Сансиро.

— Что следует?! Послушай, ты ведь любишь эту девушку!

Всё этот Ёдзиро знает. Сансиро хмыкнул и снова устремил взор на далёкую луну, мимо которой проплыло белое облако.

⁵⁴ Курбе Гюстав (1819–1877) — французский художник-реалист, участник Парижской коммуны.

⁵⁵ Сама истина (франц.) .

⁵⁶ Моро Гюстав (1820–1898) — французский художник.

⁵⁷ Шаванн Пьер (1824–1898) — французский художник.

⁵⁸ Речь идёт о бронзовом памятнике видному деятелю буржуазной революции Мэйдзи Омура Масудзиро, сооружённом на территории храма Ясукуни.

— Ты вернул долг?

— Пока нет!

— И не надо.

Сансиро ничего не ответил, а про себя подумал: «Какую-то чепуху мелет». У него и в мыслях не было не возвращать долга. Двадцать иен он уплатил за квартиру, а оставшиеся десять собирался на другой же день отнести Минэко. Но потом передумал, решив, что это может обидеть девушку, которая дала ему деньги с самыми добрыми намерениями. А потом, в минуту слабости, разменял эти десять иен. Из них, говоря по совести, он и уплатил за участие в нынешнем обеде. В результате осталось каких-то две-три иены, на которые Сансиро собирался купить тёплую рубашку.

Потеряв надежду получить с Ёдзиро долг, Сансиро написал домой письмо с просьбой выслать ему дополнительно тридцать иен. Денег на учёбу ему хватало, и он не знал, на что ещё попросить, а поскольку лгать не умел, пришлось сказать правду, что дал займы другу, потерявшему деньги.

«Пожалуйста, пришлите», — написал Сансиро, но ответа пока не было. «Может, сегодня вечером придёт». И Сансиро поспешил домой. Так и есть — на столе лежал конверт, надписанный матерью. К удивлению Сансиро, на нём была всего одна трехсэновая марка, хотя обычно письма от матери приходили заказные. К тому же письмо оказалось предельно коротким. Несвойственным матери сухим тоном была изложена лишь суть дела: «Деньги отправила Нономии-сан, у него и возьмишь». И всё. Больше ни слова. Сансиро постелил и лёг.

К Нономии Сансиро не пошёл ни на другой, ни на третий день. От Нономии тоже никаких вестей не было. Чуть ли не через неделю он прислал служанку своей квартирной хозяйки с запиской: «Получил от вашей матушки то, что вы просили, зайдите». В перерыве между лекциями Сансиро спустился в уже знакомый ему подвал естественного факультета. Он собирался перебраться с Нономией несколькими словами и заодно взять у него деньги, но это оказалось не так просто. В комнате, которой летом единолично владел Нономия, теперь сидели несколько студентов и ещё два-три человека солидного вида с усиками. Все они самозабвенно занимались своими исследованиями, отрешившись от солнечного мира где-то там, в вышине. Сосредоточеннее всех казался Нономия. Заметив Сансиро, заглянувшего в комнату, он подошёл к нему и сказал:

— Вам из дому пришли деньги, но сегодня я их с собой не взял, так что придётся вам зайти за ними ко мне домой. Заодно и поговорим.

Сансиро кивнул и попросил разрешения зайти нынче же вечером. Подумав, Нономия согласился, и на этом они распрощались. Какие упорные и настойчивые люди, эти естественники, с восхищением думал Сансиро, выходя из подвала на свет. Он успел заметить, что коробка из-под маринованных овощей и подозрная труба стояли на том же месте и в том же положении, что и летом.

Когда на лекции Сансиро обо всём рассказал Ёдзиро, тот посмотрел на него, словно на чудака, и сказал:

— Говорил я тебе, держи у себя эти деньги, не отдавай, так нет — не послушался, только зря потревожил старуху. Попадёт тебе от Сохати-сан. Ничего глупее и не придумаешь.

Ёдзиро говорил с таким видом, словно не он занимал у Сансиро деньги. Да и Сансиро как-то забыл об этом и без тени упрёка ответил:

— Я хочу вернуть деньги, вот и написал домой.

— Мало ли что ты хочешь, зато она не хочет.

— Не хочет?

Это «не хочет» даже для самого Сансиро прозвучало несколько фальшиво, однако Ёдзиро как ни в чём не бывало сказал:

— Оно и понятно. Будь у меня столько денег, сколько у Минэко, я бы тоже не стал их у тебя брать. Почему не быть добрым, если тебя это ни капельки не ущемляет?

Сансиро ничего не ответил и стал записывать лекцию. Но тут Ёдзиро снова зашептал ему на ухо:

— Сколько раз я давал займы, когда у меня водились деньги, никто и не думал возвращать. И мне это было приятно. Видишь, я всегда весел!

Даже не сказав «неужели», Сансиро лишь слегка улыбнулся и снова забежал пером по бумаге. Ёдзиро тоже уgomонился и до конца занятий не проронил ни слова. Когда после звонка они выходили из аудитории, Ёдзиро вдруг спросил:

— Она влюблена в тебя?

Сансиро промолчал, поскольку следом за ними шли студенты, и обернулся к Ёдзиро, лишь спустившись по лестнице к боковому входу и выйдя на площадку перед библиотекой.

— Точно не знаю, — ответил Сансиро.

С минуту Ёдзиро на него смотрел, потом сказал:

— Допустим. А мог бы ты стать её мужем, если бы знал точно?

Сансиро над этим никогда не задумывался, но подумал, что мог бы. Главное, чтобы Минэко его полюбила. Своим вопросом Ёдзиро поставил друга в тупик. Сансиро опустил голову.

— А вот Нономия-сан может, — сказал Ёдзиро.

— Между ними были какие-нибудь отношения? — очень серьёзно спросил Сансиро.

— Не знаю, — коротко ответил Ёдзиро. Сансиро ничего больше не сказал.

— Ну ладно, иди к Нономии-сан, пусть отчитает тебя, — бросил Ёдзиро и пошёл к пруду. А Сансиро так и остался стоять с дурацким видом, словно тумба с аляповатыми афишами. Между тем Ёдзиро вернулся.

— Послушай-ка, а может, ты женишься на Ёсико-сан? — смеясь, сказал он и снова пошёл к пруду, увлекая за собой Сансиро. — Так, пожалуй, было бы лучше. Пожалуй, лучше.

В это время прозвенел звонок.

Вечером Сансиро отправился к Нономии. До условленного часа у него ещё оставалось время, и он по пути зашёл в большой европейский магазин. Прикащик разложил перед Сансиро самые разнообразные рубашки. Сансиро их разглядывал, поглаживал и никак не мог выбрать. Он стоял с небрежно-снисходительным видом, когда вдруг увидел Минэко и Ёсико; они зашли купить духи.

— О, кого я вижу! — воскликнула Минэко. — Благодарю вас за любезность.

Сансиро сразу понял, в чём дело. Речь шла о письме, которое он послал Минэко, вместо того чтобы зайти к ней и вернуть оставшиеся после платы за квартиру деньги. Исполненный горячей благодарности, Сансиро излил свои чувства в письме, нагромоздив все вежливые слова, какие только знал, и письмо получилось чересчур пространное. Однако послание, которое Сансиро с такой надеждой опускал в почтовый ящик, осталось без ответа. Напрасно он старался. С тех пор ему так и не представилось случая увидеться с Минэко. И сейчас, растерявшись, он даже не нашёл, что ответить на вскользь брошенные девушкой слова: «Благодарю вас за любезность». Юноша разглядывал рубашку, которую держал перед собой, и думал, что Минэко холодна с ним, вероятно, потому, что с ней Ёсико. Потом он вспомнил, что собирается купить рубашку на деньги Минэко, но тут прикащик поторопил его вежливым: «Которую изволили выбрать?»

Девушки со смехом подошли поближе и вместе с Сансиро стали рассматривать рубашку. Наконец Ёсико сказала: «Эту и берите». Сансиро последовал её совету. В свою очередь, Сансиро пришлось вместе с девушками выбирать духи, в которых он ровно ничего не смыслил. Вертя в руках флакон с надписью «Гелиотроп», он робко спросил: «Нравятся вам?» «Возьму, пожалуй», — ответила Минэко. Сансиро даже почувствовал лёгкое разочарование, так быстро всё решилось.

Когда, выйдя из магазина, Сансиро хотел проститься с девушками, они стали прощаться друг с другом. «Так я пойду!» — кланяясь, сказала Ёсико. «Поскорее возвращайся», — тоже кланяясь, ответила Минэко. Оказалось, что Ёсико собралась к брату.

Солнце садилось. В этот ранний вечер Сансиро снова представился случай отправиться в Оивакэ с красивой девушкой.

Сансиро не столько смущало, что он пойдёт вдвоём с Ёсико, сколько перспектива оказаться с нею у Нономии. Может быть, пойти к Нономии завтра? Нет, лучше сегодня. Если Нономия, по просьбе матери, и впрямь собирается читать ему нотацию, вряд ли он станет это делать при Ёсико. Не исключено, что Нономия отдаст ему деньги и на этом всё кончится. Словом, Сансиро решил схитрить.

— Я как раз тоже иду к Нономии-сан.

— Неужели? В гости?

— Да нет, у меня к нему небольшое дело. А вы в гости?

— Нет, тоже по делу.

Ни Сансиро, ни девушку такое совпадение не смутило. Вежливости ради Сансиро спросил, не мешает ли он, однако девушка не только словами, но всем своим видом выразила удивление: дескать, как можно такое спрашивать. Глаза её как будто стали ещё темнее и больше от удивления.

— Купили скрипку?

— А вы в курсе дела?

Сансиро не нашёлся что ответить. Но девушка с невозмутимым видом сказала:

— До сих пор не купил, только обещает: «Куплю, куплю».

Сансиро в душе осудил не столько Нономию с Хиротой, сколько Ёдзиро.

С улицы Оивакэ Сансиро и Ёсико свернули в плотно застроенный узенький проулок, освещаемый лишь висевшими у домов фонарями. У дома Нономии молодые люди остановились. На расстоянии примерно квартала отсюда снимал комнату Сансиро. Он уже не раз успел побывать на новой квартире у Нономии, состоящей из двух комнат и отделённой от главного дома широким коридором. Чтобы попасть к Нономии, нужно было дойти до конца коридора, подняться на две ступеньки, там, по левую руку, и находилась его квартира. Веранда с южной стороны выходила в чей-то большой сад, и здесь всегда было тихо. Впервые очутившись в этой уютной квартире, Сансиро с восхищением подумал, что не так уж плохо было отказаться от аренды целого дома, как это сделал Нономия, и снять эту квартиру. В прошлый раз Нономия вышел в коридор и указал на крышу своего жилища: «Видите? Крыта соломой». Соломенная крыша, в отличие от черепичной, была редкостью в Токио.

Сансиро и Ёсико пришли, когда стемнело, и крыши видно не было. Но, заметив в окнах электрический свет, Сансиро вспомнил о соломенной крыше, и такое сочетание показалось ему забавным.

— Какие гости ко мне пришли! Просто интересно, — сказал Нономия. — Вы встретились у входа?

Ёсико объяснила, как было дело, и посоветовала брату купить такую же, как у Сансиро, рубашку. Потом сообщила, что недавно пробовала японскую скрипку и что у неё очень плохой звук. Раз уж он до сих пор не купил, пусть теперь купит другую, получше, хотя бы такую, как у Минэко-сан. Она долго приставала к брату со своими капризами, он терпеливо слушал, не выказывая ни умиления, ни досады, лишь время от времени произнося неопределённое: «Угу... угу...»

Сансиро тоже молчал. Одна Ёсико болтала без всякого стеснения, и всё же она не казалась ни глупой, ни капризной. Сансиро слушал девушку, и на душе у него было радостно, как если бы он вышел в широкое, залитое солнцем, поле. Он даже забыл об ожидавшей его нотации. Из этого состояния его вывели неожиданно произнесённые слова Ёсико:

— О, совсем забыла! Минэко-сан просила тебе кое-что передать.

— В самом деле?

— Разве ты не рад? Нономия-сан поморщился.

— Глупая у меня сестра, — сказал Нономия, повернувшись к растерянно

улыбавшемуся Сансиро.

— Совсем я не глупая. Да, Огава-сан?

Сансиро продолжал натянуто улыбаться.

— Минэко-сан просит тебя повести её в концерт, устраиваемый «Литературной ассоциацией».

— Ей бы лучше пойти с Сатоми-сан.

— Он сказал, что будет занят.

— Ты тоже пойдёшь?

— Конечно.

Так и не ответив ничего определённого, Нономия пожаловался Сансиро на сестру, которая мелет вздор, вместо того чтобы поговорить о серьёзном деле, ради которого он, собственно, и пригласил её сегодня. На вопрос Сансиро, что это за дело, Нономия ответил не как учёный, а по-житейски просто и откровенно, что Ёсико сделали предложение, что родители не возражают и теперь осталось лишь выяснить мнение самой Ёсико. «Что ж, прекрасно», — это было единственное, что мог ответить Сансиро. Он решил покончить со своим делом как можно скорее и уйти.

— Я слышал, — начал Сансиро, — что мать беспокоила вас просьбой...

— Ну что за беспокойство, — возразил Нономия, достал из ящика стола конверт и отдал Сансиро.

— Ваша матушка прислала длинное письмо, она тревожится, пишет, что обстоятельства вынудили вас, несмотря на скромную стипендию, одолжить деньги товарищу. Не важно, кто он, этот товарищ, но он не должен был так легкомысленно поступать, а уж если занял, надо было вовремя вернуть... Деревенские — народ простодушный, бесхитростный, поэтому думать так для них вполне естественно, — сказал Нономия. — Матушка не одобряет вашу щедрость, пишет, что каждый месяц вам присылают из дому деньги на учёбу, а вы по легкомыслию вдруг дали займы двадцать иен... В письме я ощутил лёгкий укор и в мой адрес. Не знаю, как поступить. — Нономия усмехнулся.

— Мне очень жаль, — серьёзно ответил Сансиро.

Видимо, Нономия не собирался поучать юношу и сказал уже несколько другим тоном:

— Стоит ли волноваться? Всё это совершенные пустяки. Просто, ваша матушка подходит к деньгам с деревенской меркой, и тридцать иен, которые вы попросили, для неё огромная сумма. На тридцать иен, пишет она, может прожить полгода семья из четырёх человек. Неужели это правда? — спросил Нономия. Ёсико расхохоталась. Сансиро понимал, что вся эта история нелепа до смешного, хотя мать написала чистую правду. Он поступил и в самом деле опрометчиво и теперь испытывал лёгкое раскаяние. — Это выходит пять иен в месяц, — прикинул Нономия, — значит, на одного человека иена с четвертью. Если разделить на тридцать, получится около четырёх сэн в день — пожалуй, маловато даже для деревни.

— Что же они едят на такие мизерные деньги? — серьёзно спросила Ёсико. Пришлось Сансиро отвлечься от собственных переживаний и подробно рассказать о деревенской жизни и её обычаях. В семье Сансиро было принято раз в год дарить деревне десять иен. От каждого из шестидесяти дворов выделяли по одному человеку, все они собирались в деревенском храме и с утра до вечера пили сака и ели.

— И всё на десять иен? — удивилась Ёсико. Угроза нотации, судя по всему, миновала. Ещё немного поболтали, и Нономия вернулся к прежней теме.

— Знаете, ваша матушка просит выяснить обстоятельства и лишь в том случае, если я не найду в этом деле ничего неподобающего, передать вам деньги. Она просит обо всем подробно ей сообщить и приносит извинения за доставленные хлопоты. Как видите, я в затруднительном положении: деньги отдал, а обстоятельств не выяснил... Значит, это правда, что вы одолжили деньги Сасаки?

Сансиро понял, что Нономия всё узнал от Ёсико, а та, в свою очередь, от Минэко. Странно только, что ни брат, ни сестра не заметили, как эти деньги совершили круг. И он,

как ни в чём не бывало, ответил:

— Да, правда.

— Сасаки сказал, что поиздержался, купив билеты на скачки?

— Да.

Ёсико снова расхохоталась.

— Так и напишу вашей матушке. Только впредь таких денег лучше в долг не давайте.

Сансиро сказал, что не будет, и стал прощаться. Ёсико тоже собралась уходить.

— Куда же ты? Ведь нам ещё надо поговорить, — остановил её брат.

— Не обязательно!

— Обязательно!

— Вовсе нет! Я всё равно ничего не знаю.

Нономия молча смотрел на сестру. А она продолжала:

— Право же, что толку спрашивать, выйду я или не выйду за человека, о котором представления не имею? Как я могу сказать, по душе он мне или нет?

Только сейчас Сансиро понял смысл этого «всё равно ничего не знаю» и поспешил уйти, оставив Нономию с сестрой. Через тихий малоосвещенный проулок Сансиро вышел на улицу, повернул на север, и в лицо ему пахнуло ветром, налетавшим порывами с той стороны, где был его дом. «Сквозь этот ветер, — вдруг подумал Сансиро, — Нономия-сан проводит свою сестру к Минэко».

Сансиро поднялся к себе на второй этаж, сел и стал слушать, как шумит ветер. Его шум почему-то всякий раз напоминал Сансиро о судьбе, и когда от ветра громко хлопали ставни, ему хотелось сжаться в комок. Он не считал себя сильной натурой и сейчас подумал о том, что его жизнью со времени приезда в Токио, в общем-то, распоряжается Ёдзиро и при этом нередко над ним подшучивает, хотя и по-дружески. Вполне вероятно, что и в дальнейшем ничего не изменится и этот милый озорник Ёдзиро будет влиять на его судьбу. Но, пожалуй, ещё сильнее влияние ветра, который шумит и шумит, не переставая.

Сансиро положил присланные матерью деньги под подушку и лёг спать. Эти тридцать иен тоже шутка судьбы. Ещё неизвестно, какую они сыграют роль в дальнейшем. Он должен вернуть эти деньги Минэко, они встретятся, и тогда непременно налетит порыв ветра-судьбы. «Пусть он будет как можно сильнее, этот порыв!»

С этой мыслью Сансиро уснул крепким здоровым сном. Ничто не могло ему помешать. Разбудили Сансиро звуки пожарного колокола. Он услышал громкие голоса. Это был уже второй пожар со времени его приезда в Токио. Сансиро накиннул поверх пижамы хаори и открыл окно. Ветер утих. Двухэтажный дом напротив чернел на фоне багрово-красного неба.

Поёживаясь от холода, Сансиро вглядывался в это красное небо и вдруг отчётливо представил себе собственную судьбу тоже окрашенной в красный цвет и множество мечущихся в этой судьбе людей. Потом он залез под тёплое одеяло и сразу обо всём забыл.

Утром он проснулся как обычно, надел форму, взял тетради и пошёл в университет, не забыв положить в карман тридцать иен. Расписание, к несчастью, было неудачным. До трёх часов шли занятия. А после трёх наверняка вернётся из школы Ёсико. Да и Кёскэ, брат Минэко, может оказаться дома. Как-то неловко при них отдавать деньги.

— Ну что, — спросил Ёдзиро, — получил вчера головомойку?

— Да нет, обошлось.

— Так я и думал. Нономия-сан — человек с понятием, — изрёк Ёдзиро, куда-то исчез и лишь через два часа снова появился на лекции.

— С Хиротой-сэнсэем вроде бы всё в порядке, — заявил он, и на вопрос Сансиро, как у сэнсэя дела, ответил: — Можешь не беспокоиться. Расскажу как-нибудь на досуге. Кстати, сэнсэй тобою интересовался, спрашивал, почему не заходишь. Ты навещай его время от времени, это наша обязанность, ведь он одинок и скучает. Купи чего-нибудь да сходи. — С этими словами Ёдзиро снова исчез. А на следующей лекции опять появился. Среди лекции его, видимо, вдруг осенило, и он написал на клочке бумаги коротко, как в телеграмме: «Деньги получил?»

Сансиро хотел написать ответ, но тут заметил, что на него смотрит преподаватель. Сансиро скомкал записку, бросил под ноги, а Ёдзиро ответил лишь после лекции:

- Деньги получил, они при мне.
- Ага, это хорошо! Собираешься вернуть долг?
- Разумеется.
- Пожалуй, ты прав. Верни поскорее.
- Думаю сегодня.
- Гм, но она будет дома только к вечеру.
- Куда-нибудь ушла?
- Конечно, каждый день ходит позировать. Наверно, портрет почти готов.
- К Харагути-сан?
- Ага.

Сансиро узнал у Ёдзиро адрес Харагути.

10

Хирота заболел, и Сансиро отправился его навестить. У входа в дом стояли ботинки. Наверно, врач, подумал Сансиро. Он вошёл, как обычно, с чёрного хода и никого не встретил. Прошёл прямо в столовую, услышал голоса в гостиной и остановился в нерешительности. В руках у него был объёмистый свёрток с мочёной хурмой. Он купил её на улице Оивакэ, помня наставление Ёдзиро: «Когда пойдёшь, купи чего-нибудь». В это время в гостиной что-то грохнуло. «Уж не драка ли там», — подумал Сансиро, чуть-чуть раздвинул перегородку и заглянул в гостиную. Хирота-сэнсэй лежал на полу ничком, а на нём сверху сидел мужчина в коричневых хакама. Рискуя свернуть шею, Хирота приподнял голову и, увидев Сансиро, сказал с улыбкой:

— А, входите, входите!

Тот, что сидел на нём, тоже оглянулся и обратился к Хироте:

— Прошу прощения, сэнсэй, попробуйте, пожалуйста, встать.

Складывалось впечатление, будто мужчина завёл руку Хироты назад и коленом прижал её в локтевом суставе. Хирота ответил, что встать никак не может. Тогда мужчина поднялся, расправил складки хакама и сел в строгой позе. Это был представительный, солидного вида человек. Хирота встал и произнёс:

— Вот это да!

— Когда применяют такой приём, сопротивляться опасно, могут руку сломать.

Из их разговора Сансиро наконец понял, что они делала до его прихода.

— Я слышал, вы больны, но вам, я полагаю, уже лучше?

— Да, лучше.

Сансиро развернул пакет и положил содержимое перед Хиротой и его гостем.

— Вот, принёс вам хурмы.

Хирота пошёл в кабинет за ножом для фруктов. Сансиро сходил на кухню за кухонным ножом, и все трое принялись есть. Хирота и его гость оживлённо обсуждали дела средней школы в провинции. Из-за житейских невзгод и всяких неурядиц, рассказывал гость, просто невозможно долго работать на одном месте. Ему, например, приходилось, кроме своего предмета, преподавать ещё дзюдо⁵⁹, а один его коллега до того беден, что ходит в гэта до тех пор, покуда они совсем не изнасятся, меняя лишь ремешки; и уж если вышел в отставку, найти работу почти невозможно, поэтому он вынужден временно отправить жену к родителям... Темы казались неисчерпаемыми.

Выплёвывая косточки, Сансиро смотрел на этого человека и всё больше проникался к

⁵⁹ Дзюдо — японская борьба вольного стиля и система самозащиты.

нему жалостью. Как не похож он на Сансиро, как будто принадлежит к другой расе. «Хорошо бы снова стать студентом, — то и дело повторял он, — ничего нет приятнее студенческой жизни». Эти слова навели Сансиро на мысль о том, что ему, собственно, осталось быть студентом каких-нибудь два-три года, и настроение у него сейчас уже далеко не такое безоблачное, как в те времена, когда они с Ёдзиро ели гречневую лапшу.

Хирота пошёл в кабинет и вернулся оттуда с книгой в тёмно-красной обложке, покрытой на обрете пылью.

— Вот «Хайдриотафия»⁶⁰, о которой я вам недавно говорил. Полистайте, скуки ради.

Сансиро поблагодарил и взял книгу. «Уход в небытие — явление постоянное и естественное, и не следует задаваться вопросом о том, достойны люди вечности или не достойны». Эта фраза бросилась Сансиро в глаза, как только он открыл книгу. Хирота между тем продолжал беседовать с бакалавром дзюдо. То, что рассказывал бакалавр, несомненно, вызывало сочувствие к учителям средней школы, но наибольшего сочувствия, как явствовало из слов бакалавра, заслуживал он сам. В нынешний век в цене только факты, о чувствах никто и не думает. И с этим ничего не поделаешь: жизнь до того трудна, что не до чувств. Почитайте газеты, и вы увидите, что девять из десяти заметок на социальные темы имеют поистине трагическое содержание. Но для нас это просто информация, и мы не принимаем её близко к сердцу. Как-то из кратенького сообщения под заголовком «Погибло свыше десяти человек» я узнал адрес, возраст и причину насильственной смерти этих несчастных, каждому была выделена строчка петитом. Предел лаконичности и ясности. Или такая рубрика: «Кражи». Здесь сразу узнаёшь, кого и какие вору обобрали. Чрезвычайно удобно. В жизни многое, я полагаю, построено на таком принципе. К примеру, отставка. Для ушедшего в отставку это, возможно, событие, близкое к трагедии, в то время как у окружающих оно не вызовет сколько-нибудь сильных эмоций. К этому надо быть готовым и поступать соответственно.

— Разумеется, при таком количестве свободного времени, как у вас, сэнсэй, можно позволить себе эмоции, — с самым серьёзным видом сказал мастер дзюдо и тут же расхохотался. Вслед за ним рассмеялись Хирота с Сансиро. Судя по всему, гость уходит не собиравшись, а Сансиро, захватив книгу, которую ему дал Хирота, через кухню вышел на улицу.

«Не сгнить в могиле, жить в памяти грядущих поколений, увековечить своё имя, возродиться в будущем — вот чего жаждет человечество с древних времён. Ибо исполнение всех этих желаний — прямая дорога в рай. Однако для истинно верующего желания эти — суета сует. Ведь возродиться — значит снова стать самим собой. А это никак не связано ни с желанием, ни с надеждой, это непреложная истина, которую дано познать истинно верующему. И не всё ли равно — лежать в могиле св. Иннокентия⁶¹ или быть погребённым в песках Египта. Главное, радоваться собственной вечности — будь то в тесной могиле размером в шесть футов или в гробнице Адриана⁶². Смирись и будь готов к тому, что тебя ждёт».

Идя не спеша по улице, Сансиро прочёл это в заключительной главе «Хайдриотафии». Он слышал от Хироты, что автор этой книги — известный писатель и великолепный стилист и что это его сочинение — самое блестящее из всего им написанного. Правда, рассказывая это, Хирота, смеясь, заявил, что сам он придерживается несколько иного мнения. Да и Сансиро, признаться, не увидел в этой книге никакого блеска. Тяжеловесные фразы, очень странное употребление слов, туманно выраженные мысли — впечатление такое, словно

⁶⁰ «Хайдриотафия» — книга английского врача и писателя Томаса Брауна (1605–1682).

⁶¹ Имеется в виду папа римский Иннокентий III (1160–1216).

⁶² Римский император Адриан Публий Элий (76–138) ещё при жизни построил свою усыпальницу.

осматриваешь старинный буддийский храм. Чтобы прочесть и как-то осмыслить один этот отрывок, понадобилось несколько кварталов пути. И то многое осталось непонятным.

Прочитанное вызвало в Сансиро смутное чувство, близкое к сентиментальности, как если бы в Токио донёлся слабым эхом удар в колокол Большого Будды в Нара. Именно это чувство, а не смысл, доставило Сансиро удовольствие. Ведь он никогда ещё глубоко не задумывался над вопросами жизни и смерти — слишком молодая и горячая кровь текла в его жилах. В этом чувстве, собственно, и выразилась истинная сущность Сансиро...

По дороге к Харагути Сансиро встретил похороны. За маленьким гробиком, завёрнутым в белоснежное полотно, шли двое мужчин в хаори. К крышке гроба была прикреплена красивая игрушка — ветряная мельница с пятью вращающимися разноцветными крыльями. «Красивые похороны», — подумал Сансиро, когда гробик с игрушечной мельницей остался позади.

Сансиро так же безучастно глядел на чужие похороны, как на чужое сочинение, которое держал в руках. Но если бы ему предложили смотреть безучастно на Минэко, он непременно удивился бы. Он не смог бы смотреть на Минэко глазами постороннего, хотя не отдавал себе в этом отчёта. Одно было бесспорным: в чужой смерти он ощутил красоту и умиротворённость, красота живой Минэко несла ему страдание. Сансиро почему-то думал, что, если будет идти всё время прямо, к своей судьбе, даже мысленно, даже во сне, не отклоняясь в сторону, он избавится от страдания. И он шёл всё вперёд и вперёд. На похоронную процессию Сансиро смотрел сейчас издалека, как на картину, сожалел о безвременной кончине, но не скорбел, а испытывал приятное чувство, как при виде чего-то красивого.

Свернув на улицу Акэбоно, Сансиро увидел большую сосну, видимо, о ней ему и говорили, когда объясняли, как отыскать дом Харагути. Однако дом, у которого она стояла, оказался не тот. За ним была ещё сосна, а дальше — ещё и ещё. «Прекрасное место», — подумал Сансиро, прошёл мимо множества сосен, свернул налево и очутился перед живой изгородью с красивыми воротами. На воротах висела табличка из тёмного и очень твёрдого дорогого дерева, на которой зелёной масляной краской было написано имя Харагути, причём с такой изысканностью и витиеватостью, что не разберёшь — иероглифы это или узоры. Тропинка от ворот к дому не была обсажена ни кустами, ни цветами, лишь поодаль с обеих сторон были разбиты газоны.

У входа чинно стояли гэта Минэко. Сансиро узнал их по ремешкам — они были разного цвета. Девочка-горничная сообщила, что господин сейчас, как раз работает, но если Сансиро желает подождать, он может войти, и провела его в мастерскую — просторную комнату, вытянутую с севера на юг. В комнате, как и следовало ожидать, царил художественный беспорядок. Непропорциональный размерам комнаты ковёр казался небрежно брошенным на пол куском ткани с ярким, очень изящным рисунком. Наискосок от ковра лежала тигровая шкура с длинным хвостом. Здесь же, на полу, стояла большая ваза с шероховатой поверхностью, с двумя торчащими из неё стрелами. Между оперением мышино-серого цвета ярко блестела позолота. Рядом Сансиро увидел старинные воинские доспехи. Он подумал, что, вероятно, они из тех, что носили крупные военачальники, судя по дорогой плотной ткани и выделке. В противоположном углу он заметил что-то ослепительно блестящее. Это оказалось кимоно с лиловыми узорами и золотым шитьём. Оно висело на шнуре, пропущенном сквозь короткие рукава, словно проветривалось. Пожалуй, очень старинное, подумал Сансиро. Стены были увешаны картинами, большими и поменьше. Те, что без рам, видимо, наброски, лежали небрежно свёрнутые, с неряшливо загнутыми краями. И среди этой утомительной для глаз пёстрой путаницы стоял холст с начатым портретом. Женщина, которую писал художник, стояла в глубине комнаты, с веером в приподнятой руке. Когда Сансиро вошёл, художник резко повернулся от холста и с палитрой в руке пошёл ему навстречу, сжимая в губах толстую трубку.

— Пришли? — сказал он, кладя трубку на круглый столик с пепельницей и спичками, у которого стоял стул. — Садитесь и смотрите. — Он указал на портрет. Холст был размером

чуть поменьше шести футов.

— Действительно, большое полотно, — сказал Сансиро.

— Угу, очень, — пробормотал словно про себя Харагути и стал рисовать волосы. В этот момент из-за веера сверкнули белые зубы, и Сансиро наконец увидел лицо Минэко.

Несколько минут проходят в тишине. В комнате тепло — горит камин. Да и день выдался нехолодный — ветер утих. Оголённые деревья стоят в лучах зимнего солнца неподвижные и безмолвные. Сансиро кажется, что мастерская в тумане. Он сидит, облокотившись на стол, в атмосфере тишины и покоя. В этой тишине возникает Минэко. Чёрточка за чёрточкой появляется её изображение на холсте. Всё вокруг словно застыло, движется лишь кисть толстяка-художника, движется неслышно, как и сам художник.

Вписанная в тишину Минэко с веером до того неподвижна, что её можно принять за картину. Харагути пишет не с натуры, а с картины, только объёмной, думает Сансиро, чудесным образом он со всем старанием как бы переносит Минэко с объёмной на обыкновенную картину. И эта, вторая, Минэко постепенно сближается с первой. Их разделяет тишина, которую нельзя измерить часами. Плавно, спокойно течёт время, не касаясь сознания художника, и постепенно вторая Минэко нагоняет первую. Ещё немного, и расстояние между ними исчезнет, они сольются воедино, тогда ход времени резко изменит своё направление, канет в вечность и кисть Харагути перестанет двигаться. При этой мысли Сансиро вышел из оцепенения и посмотрел на Минэко, всё ещё неподвижную. От этой звенящей тишины у Сансиро, словно от хмельного, крутилась голова. Харагути неожиданно рассмеялся и спросил:

— Устали, да?

Девушка ничего не ответила, тотчас приняла свободную позу и буквально упала в кресло, стоявшее рядом. Сансиро снова увидел её ослепительно белые зубы, когда, улыбнувшись, она окинула его быстрым, словно метеор, взглядом.

Харагути подошёл к столику.

— Что скажете? — спросил он, взял трубку, приминая пальцами табак, раскурил её, дважды затянулся, выпустил сквозь усы две густые струи дыма и снова повернулся к холсту, рисуя то, что можно было рисовать без натуры. Картина ещё не была закончена, но Сансиро она казалась великолепной. Оценить её по достоинству он, разумеется, не мог, ибо воспринимал искусство чисто эмоционально, да и то впечатление складывалось у него смутное, поскольку в живописи он не был даже дилетантом. Поэтического восприятия и художественного вкуса у Сансиро хватало лишь на то, чтобы самому себе не казаться человеком, чуждым искусства.

Сколько света в этой картине, она будто озарена солнцем и в то же время припорошена пудрой — ни излишне ярких красок, ни глянца. Даже тени не тёмные, а скорее светло-лиловые. Это ощущение сочеталось у Сансиро с чувством лёгкости и приподнятости: словно он плыл по реке на быстроходной увеселительной лодке. О тревоге тут и речи быть не могло — таким покоем и умиротворением веяло от картины. Ни горечи, ни яда. «Картина в духе Харагути-сан», — подумал Сансиро и тут услышал голос Харагути:

— Я расскажу вам кое-что интересное, Огава-сан. Одному из моих знакомых, видите ли, надоела жена, и он потребовал развода. Жена ни в какую, раз уж, говорит, вышла за тебя, ни за что не уйду, а ты как хочешь.

Харагути чуть отступил от картины, оценивая результаты работы, и обратился к Минэко:

— Напрасно вы не пришли в более лёгком кимоно, Сатоми-сан. Мне было бы легче вас писать, а то делаю всё по догадке, не слишком ли смело с моей стороны?

— Мне очень жаль, — отозвалась Минэко.

Харагути ничего не ответил, снова подошёл к холсту и продолжал:

— Так вот, поняв, что жену не так-то легко спровадить, приятель сказал ей: не хочешь — не уходи, живи здесь, сколько душе угодно, я сам уйду... Пожалуйста, Сатоми-сан, встаньте на минутку и взгляните сюда. Веер не нужен. Просто встаньте. Вот так.

Благодарю... Тогда жена и говорит: что же я буду без тебя делать? А мне что за дело, — отвечает приятель. — Хочешь — выходи замуж.

— Чем же это кончилось? — спросил Сансиро.

— Да ничем, — ответил Харагути и пояснил свою мысль: — К браку следует относиться серьёзно. Ни сходиться, ни расходиться просто по капризу нельзя. Возьмите, к примеру, Хироту-сэнсэя, возьмите Нономию-сан, возьмите Сатоми Кёскэ-кун и, наконец, меня. Ни один из нас не женат. И чем больше будет чересчур самостоятельных женщин, тем больше будет холостяков. Эту самостоятельность общество должно ограничивать, чтобы не появлялись холостяки.

— Кстати, мой брат скоро женится, — сообщила Минэко.

— В самом деле? Что же будет с вами?

— Не знаю.

Сансиро и Минэко обменялись взглядами. Минэко улыбнулась. Поглощённый работой Харагути пробурчал себе под нос: «Не знаю, не знаю... Тогда...»

Улучив момент, Сансиро подошёл к Минэко. Девушка откинулась на спинку кресла, где висело её хаори с очень красивой подкладкой, рассыпав по нему свои прекрасные волосы. Воротник кимоно распахнулся, открыв шею, но Минэко это было, видимо, безразлично — так она устала.

В кармане у Сансиро лежали тридцать иен, непостижимым образом связывавшие его с Минэко, в это Сансиро твёрдо верил. Только поэтому он до сих пор не возвращал ей деньги и решил сделать это именно сейчас. Отдалится она от него, когда это связующее звено перестанет существовать, или, наоборот, приблизится? Следует заметить, что Сансиро был несколько суеверен.

— Сатоми-сан! — обратился он к Минэко.

— Что? — откликнулась девушка, подняв глаза на Сансиро и сохраняя при этом совершенно невозмутимое выражение лица. Сразу было видно, что она устала.

— Раз уж я здесь, кстати, верну вам... — произнёс Сансиро, сунув руку в карман.

— Что вернёте? — спросила девушка всё так же вяло, в то время как Сансиро мучительно раздумывал, как ему поступить. Наконец он решился:

— Верну деньги, которые недавно занял у вас.

— Ну, сейчас это совсем некстати, — ответила девушка, не вставая с кресла, всё с тем же безразличным видом. Сансиро ещё не до конца осмыслил её слова, как за спиной у него раздался голос Харагути:

— Ну что, поработаем ещё немного?

Оглянувшись, Сансиро увидел, что Харагути стоит с зажатой в пальцах кистью и с улыбкой на них смотрит, свободной рукой пощипывая бородку. Минэко взялась за подлокотники и выпрямилась, собираясь встать.

— Ещё долго? — тихо спросил Сансиро.

— Около часа, — так же тихо ответила Минэко. Сансиро снова занял своё место у круглого столика, Минэко стала позировать, а Харагути, закулив трубку, взялся за кисть и, не оборачиваясь, сказал Сансиро:

— Огава-сан, посмотрите, пожалуйста, в глаза Сатоми-сан.

Сансиро послушался, но Минэко вдруг опустила веер, повернулась к окну и стала смотреть в сад.

— Так не годится. Если вы будете смотреть в другую сторону, дело не пойдёт. Только-только начал писать, а вы...

— Зачем же вы изволите говорить то, что к делу не относится? — повернулась к нему девушка.

— Я ведь не шутил, — оправдывался Харагути. — Просто нужно было кое о чём спросить у Огавы-сан.

— О чём же?

— Сейчас скажу, только, пожалуйста, примите прежнюю позу. Так. Ещё чуть-чуть

локти вперёд... Скажите, Огава-сан, уловил я выражение глаз оригинала?

— Я в этом мало разбираюсь, — ответил Сансиро, — но всё же хочу у вас спросить. Вот вы каждый день пишете, но разве не меняется выражение глаз у того, кого вы пишете?

— Конечно, меняется. Мало того, меняется и настроение художника. Казалось бы, каждый день надо начинать сначала. Но, как ни странно, изображение получается довольно точное и законченное. Вы спросите, почему...

Говоря всё это, Харагути смотрел на Минэко и не переставал работать кистью, чем вызвал у Сансиро истинное уважение.

— Картина, которую пишешь, с каждым днём обретает всё новые черты и уже сама создаёт художнику настроение. И это настроение охватывает всякий раз, какходишь в мастерскую и берёшься за кисть. Говоря точнее, настроение картины передаётся тебе. То же самое и с портретом Сатоми-сан. Вполне понятно, что на выражение лица действуют различные факторы, скажем, все эти в беспорядке разбросанные вещи: барабан, тигровая шкура, воинские доспехи, наконец, сама поза. Однако на картину это не оказывает сколько-нибудь серьёзного влияния. Потому что постепенно всё это становится привычным, включая и выражение лица. Его-то и следует запечатлеть в портрете. Кстати, о выражении лица...

Харагути вдруг умолк. Его, видимо, что-то смутило. Он отступил шага на два и переводил внимательный взгляд с картины на Минэко и обратно.

— Что-нибудь случилось, Сатоми-сан? — спросил он.

— Нет, ничего.

Просто не верилось, что это голос Минэко, так тихо и неподвижно она стояла.

— Кстати, о выражении лица, — продолжал Харагути. — Оно есть не что иное, как проявление души. И именно его изображает художник, а не самую душу, но в нём, собственно, и проявляется богатство души... Да, это, пожалуй, верно. Богатство души, которое никак не проявляется, находится за пределами возможностей художника, и с этим приходится мириться. Таким образом, мы рисуем только плоть. Однако плоть, не имеющая души, мертва, и рисовать её бессмысленно. Взять, к примеру, глаза Сатоми-сан... Я их рисую вовсе не для того, чтобы отразить её душу. Мне нравятся именно глаза. Их разрез, густая тень тяжёлых ресниц, глубина зрачков — всё это я стараюсь изобразить до мельчайших подробностей, из которых и складывается выражение лица. Если же оно не получается, значит, я либо не так, как надо, положил краски, либо исказил само изображение. Третьего не бывает. От красок и изображения, собственно, и зависит выражение лица, и с этим приходится считаться.

Харагути снова отступил от холста и смотрел то на Минэко, то на портрет.

— Что-то вы не в себе сегодня, — сказал он наконец Минэко. — Устали? Если устали, прекратим...

— Нет, нет.

Харагути снова подошёл к картине.

— Хотите знать, почему я выбрал именно глаза Сатоми-сан? Так слушайте... На Западе красавиц непременно рисуют с огромными глазами, даже забавно. А вот в Японии — с узкими. Вспомните хотя бы Каннон-сама⁶³, маски Отафуку⁶⁴, маски Но⁶⁵ и, наконец, самые выразительные в этом смысле лица красавиц, запечатлённых в укиё⁶⁶. У всех у них глаза

⁶³ *Каннон-сама (буд.)* — богиня милосердия, изображаемая в образе прекрасной женщины.

⁶⁴ *Отафуку*, или *окамэ* — театральные маски круглолицых женщин, скуластых, с приплюснутым носом.

⁶⁵ Маски театра Но — японского театра масок, одного из древнейших видов японского театрального искусства.

⁶⁶ *Укиё* — японская жанровая живопись эпохи Токугава (XVII–XIX вв.).

узкие, как у слона. Столь различный критерий красоты на Западе и на Востоке на первый взгляд может показаться странным, на самом же деле всё очень просто. Европейские женщины — большеглазые, поэтому большие глаза и являются мерилom красоты. У японок же глаза маленькие, японские женщины — словно из семейства китовых... Пьер Лоти⁶⁷, например, конечно, в шутку спрашивал, как могут японки открывать глаза. Эта национальная особенность, естественно, отразилась и на эстетическом вкусе. Больших глаз у японок не бывает, и идеалом для нас служат глаза узкие. Их высоко ценят и рисуют на своих картинах Утамаро и Сукэнобу⁶⁸. Но когда европейский художник берётся изображать такие глаза, то, как бы он ни старался подражать японскому стилю, женщина у него получается слепой и впечатление производит весьма неприглядное. В Японии не сыщешь такого лица, как у рафаэлевской Мадонны, а если и сыщешь, оно не будет японским... Поэтому-то мне и пришлось побеспокоить Сатоми-сан... Сатоми сан, ещё немного.

Минэко не ответила и продолжала стоять, не двигаясь.

Надо заметить, что Сансиро слушал художника с интересом. Этот интерес возрос бы во сто крат, если бы внимание юноши не отвлекала Минэко, которая занимала сейчас Сансиро гораздо больше, чем рассуждения художника и даже сама картина. Слушая Харагути, Сансиро не сводил глаз с Минэко. Она была до того хороша в своей неподвижности, что, казалось, пленила саму природу, которая тоже застыла на какой-то миг. Есть в неизменности вечное утешение. Но тут вдруг Харагути, слегка склонив голову набок, спросил девушку, что с нею. Сансиро даже испугался. Быть может, художник хочет сказать, что уже не в силах запечатлеть столь изменчивую красоту?

А девушка и в самом деле как-то потускнела, в уголках глаз затаилась неизбывная грусть, будто и впрямь с нею что-то случилось. Сансиро ощутил, как исчезли мир и покой, которыми так и веяло от этой живой картины. «Уж не я ли причина такой перемены?» — мелькнуло в голове у юноши. И сразу же его душу затопило острое чувство, в котором целиком сказалась его натура. Он уже не мог спокойно, с лёгкой грустью созерцать эту изменчивую красоту. Неужели это его приход так подействовал на Минэко? Чувство было неожиданным и новым.

Харагути наконец отложил кисть.

— На сегодня хватит. Совсем не клеится!

Минэко уронила веер, взяла с кресла хаори и, надевая его, подошла к Харагути.

— Устали? — спросил художник.

— Устала, — запахивая хаори и завязывая шнурок, словно эхо повторила Минэко.

— Да и я, честно говоря, устал. Завтра продолжим, если почувствуем себя бодрее... Не торопитесь, попьём чайку.

Сумерки ещё не наступили, но Минэко отказалась остаться, сославшись на дела. С нею ушёл и Сансиро. В условиях Японии остаться наедине с девушкой не так-то просто, и Сансиро решил воспользоваться представившейся возможностью. Однако надежды его не оправдались. Минэко отказалась погулять с ним по тихой, почти безлюдной улице Акэбоно. Через живую изгородь они вышли на большую улицу.

— Харагути-сан, видимо, был прав. У вас в самом деле что-то случилось?

— Случилось, — сказала Минэко тем же тоном, каким отвечала Харагути. За всё время знакомства с Минэко Сансиро ни разу не слышал, чтобы она говорила длинными фразами. Речь её была предельно лаконична. Тем не менее каждое её слово долго звучало в ушах Сансиро, ибо имело свою особую окраску и неизменно вызывало у него восхищение.

Девушка вполоборота повернулась к Сансиро, посмотрела на него, слегка

⁶⁷ Пьер Лоти (1850–1923) — французский писатель и морской офицер. Японии посвящены его записки «Осень в Японии», повесть «О-Кику-сан».

⁶⁸ Нисикава Сукэнобу (1671–1751) — известный японский художник.

сощурившись, и Сансиро заметил в её взгляде не присущую ей вялость. Лицо её было бледнее обычного.

— Вид у вас и впрямь усталый.

— В самом деле?

Наступило молчание. Молодых людей словно разделил тонкий занавес, сквозь который Сансиро не знал, как проникнуть. Прибегнуть к словам любви из романов ему не хотелось. Это было бы проявлением дурного вкуса, а также нескромностью, которая не принята в общении между мужчиной и женщиной. Сансиро желал невозможного и придумывал, как бы сделать его возможным.

Молчание нарушила Минэко:

— У вас было какое-нибудь дело к Харагути-сан?

— Никакого.

— Просто в гости приходили?

— Нет, не в гости.

— Зачем же?

— Чтобы увидеться с вами, — быстро ответил Сансиро, воспользовавшись случаем.

Сансиро полагал, что сказал всё, что мог. На это девушка ответила совершенно спокойным, всегда опьянявшим его тоном:

— Мне там было неловко брать у вас деньги. Сансиро приуныл. Но потом вдруг выпалил:

— Деньги тут ни при чём!

После паузы Минэко тихо произнесла:

— Оставьте их у себя, они не нужны мне.

Тут Сансиро не выдержал:

— Я пришёл потому, что хотел видеть вас. — Он заглянул в лицо Минэко.

Не глядя на него, девушка словно бы выдохнула:

— Деньги...

— Что касается денег...

Разговор прервался. Так ни один из них не высказал то, что хотел. Прошли ещё с полквартила.

— Как вам нравится портрет?

Сансиро молчал, не зная, что ответить. Тогда Минэко снова спросила:

— Вас не удивляет, что Харагути пишет его так быстро?

— Пожалуй, — не очень уверенно ответил Сансиро. Ведь месяца не прошло с тех пор, как Харагути рассказал Хироте о своём желании написать портрет Минэко. А говорил об этом с Минэко уже на выставке. Сансиро не знал, сколько времени нужно писать портрет, потому что мало смыслил в живописи, но слова Минэко навели его на мысль о том, что Харагути и в самом деле пишет слишком быстро.

— Когда он начал портрет? — спросил Сансиро.

— По-настоящему он взялся за работу совсем недавно, а до этого писал от случая к случаю.

— Что значит «до этого»? Когда, примерно?

— Судите по одежде, в которой я изображена.

Тут Сансиро вдруг вспомнил тот далёкий тёплый день, когда он впервые увидел Минэко возле пруда.

— Помните, вы тогда сидели под буком?

— А вы стояли на холме с веером.

— Как на портрете у Харагути, правда?

— Вот-вот.

Они переглянулись. Недалеко от склона Хакусан им попался навстречу рикша, который вёз мужчину в чёрной шляпе и золотых очках. Ещё издали можно было заметить, какой у него цветущий вид. Сансиро показалось, что мужчина не отрываясь смотрит на Минэко.

Подъехав чуть ли не вплотную, он остановил рикшу, лихо отбросил ногой фартук коляски, соскочил с подножки, и тут Сансиро увидел, что это стройный, высокого роста молодой человек, с тонкими, но мужественными чертами лица, гладко выбритый, очень приятной и весьма респектабельной наружности.

— Заждался вас и решил поехать навстречу, — подойдя к Минэко, сказал он, оглядев её с ног до головы и улыбаясь. Минэко тоже улыбнулась и, сказав: «Очень рада, спасибо», — перевела взгляд на Сансиро.

— Позвольте узнать, кто этот господин? — спросил мужчина.

— Огава-сан, студент университета, — ответила Минэко. Мужчина вежливо приподнял шляпу.

— Пойдёмте скорее. Ваш брат уже ждёт.

Они стояли на углу переулкa, и это избавило от неловкости Сансиро, которому как раз надо было свернуть на Оивакэ. Он попрощался, так и не возвратив долга.

11

В последние дни Ёдзиро бегал по университету, распространяя билеты «Литературной ассоциации». Ему понадобилось два-три дня, чтобы всучить их решительно всем знакомым. После этого он взялся за незнакомых. Самую бурную деятельность он развивал в коридорах. Поймает кого-нибудь и не отпустит, пока тот не купит билет. Бывало, что в самый разгар переговоров раздавался звонок, тогда Ёдзиро говорил: «Не тот случай», — и отпускал свою жертву. Когда же пойманный начинал смеяться, так и не поняв, чего от него хотят, Ёдзиро говорил: «Не тот человек». Как-то раз он изловил профессора, выходявшего из уборной. Вытирая руки носовым платком, тот сказал: «Сейчас, минутку», — поспешно скрылся в библиотеке и больше не появился. Тут уж Ёдзиро не знал, что сказать, посмотрел профессору вслед и заявил, что у профессора наверняка катар кишечника.

Ёдзиро сообщил, что ему поручено продать, билетов как можно больше и что действительно, как и предполагает Сансиро, пожалуй, не каждому будет гарантировано место. Но ничего страшного в этом нет, невозмутимо заявил Ёдзиро, ибо одни покупают билеты лишь приличия ради, другим помешают прийти непредвиденные обстоятельства, скажем, обострение катара кишечника.

Сансиро заметил, что не все платят за билеты, и, поскольку был мнительным, встревожился: вернут ли они потом Ёдзиро деньги? Ёдзиро ответил, что, конечно, не вернут, но всё равно выгоднее продать побольше. По такому же принципу, например, лондонское издательство «Таймс» продавало в Японии энциклопедию. Этот поистине великолепный довод не убедил, однако, Сансиро, и он решил на всякий случай предостеречь друга, на что Ёдзиро ответил ещё более великолепным доводом:

— Ведь я имею дело со студентами Токийского имперского университета!

— Пусть так, но среди них, я полагаю, немало людей беспечных, вроде тебя...

— Ну, это ты напрасно... Да и «Литературная ассоциация», я думаю, не будет придирается к незлостным неплательщикам. Сколько ни продавай билетов, ей всё равно придётся залезть в долги.

Когда же Сансиро поинтересовался, чьё это мнение, Ёдзиро или ассоциации, Ёдзиро весьма дипломатично ответил, что тут ассоциация сходитя с ним во мнении.

В общем, по словам Ёдзиро, получалось, что лишь глупец может не пойти на концерт. И он так рьяно в этом убеждал всех, что многие поддавались на уговоры. Трудно сказать, зачем он это делал: то ли сам верил, что будет интересно, то ли хотел позабавить себя и окружающих, то ли создать ажиотаж и расшевелить всех на свете, то ли просто продать билет. Именно поэтому некоторые предпочитали оставаться глупцами и отказывались от билетов.

Ёдзиро каждому сообщал, что члены ассоциации репетируют до полного изнеможения

и он опасается, как бы перед самым спектаклем они не вышли из строя. Декорации просто грандиозные! Чтобы их изготовить, собрали всех даровитых молодых художников Токио и велели показать, на что они способны. Костюмы выдержаны в старинном стиле. Либретто совершенно новое и очень интересное.

Хироте-сэнсэю и Харагути-сан посланы пригласительные билеты. Нономия и Сатоми для себя и для сестёр купили самые дорогие билеты. В общем, всё идёт прекрасно. Из солидарности с Ёдзиро Сансиро провозгласил здравицу в честь концерта.

Вечером Ёдзиро явился к Сансиро, молчаливый и угрюмый. От жизнерадостности его не осталось и следа. Он сел возле хибати, то и дело повторяя: «Ну и холод, ну и холод!» Но, судя по выражению его лица, холод тут был ни при чём. Подержав недолго руки над хибати, он засунул их в карманы. Чтобы разогнать уныние Ёдзиро, Сансиро переставил поближе к нему настольную лампу, но это не помогло. Ёдзиро сидел по-прежнему нахохлившись, в свете лампы блестела только его голова, большая, с коротко остриженными чёрными волосами. Он поднял её, лишь когда Сансиро спросил: «Что-нибудь случилось?», посмотрел на лампу и ни с того ни с сего спросил:

— Здесь ещё не провели электричество?

— Нет ещё. Но в ближайшее время, сказали, проведут. С этой лампой ужасно темно.

Однако Ёдзиро, видимо, уже забыл о своём вопросе и воскликнул:

— Послушай, Огава, беда стряслась!

Ёдзиро вытащил из кармана две измятые газеты, взял одну из них, разгладил, сложил пополам, сунул Сансиро и, ткнув пальцем, сказал: «Вот, читай!» Сансиро придвинулся ближе к свету и увидел заголовок: «На филологическом факультете университета». Содержание заметки сводилось к следующему. Отделение зарубежной литературы факультета издавна находилось в ведении европейцев, они, собственно, и вели преподавание. Однако в соответствии с духом времени, а также пожеланиями большинства студентов, решено пригласить для чтения лекций и соотечественников. При подборе кандидатур остановились на господине Н. Как нам сообщили, в ближайшее время его имя будет объявлено. Господин Н. недавно вернулся из-за границы, куда был командирован на учёбу. Человек он весьма способный и наиболее подходящий кандидат на вакантную должность.

— Значит, Хироту-сэнсэя обошли?! — обернулся Сансиро к Ёдзиро, который сидел, уставившись на газету. — Это точно?

— Да, вроде бы, — кивнул Ёдзиро. — Я, признаться, просчитался. Был уверен, что всё будет в порядке, хотя слышал, что этот Н. ведёт усиленную кампанию...

— Может, всё это одни слухи? Надо подождать, пока объявят.

— Если б только эта заметка, тогда ещё полбеды. Ведь о сэнсэе тут ни слова. Однако... — Ёдзиро сложил пополам газету, которая была у него в руках, и, держа палец на заголовке, пододвинул её к Сансиро.

Из начала заметки Сансиро не узнал ничего нового, но то, что было напечатано дальше, его ошеломило. О Хироте писали, что он крайне безнравственный субъект, десять лет преподаёт в колледже языковедение, способностей особых не проявил и никому не известен. Тем не менее, прослышав о намерении пригласить в университет нашего соотечественника, специалиста по зарубежной литературе, не замедлил организовать тайную кампанию среди студентов с целью самовосхваления. Более того, он побудил своего ученика поместить в одном журнальчике статью под названием «Невзошедшее светило». Статья появилась под псевдонимом Рэй Ёси, но, как стало известно, её написал бывающий в доме Хироты студент филологического факультета Сансиро Огава.

Так выплыло на свет божий имя Сансиро. Некоторое время друзья молча смотрели друг на друга.

— Да-а, попал в переплёт, — с удивлением и досадой сказал наконец Сансиро.

Но Ёдзиро пропустил его слова мимо ушей и спросил!

— Ну, что ты об этом думаешь?

— Что думаю?

— Я считаю, что здесь поместили чьё-то письмо. Это отнюдь не результат проверки, произведённой редакцией. Среди писем, которые приходят в «Бунгэй дзихё» и набираются петитом, таких сколько угодно. Петит — почти всегда скопище зла. Если в этих письмах хорошенько покопаться, обнаружишь массу лжи. В некоторых ложь бьёт прямо в глаза. Думаешь, их пишут по глупости? Ничего подобного. Только из корысти. Я, например, когда вёл отдел «Страница читателя», подобные письма с душком чаще всего бросал в корзину. Статейка, которую я тебе показал, именно такого свойства. Она — результат контркампании.

— А почему указано не твоё, а моё имя?

Ёдзиро пробормотал что-то неопределённое. Помолчав немного, он сказал:

— В самом деле почему? Скорее всего потому, что ты студент, а я — вольнослушатель.

Но Сансиро такое объяснение не удовлетворило. Он по-прежнему недоумевал и испытывал беспокойство.

— Напрасно я прибег к какому-то жалкому псевдониму — Рэй Ёси. Надо было с гордостью подписаться: Ёдзиро Сасаки. Ведь никто, кроме меня, не мог бы написать такую статью.

Ёдзиро говорил совершенно серьёзно. Он даже выразил сожаление в связи с тем, что его авторство приписано Сансиро. Сансиро это показалось забавным.

— Ты говорил об этом сэнсёу? — спросил он.

— Тут-то мы и подошли к самому главному. В конце концов всё равно, кто автор «Невзошедшего светила», ты или я, но коль скоро дело касается сэнсёа, молчать нельзя. Он ведь такой человек: скажешь ему, ничего, мол, не знаю, произошло недоразумение, имя автора неизвестно, но сразу видно, что написал её почитатель профессора, и переживать, пожалуй, не стоит — он ответит: «Вот как!» — и делу конец. Но сейчас я должен непременно сознаться, что виноват. Шло бы всё успешно, тогда можно без зазрения совести делать вид, будто ничего не знаешь, но молчать, когда допустил промашку, просто невыносимо. Ведь это я всё затеял, поставил в неловкое положение хорошего человека, и оставаться хладнокровным не могу, не в моих это правилах. В общем-то, совершенно неважно, кто виноват. Просто мне больно и сэнсёа жаль.

Сансиро снова подумал, что Ёдзиро замечательный парень.

— Интересно, читал сэнсэй газету?

— Он её не получает. Поэтому и я ничего не знал. Но в колледже сэнсэй просматривает почти все газеты. А если сам не заметит — расскажут.

— Стало быть, он уже знает.

— Вероятно.

— А тебе он ничего не говорил?

— Нет. Впрочем, и времени нет толком поговорить. Последние дни я занят подготовкой концерта... Осточертело. Бросить, что ли? Ну, заграницей, будут изображать что-то, какой интерес?

— Сэнсэй, наверно, отругает тебя, когда узнает?

— Наверняка! Но это я переживу, а вот что так получилось — жаль, оплошал я, да и его втянул в неприятную историю... Ведь у сэнсёа нет никаких удовольствий. Сакэ он не пьёт, табак... — Ёдзиро осёкся. Если подсчитать количество «философского» дыма, которое сэнсэй выпускает в течение месяца, получится весьма внушительная цифра. — Правда курит он много, и всё. Рыбной ловлей не увлекается, в го⁶⁹ не играет, о семейных радостях понятия не имеет. Это, пожалуй, хуже всего. Хоть бы детей имел... Поистине унылое существование...

Ёдзиро сложил руки на груди.

— А пробуешь скрасить ему жизнь, вот что получается... Ты бы тоже сходил к сэнсёу.

— Сходить мало. Я тоже в какой-то мере виноват и непременно попрошу прощения.

⁶⁹ Го — японская игра типа шашек.

— В этом нет нужды.

— Тогда, по крайней мере, объясню, как всё получилось.

Как только Ёдзиро ушёл, Сансиро лёг в постель, но уснуть не мог и долго ворочался с боку на бок. Дома, в провинции, было куда спокойнее. А тут разве уснёшь? Клеветническая заметка о Хироте, Минэко, которую увёл респектабельного вида мужчина. Тысячи причин для бессонницы.

Лишь после полуночи Сансиро уснул и утром встал с трудом. Возле умывальника он встретился со студентом филологического факультета, которого знал только в лицо. Пока они обменивались вежливыми приветствиями, Сансиро пришло в голову, что студент наверняка прочёл злосчастную статью, хотя ни словом не обмолвился об этом. Сансиро тоже молчал.

Когда Сансиро завтракал, вдыхая аромат дымящегося супа, принесли письмо от матери. Судя по виду, оно, как всегда, было пространным. Сансиро поленился переодеться в европейскую одежду, просто надел поверх кимоно хакама, сунул в карман письмо и вышел.

На улице, poblёскивающей от инея, почти никого не было, кроме студентов, все они шли в одном направлении, все спешили. Холод, казалось, отступил перед жизненной энергией молодых людей. Среди них Сансиро заметил длинную фигуру Хироты в сером крапчатом пальто. Он казался выходцем из прошлого века, даже шёл не как все — спокойно, не спеша. Наконец он скрылся в воротах колледжа, за которыми стояли высокие сосны. Своими ветвями они, словно зонтом, укрывали подъезд. Когда Сансиро дошёл до ворот, Хирота уже исчез из виду, и перед Сансиро высились только сосны, а над ними башня с часами, которые то спешили, то отставали, то просто стояли.

Заглянув в ворота, Сансиро снова повторил про себя: «Хайдриотафия». Из всех запомнившихся ему иностранных слов это было самое длинное и самое трудное. Смысла его он так и не понял и всё собирался спросить у Хироты. Попытался как-то узнать у Ёдзиро, и тот ответил, что это, пожалуй, разновидность *de te fabula*. Сансиро же казалось, что между этими двумя словами нет ничего общего. *De te fabula* — нечто лёгкое, пляшущее, а вот «хайдриотафию» никак не запомнишь, до того трудное это слово. Стоило дважды его повторить, как ноги Сансиро сами собой пошли медленнее. Оно будто нарочно было создано древними для Хироты-сэнсэя.

Придя на факультет, он сразу почувствовал себя в центре внимания. Ведь все были уверены, что именно он автор «Невзошедшего светила». Он вознамерился было выйти наружу, но из-за холода раздумал и остался стоять в коридоре. В перерыве между лекциями Сансиро извлёк из кармана письмо от матери и стал его читать.

Мать действительно звала его на зимние каникулы домой, как в те далёкие времена, когда он учился в Кумамото. Однажды ему даже пришла туда телеграмма ещё до начала каникул. «Приезжай», — писала мать, и Сансиро был уверен, что она заболела. Примчался домой, а там всё в порядке, мать не на радуется, что он приехал. Спросил, в чём дело, говорит — заждалась и обратилась с вопросом к богу урожая риса О-Инарисама. Бог ответил, что Сансиро уже в пути. Вот она и стала волноваться, не случилось ли беды. Может быть, и сейчас она вопрошала бога, подумал Сансиро. Но в письме об этом не было ни слова. Лишь сообщалось, что О-Мицу-сан тоже ждёт. Она бросила гимназию в Тоёцу и сейчас живёт дома. Ещё мать писала, что скоро он получит посылку со стёганным кимоно, которое сшила О-Мицу-сан. Плотник Какудзо проиграл девяносто восемь иен, событие было описано во всех подробностях. Однако эту часть письма Сансиро лишь рассеянно пробежал глазами. Какудзо сказал, что явились какие-то трое и заявили, что намерены купить лес. Какудзо вызвался быть провожатым. Пока они бродили по лесу, деньги, которые у него были с собой, исчезли. Жене Какудзо сказал в порядке оправдания, что совершенно не помнит, когда именно его обокрали. Жена высказала предположение, что ему дали понюхать снотворное, на что Какудзо нерешительно ответил, что так, возможно, оно и было. В деревне, однако, все сходятся на том, что его ободрали как липку в азартной игре. Дальше следовало предостережение: раз в деревне такое творится, то каким осмотрительным надо быть в

Токио.

Когда он складывал письмо, подошёл Ёдзиро.

— Ага, любовное послание! — Сегодня он был веселее, чем накануне, даже шутил.

— Да нет, от матери, — слегка хмурясь, ответил Сансиро, засовывая письмо в карман.

— А может, от барышни Сатоми?

— Говорю тебе, нет.

— Слышал новость о Сатоми?

— Какую новость?

В этот момент к ним подошёл студент и сказал, что внизу Ёдзиро ждёт какой-то человек, который хочет купить билет на концерт. Ёдзиро помчался вниз и исчез. Сансиро никак не мог его найти, и ему лишь оставалось усердно записывать лекцию.

После занятий он, как и намеревался, зашёл к Хироте. В доме стояла обычная тишина. Вытянувшись во весь рост, профессор спал в столовой. Сансиро справился у старухи служанки о его здоровье. Служанка ответила, что вчера господин допоздна не спал и сегодня, придя домой, сразу же изволил лечь. Из-под короткого покрывала торчали ноги Хироты. На вопрос Сансиро, почему профессор поздно лёг накануне, служанка ответила, что он всегда работает допоздна, а вчера очень долго беседовал с Сасаки-сан. Сансиро так и не понял, почему вдруг Хирота лёг спать днём, зато догадался, что Ёдзиро вчера обо всём ему рассказал. Единственное, чего он не выяснил, это ругал ли сэнсэй Ёдзиро, но вряд ли старуха об этом знала, а самого Ёдзиро он так и не нашёл в университете. Но, судя по тому, что Ёдзиро повеселел, можно было предположить, что всё обошлось без скандала. Впрочем, Ёдзиро человек сложный, и Сансиро мог ошибиться в своих предположениях.

Сансиро сел возле хибати и стал слушать рулады, которые выводил металлический чайник. Не желая мешать, старуха удалилась. Сансиро грел руки над чайником и ждал, когда проснётся Хирота. Тот спал крепким сном. Тишина привела Сансиро в хорошее настроение. Он побарабанил пальцами по чайнику, налил в чашку кипятку и, дуя, стал пить. Хирота, видимо, недавно подстригся, волосы на затылке были совсем короткими. Он лежал, повернувшись к стене, и Сансиро виден был кончик его усов.

Сансиро достал «Хайдриотафию», которую принёс, чтобы вернуть Хироте, и начал читать с пятого на десятое, мало что понимая. Написано, к примеру, о том, что в могилу бросают цветы, что римляне питают affection⁷⁰ к розам. Что значит это слово — неясно, но вероятнее всего, оно значит «любить». Ещё написано о том, что греки использовали для этого амарант. Опять неясно, хотя, должно быть, это название цветка. Дальше идёт нечто непостижимое. Сансиро оторвался от книги и посмотрел на Хироту. Хотелось бы знать, зачем сэнсэй дал ему такую сложную книгу? И почему, несмотря на сложность, ему интересно читать? Вдруг ему пришло в голову, что сэнсэй, собственно, и есть «хайдриотафия».

Наконец Хирота зашевелился и приподнял голову.

— Давно пришли?

Сансиро не скучал и посоветовал профессору ещё поспать.

— Нет, надо вставать, — ответил Хирота, закурил и стал молча выпускать густые струи «философского» дыма.

— Спасибо за книгу, — сказал Сансиро.

— Прочли?

— Да, но мало что понял. Прежде всего непонятно само название.

— «Хайдриотафия».

— А что это значит?

— Не знаю. Но слово это, во всяком случае, греческое.

Сансиро не осмелился дальше расспрашивать. Хирота зевнул.

⁷⁰ Любовь (к чему-либо) (англ.) .

— Славно поспал. И сон интересный видел, приснилась, знаете ли, девушка.

Сансиро ждал подробностей, но Хирота предложил сходить в баню.

Помылись и измерили свой рост. У Хироты было сто семьдесят сантиметров, у Сансиро — сто шестьдесят пять.

— Ещё подрастёте.

— Вряд ли. Вот уже три года как не расту.

— Вот как! — сказал Хирота. «Считает меня совсем мальчишкой», — подумал Сансиро.

Когда они вернулись из бани, Хирота предложил Сансиро остаться, если он не торопится. Считая своим долгом всё объяснить, Сансиро последовал за профессором в кабинет.

— Сасаки ещё не возвращался?

— Он предупредил, что может задержаться. Последние дни совсем замотался с этим концертом. Не знаю, то ли он в самом деле услужливый человек, то ли просто любитель побегать?

— Он добрый.

— Доля доброты в его поступках, разумеется, есть. Только голова у него устроена не по-доброму, поэтому из всех его затей ничего путного не выходит. Посмотришь на него — человек он вроде бы дельный, толковый. Даже чересчур. А проку от этого никакого. Сколько мы говорили с ним — всё напрасно! Теперь уж я рукой махнул. Этот человек просто создан для озорства.

Сансиро подумал, что бесполезно сейчас защищать Ёдзиро, когда налицо результаты его деяний. И он перевёл разговор на другую тему:

— Вы читали заметку в газете?

— Да, видел.

— А до этого ничего не знали?

— Нет.

— Удивились, наверно...

— Удивился? Пожалуй, да. Но не в той мере, что неискушённые молодые люди. Я ведь знаю жизнь.

— Вам, видимо, всё это неприятно?

— Пожалуй, немного. Однако люди моего возраста далеко не все поверят этой заметке. Так что и здесь я меньше огорчаюсь, нежели молодые. Ёдзиро сказал, что попросит одного своего знакомого, сотрудника редакции, написать опровержение, что выяснит, кто автор письма, накажет его и сам тоже поместит в журнале опровержение, словом, болтает всякий вздор. И опять-таки из самых лучших побуждений. Так не проще ли с самого начала не делать глупостей?

— Ведь он не собирался причинять вам зло, наоборот, заботился о ваших интересах.

— Не хватало ещё, чтобы он сделал это умышленно. Но судите сами, вести кампанию в мою пользу втайне от меня, по собственному усмотрению выбирая способы и программу действий, не значит ли это пренебрегать мною, а следовательно, и моим добрым именем?

Сансиро оставалось только молчать.

— А эта глупейшая статья «Невзошедшее светило»? Под ней стоит ваше имя, но написал-то её Сасаки, а не вы, верно?

— Да, верно.

— Вчера он в этом признался. А главное, вас поставил в дурацкое положение. Такой вздор мог написать один Сасаки. Я ведь читал. Ни содержания, ни формы. Ну, прямо барабан Армии спасения. Такое впечатление, что она написана с целью вызвать неприязнь у читателей. Предвзята от начала до конца. Любой человек со здравым смыслом усмотрит в этой статье корысть. Чему же тут удивляться, что, по мнению многих, это я заставил своего студента её написать? Так что в газетной заметке есть доля правды.

Хирота умолк и стал выпускать дым через нос. Ёдзиро как-то говорил Сансиро, что по

тому, как сэнсэй выпускает дым, можно определить его настроение. Если прямой густой струёй — значит, настроен он в высшей степени философски, если слабой, прерывистой — значит, умиротворённо, и тогда появляется опасность подвергнуться его насмешкам. Когда же дым вьётся возле усов, это означает, что профессор погружён в раздумье или же на него нашло поэтическое вдохновение. Самое страшное — это кольца дыма у самого носа — тогда неминуема вспышка гнева. Хорошо зная Ёдзиро, Сансиро, разумеется, не принимал его слов всерьёз, и сейчас, внимательно наблюдая за Хиротой, убедился в собственной правоте: дым как дым — ничего общего с настроением сэнсэя не имеет.

Сансиро продолжал скромно молчать, и Хирота снова заговорил.

— Дело сделано, оставим его. Сасаки вчера во всём повинился, попросил прощения, а нынче уже, вероятно, носится как обычно, полный энергии. Я вот порицаю его здесь за безрассудство, а он в это время где-то со спокойной душой ходит и продаёт билеты. Давайте лучше поговорим о чём-нибудь более приятном.

— Давайте!

— Я только что видел интересный сон. Мне снилась девушка, которую я видел всего раз в жизни. Прямо как в романе. Поверьте, это веселее, чем газетная заметка.

— Ещё бы! А что за девушка?

— Девочка лет двенадцати — тринадцати, с родинкой на щеке, очень красивая.

Сансиро был несколько разочарован, услышав, что речь идёт о двенадцатилетней девочке.

— Давно вы её встречали?

— Лет двадцать назад.

— И сразу узнали?

— Сразу. Так ведь это во сне! Всё было необыкновенно романтично и приятно. Я будто гулял по лесу. Вон в том вылинявшем летнем костюме и старой шляпе, видите?.. И, гуляя, размышлял о вещах, весьма сложных, о том, что законы вселенной вечны, в то время как всё сущее, им подвластное, переменчиво. Значит, законы эти существуют помимо вещей... Вроде бы неинтересно, а во сне я раздумывал над этим всерьёз, бродя между деревьями. И вдруг увидел эту девочку. Она не пошла мне навстречу, а осталась стоять на месте. Она ничуть не изменилась. Та же одежда, те же волосы — всё как прежде. И родинка та же. Словом, выглядела она так, как двадцать лет назад. Я говорю ей: ты, мол, нисколько не изменилась, а она отвечает — зато вы постарели. Почему ты не меняешься, спросил я её. Потому что красивее, чем в тот год, у меня не было лица, лучше, чем в тот месяц, не было платья, пышнее, чем в тот день, не было волос. Когда же это было, спрашиваю. Двадцать лет назад, когда я встретила вас, отвечает. Отчего же я так постарел? Оттого, ответила девочка, что вы стремились и стремитесь к ещё более прекрасному.

— А потом что было? — спросил Сансиро.

— А потом пришли вы.

— Но двадцать лет назад вы её наяву видели?

— Наяву, потому и занятно.

— Где же вы её видели?

Хирота опять выпустил дым из носа, помолчал, глядя на него, и сказал:

— Конституцию обнародовали в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году. В том же году был убит Мори, министр просвещения. Вы вряд ли помните. Сколько вам лет? Значит, в то время вы были грудным младенцем. А я уже учился в колледже. С ружьями наперевес мы все собрались хоронить министра. Думали, что пойдём на кладбище, но учитель гимнастики повёл нас к Такэбасиути и выстроил вдоль дороги, чтобы проводить министра в последний путь. На самом же деле мы смотрели на похоронную процессию. День выдался, как сейчас помню, холодный. Стоишь на месте — ноги мёрзнут. Сосед то и дело мне говорит: «Нос у тебя стал совсем красным». Вскоре показалась длинная процессия: множество экипажей и рикш. В одной из колясок сидела та девочка, о которой я только что рассказывал. Восстановить в памяти картину, которую я тогда видел, мне не удаётся, только девочку я

отчётливо помню. С годами, конечно, и это воспоминание потускнело, и я всё реже к нему возвращаюсь. Нынче, пожалуй, впервые вспомнил за долгое время, и то потому, что увидел её во сне. Но тогда впечатление было ярким и врезалось в память.

— И после этого вы никогда больше её не видели?

— Не видел.

— Не знаете, кто она и откуда?

— Конечно, не знаю.

— И не пытались узнать?

— Нет.

— И поэтому, сэнсэй... — Сансиро осёкся.

— И поэтому?

— Поэтому вы не женились?

Хирота рассмеялся.

— Ну, я не настолько романтичен... Я устроен куда прозаичнее, чем вы.

— Но если бы эта девушка согласилась, вы, наверно, женились бы на ней?

— Гм, не знаю, — задумавшись, сказал Хирота, — пожалуй, женился бы.

Сансиро участливо смотрел на сэнсэя.

— Сказать, что из-за неё я остался холостяком, — продолжал Хирота, — всё равно что утверждать, будто из-за неё я стал калекой. Но бывают калеки от природы, которые не могут жениться. Кроме того, многим мешают жениться самые разные обстоятельства.

— И много их, этих обстоятельств?

Хирота сквозь дым сосредоточенно смотрел на Сансиро.

— Вы ведь знаете, что Гамлет не хотел жениться. Так вот, Гамлет, возможно, единственный в своём роде, а похожих на него — много.

— Назовите хоть одного!

— Одного? — Хирота помолчал, усиленно дымя трубкой. — Один такой находится совсем рядом. Представьте себе человека, рано потерявшего отца. Потом серьёзно заболевает его мать и говорит: «Скоро меня не станет. Тогда ты перейдёшь на попечение к такому-то». Она называет человека, которого сын не знает и даже никогда не видел, а почему именно к нему на попечение, не объясняет. Сын пристаёт с расспросами, и в конце концов мать слабым голосом говорит: «Такой-то твой настоящий отец». Это я просто так рассказал, но вообразите, что этот мальчик действительно существует. После этого, разумеется, брак для него перестаёт быть чем-то священным.

— Такие люди, пожалуй, редко встречаются.

— Возможно, но всё же встречаются.

— Но вы, я полагаю, не относитесь к их числу?

Хирота расхохотался и спросил:

— У вас есть мать?

— Есть.

— А отец?

— Умер.

— Моя мать умерла через год после обнаружения конституции.

12

Наступил день концерта. До Нового года оставалось каких-нибудь двадцать дней, и погода стояла холодная. У торговцев хлопот было по горло. Бедняки ломали голову над тем, как встретить праздник. В это же самое время на концерте собрались беззаботные люди, которым одинаково хорошо жилось и в праздники и в будни.

Их было много, этих людей, главным образом молодые мужчины и женщины. Ёдзиро сообщил Сансиро об огромном успехе концерта. У Сансиро был билет на второй день, и

Ёдзиро попросил его зайти за Хиротой. У сэнсэя, вероятно, билет для почётных гостей, сказал Сансиро. Разумеется, ответил Ёдзиро, но один он не подумает идти, его надо вытащить. Сансиро согласился.

Когда вечером Сансиро зашёл к Хироте, тот при ярком свете лампы читал какую-то толстую книгу.

— Вы не идёте? — спросил Сансиро.

Слегка улыбаясь, Хирота молча покачал головой, совсем как ребёнок. Но Сансиро, видимо, нравилась молчаливость Хироты, он считал её признаком настоящего учёного. Молодой человек сел в нерешительности, огорчённый тем, что сэнсэй отказывается идти на концерт.

— Я могу выйти с вами, — сказал Хирота, взяв чёрную накидку, — прогуляюсь немного.

Они вышли. Холодное, беззвёздное небо, казалось, нависло над самой головой.

— Наверно, будет дождь.

— Только бы не сильный.

— Да, в хорошую погоду и то очень неудобно снимать обувь при входе, как это принято в японских театрах. Кроме того, там нет вентиляции, а накурено так, что голова разламывается. Не знаю, как можно всё это вытерпеть!

— Но ведь устроить это под открытым небом, наверно, сложно?

— О-кагура⁷¹ всегда устраивают под открытым небом. Даже в холодную погоду.

Сансиро решил не спорить и промолчал.

— Я предпочитаю сидеть, когда надо мною прекрасное небо, когда прохладно, дышать прекрасным воздухом и смотреть прекрасный спектакль, такой же чистый, простой и прозрачный, как воздух.

— Кстати, ваш сон великолепная тема для спектакля.

— Вы знакомы с греческим театром?

— Очень мало. Там, кажется, представления проходили на воздухе?

— Да, под открытым небом. При свете дня. Это создавало хорошее настроение. Сидели прямо на камнях, созданных самой природой. Великолепно! Надо бы показать это Ёдзиро и ему подобным.

Хирота не преминул пройтись по адресу Ёдзиро, который сейчас хлопотал в тесном зале, что-то там устраивал, преисполненный сознания собственной важности. Забавно. Но ещё забавнее, что он потом непременно скажет со вздохом: «Если сэнсэя не привести, он ни за что не придёт. А ему весьма полезно время от времени бывать в таких местах, как этот театр. Но сколько я ему об этом ни толкую, всё напрасно. Просто беда с ним».

Хирота стал подробно рассказывать о греческом театре. Сансиро прослушал лекцию о том, что значит Theatron, Orchestra, Skene, Proskenion⁷². По утверждению одного немца, театр в Афинах, считавшийся небольшим, вмещал семнадцать тысяч зрителей. А самый большой — пятьдесят тысяч. Билеты делались из слоновой кости или свинца и имели форму медали с рисунком или резьбой. Даже стоимость билетов была известна Хироте. На короткое, однодневное, представление — двенадцать сэнов, на большое, трёхдневное — тридцать пять. Сансиро не переставал удивляться. Между тем они подошли к дому, где должен был состояться концерт.

Ярко горел электрический свет. Непрерывно подходили зрители. Оживление царило большее, чем это можно было себе представить из слов Ёдзиро.

⁷¹ *О-кагура* — синтоистские пляски и пантомимы в масках в сопровождении оркестра национальных инструментов, исполняемые во время ежегодных празднеств. Синто (синтоизм) — древняя религия японцев.

⁷² Theatron — место для зрителей, Orchestra — площадка перед сценой для хора и музыкантов, Skene — сцена, Proskenion — просцениум.

— Может, зайдёте, раз уж вы здесь? — спросил Сансиро.

— Нет, не пойду, — ответил Хирота и ушёл в темноту. Сансиро постоял, поглядел ему вслед, но тут заметил, что какой-то человек, приехавший на рикше, поспешил внутрь, даже не взяв номерок на обувь, и сам заторопился, будто кто-то его подтолкнул.

В дверях стояло несколько человек. Один из них, в хакама, проверял билеты. Сансиро заглянул поверх его плеча в зал — там было очень просторно и очень светло. Жмурясь от света, Сансиро занял место, к которому его проводили, и, втискиваясь в узкое кресло, огляделся. В глазах буквально рябило от пестроты нарядов, и не только потому, что он вертел головой: всё это великолепие красок беспрестанно перемещалось в разных направлениях по широкому пространству.

Началось представление. На сцену вышли люди в старинных головных уборах и старинной обуви. Они несли длинный паланкин. На самой середине сцены их кто-то остановил. Они опустили паланкин, и из него вышел человек. Человек вытащил меч и стал драться с тем, кто остановил паланкин. Сансиро совершенно не понимал, что происходит. Ёдзиро, правда, рассказывал ему вкратце содержание пьесы. Но Сансиро слушал в пол-уха, поддакивал, а про себя думал, что увидит — тогда разберётся. Но увидеть — увидел, а разобраться не смог. Из рассказа Ёдзиро сохранилось лишь имя — Ирука⁷³, и Сансиро стал гадать, который же из актёров Ирука. Однако попытки его оказались тщетными. И олицетворением Ирука для него стала вся сцена: и головные уборы, и обувь, и кимоно, даже реплики действующих лиц. По правде говоря, Сансиро весьма смутно представлял себе этого Ирука. Историю Японии он изучал давным-давно, и древний Ирука совсем стёрся из памяти. Вроде бы это было при императоре Суйко⁷⁴. Возможно, при императоре Киммэй⁷⁵. Во всяком случае, не во времена Оодзин или Сёму⁷⁶. Полагая, что этих познаний вполне достаточно, чтобы смотреть спектакль, Сансиро разглядывал костюмы и декорации в китайском духе. Сути спектакля он так и не понял. Между тем дали занавес.

Незадолго до антракта сосед Сансиро сказал своему соседу с другой стороны, что диалоги актёров сильно напоминают разговор родителей с детьми в маленькой комнате: голос у актёров совсем не поставлен. Тот, в свою очередь, заметил, что артисты неуверенно держатся на сцене. Оба так и сыпали именами актёров. Сансиро внимательно прислушивался. Люди эти были одеты с иголки. Вероятно, важные особы, решил Сансиро, но Ёдзиро непременно вступил бы с ними в спор. В это время кто-то из сидящих сзади произнёс: «Хорошо. Очень, очень хорошо!» Оба соседа Сансиро оглянулись и замолчали. Как раз в это время дали занавес.

Люди поднимались со своих мест и, возбуждённые, устремлялись к выходу. Сансиро привстал и осмотрелся. Но, против ожиданий, никого из знакомых не увидел. Он и во время действия искал их глазами и с нетерпением ждал антракта. Сейчас, несколько разочарованный, Сансиро сел на место и перестал смотреть по сторонам.

Соседи Сансиро, кажется, знали чуть ли не всех на свете. Оглядывая зал, они то и дело называли имена известных людей. Двое из этих знаменитостей раскланялись с ними. Благодаря соседям Сансиро увидел некоторых высокопоставленных особ. Кое-кто совсем недавно вступил в брак. Это, по-видимому, оказалось новостью для одного из соседей Сансиро, он протёр очки и, устремив на молодожёнов взгляд, восклицал: «Скажите на

⁷³ Имеется в виду *Сога-но Ирука* — сановник при дворе императора Когёку (594–661).

⁷⁴ *Суйко* — 33-й император Японии (годы правления 592–628).

⁷⁵ *Киммэй* — 29-й император (годы правления 539–571).

⁷⁶ *Оодзин* — 15-й император (годы правления 270–310). *Сёму* — 49-й император Японии (годы правления 724–749).

милость!»

По сцене мимо опущенного занавеса с другого её конца в сторону Сансиро бежал трусцой Ёдзиро. Не добежав примерно трети расстояния, он остановился у края сцены и, перегнувшись через барьер ложи, с кем-то заговорил. Сансиро присмотрелся повнимательнее. В нескольких шагах от Ёдзиро по прямой линии виднелся профиль Минэко.

Рядом с Минэко, спиной к Сансиро, сидел мужчина. Сансиро в душе молил, чтобы тот повернулся к нему лицом. Так и случилось. Мужчина встал, видимо, ему надоело сидеть, и, прислонившись к барьеру, принялся осматривать зал. Сансиро отчётливо увидел широкий лоб и большие глаза Нономии-сан и тут же заметил Ёсико, сидевшую позади Минэко. Интересно, есть ли с ними четвёртый, подумал Сансиро, но перед глазами у него темнела целая группа людей, и любого из них можно было считать четвёртым. Минэко с Ёдзиро как будто обменивались замечаниями, изредка в разговор включался Нономия.

Вдруг из-за занавеса появился Харагути. Он встал рядом с Ёдзиро и то и дело перегибался через барьер — видимо, что-то говорил. Нономия в знак одобрения кивал головой. Потом Харагути похлопал Ёдзиро по спине, после чего тот круто повернулся и нырнул под занавес. Харагути спустился со сцены и, стараясь никого не задеть, пробрался к Нономии. Нономия встал, давая художнику пройти. Харагути протиснулся между сидящими в ложе и вдруг исчез из виду как раз там, где находились Минэко и Ёсико.

Эта ложа интересовала Сансиро куда больше, нежели сам спектакль. Он позавидовал Харагути, который держался легко и непринуждённо. Сансиро счёл бы неудобным так просто, без всяких церемоний подойти к кому-нибудь. Может, последовать примеру Харагути? Но само сознание, что ему придётся подражать другому, лишило его мужества. Кроме того, его удерживала мысль, что при всём желании втиснуться туда теперь, пожалуй, будет трудно. Сансиро так и остался сидеть на месте.

Между тем поднялся занавес, и начался «Гамлет». Сансиро однажды видел у Хироты снимок какого-то известного актёра в роли Гамлета. И вот сейчас перед его глазами появился Гамлет, очень похожий на того и одеждой и лицом, даже брови были так же нахмурены.

Лёгкостью движений этот Гамлет производил приятное впечатление. Главное, он невольно и других заставлял двигаться, не то что Ирука в пьесе Но. Он так действовал на чувства зрителей, что затмевал собою всех остальных, особенно когда, стоя посреди сцены, широко раскидывал руки или устремлял взор к небу.

Говорил он, правда, по-японски. Однако переведённая на японский европейская речь сохранила ритмичность и плавность и порою текла так свободно, что казалась чересчур красивой. Этот великолепный текст Сансиро тем не менее слушал без всякого интереса. Уж очень не по-японски мыслит этот Гамлет. Вместо того чтобы сказать: «Матушка, ведь нехорошо так поступать с батюшкой», — он вдруг вспоминает Аполлона, словом, ведёт себя легкомысленно и беспечно. При этом выражение лица у матери с сыном такое, что кажется — они вот-вот заплачут. Впрочем, это противоречие не так уж сильно бросалось в глаза, и решительно утверждать, что пьеса неинтересна, у Сансиро не хватило бы смелости.

Когда ему надоел Гамлет, он переводил взгляд на Минэко. Потом Минэко заслоняли люди, и он снова начинал смотреть на Гамлета.

Сцена, где Гамлет уговаривает Офелию уйти в монастырь, напомнила Сансиро слова Хироты: «Разве может такой, как Гамлет, жениться?» По книге вроде бы не может. А вот в спектакле видимых препятствий не существует. Зачем же посылать Офелию в монастырь? Никаких причин к тому нет, поэтому Офелия и не вызывает сочувствия.

Снова опустил занавес. Минэко и Ёсико поднялись со своих мест. Сансиро вышел в фойе и увидел, что они разговаривают с каким-то господином. Тот стоял у входа в партер. Сансиро сразу его узнал и, не возвращаясь в зал, вышел на улицу.

Было очень темно, и, когда Сансиро вдруг выходил на освещённое место, ему казалось, что идёт дождь. Шелест ветра в деревьях заставил Сансиро поспешить домой.

Среди ночи пошёл дождь. Лёжа в постели, Сансиро прислушивался к его шуму, мысль его вертелась вокруг фразы: «Ты должна уйти в монастырь!» Хирота-сэнсэй, пожалуй, тоже

бодрствует. Интересно, о чём он думает? Ёдзиро наверняка размышляет о «Невзошедшем светиле».

Наутро у Сансиро немного поднялась температура, болела голова, и он решил не вставать: позавтракал в постели, ещё поспал, после сна пропотел и ощутил слабость во всём теле. Вдруг примчался Ёдзиро.

— Вчера я тебя не видел, — сказал он, — сегодня, смотрю, на лекции не пришёл, я уж заволновался, не стряслось ли чего, и вот пришёл узнать.

Сансиро поблагодарил.

— Да нет, в театре-то я был. Даже видел, как ты со сцены беседовал с Минэко-сан.

Чувство лёгкого опьянения не покидало Сансиро. Слова сами собой соскакивали с языка. Ёдзиро потрогал лоб Сансиро.

— Да ты весь горишь! Надо принять лекарство. Простудился, наверно!

— Разумеется! В театре было чересчур жарко и светло, а на улице очень холодно и темно. Куда это годится!

— Годится или не годится, ничего не поделаешь!

— Всё равно не годится!

Сансиро говорил всё бессвязней. Ёдзиро, как умел, развлекал его и вдруг заметил, что Сансиро уснул. Примерно через час Сансиро проснулся и спросил, глядя на Ёдзиро:

— Ты ещё здесь?

Сейчас Сансиро выглядел лучше.

— Ну, как себя чувствуешь?

— Голова тяжёлая, — ответил Сансиро.

— Простудился, наверно, — снова сказал Ёдзиро.

— Простудился, наверно, — словно эхо, повторил Сансиро.

Через некоторое время Сансиро спросил:

— Ты как-то спрашивал меня, знаю ли я новость о Минэко-сан?

— О Минэко-сан? Где это было?

— На факультете.

— На факультете? Когда же?

Ёдзиро никак не мог сообразить. Пришлось Сансиро напомнить ему всё в подробностях.

— Да, да, что-то такое, кажется, было, — сказал Ёдзиро.

«До чего же безответственный человек», — подумал Сансиро. Видя, как Сансиро огорчён, Ёдзиро решил вспомнить, о чём шла речь.

— Вот о чём, по-моему, — сказал он наконец. — О том, что Минэко-сан выходит замуж, да?

— Уже решено?

— Как будто бы да, но точно не знаю.

— За Нономию-сан?

— Да нет, вовсе не за Нономию-сан.

— Тогда... — начал Сансиро и осёкся.

— Ты знаешь?

— Не знаю, — ответил Сансиро.

— Ничего не понимаю, — сказал Ёдзиро, слегка наклонившись вперёд. — Странные вещи творятся на свете. Но скоро, я думаю, всё прояснится.

Мог бы сразу сказать, что за странные вещи, подумал Сансиро. Однако Ёдзиро с присущим ему хладнокровием умалчивает о них и непонятно, что кажется ему странным. Сансиро ещё немного подождал, потом разозлился и потребовал, чтобы Ёдзиро рассказал без утайки всё, что касается Минэко. Ёдзиро рассмеялся.

— Глупец ты, право, что думаешь об этой девушке, — сказал он, то ли в утешение Сансиро, то ли ещё для чего-то. — Что толку о ней мечтать? Во-первых, она тебе почти ровесница. Это только в старину влюблялись в мужчину ровесника, во времена О-Сити

Яоя⁷⁷.

Сансиро молчал. Он никак не мог понять, к чему клонит Ёдзиро.

— Ты спросишь, почему? — продолжал тот. — Сравни юношу и девушку лет двадцати. Юноша во всём ей уступает. И она его ни во что не ставит. Кому же охота идти замуж за человека, которого презираешь. Правда, таким образом девушки рассуждают редко. Если они будут считать, что в мире нет им равных, придётся жить в одиночестве. Такое часто случается с богатыми невестами. Они, правда, выходят замуж по собственной воле, но потом всю жизнь презирают своих мужей. Минэко-сан куда выше их. Она не выйдет за человека, которого не сможет уважать, как мужа. Претендент на её руку должен с этим считаться. Так что ни ты, ни я в мужья ей не годимся.

Теперь Сансиро попал в одну компанию с Ёдзиро. Однако он упорно молчал.

— Разумеется, мы с тобою обладаем куда большими достоинствами, кто бы что о нас ни думал. Но Минэко сможет их оценить не раньше, чем лет через пять-шесть. Но разве станет она ждать так долго. Стало быть, это пустой номер.

Ёдзиро почувствовал, что совсем не к месту употребил это выражение, и смущённо засмеялся.

— Что говорить, через несколько лет в Японии появятся девушки более высокого класса. Ведь женщины в избытке. Поэтому не стоит из-за них хворать и валяться с температурой... Мир велик, и причин для беспокойства нет. Говоря по правде, у меня масса возможностей, но всё до того надоело, что пришлось сказать, будто по служебным делам еду в командировку в Нагасаки.

— Это ты о чём?

— О чём? О моей девушке.

Сансиро удивился.

— Поверь, к таким девушкам тебе и близко подходить не случалось. А я отказался, заявил, что еду в Нагасаки проводить опыты с бактериями и на какое-то время нам придётся расстаться. И вдруг она говорит, что придёт проводить и принесёт яблоки, у меня аж душа в пятки ушла.

Не переставая удивляться, Сансиро спросил:

— Что же будет?

— Понятия не имею. Наверно, ждёт меня на станции с яблоками.

— Какой же ты толстокожий! Разве можно так поступать!

— Знаю, что нельзя, и её жаль, а сделать ничего не могу. Жизнь заставляет. По правде говоря, она с самого начала считала меня студентом медицинского факультета.

— Зачем же без нужды лгать?

— Тут, видишь ли, есть особые обстоятельства. Однажды я даже попал в весьма щекотливое положение, когда она заболела и попросила её осмотреть.

Сансиро это показалось забавным.

— Я посмотрел язык, постучал по груди, словом, врал что-то. Но когда она попросила разрешения прийти ко мне на осмотр в больницу, тут уж я совсем скис.

Сансиро расхохотался.

— Таких случаев сколько угодно, — продолжал Ёдзиро, — и, пожалуй, лучше всего сохранять спокойствие.

Неизвестно, что имел в виду Ёдзиро, но Сансиро развеселился.

Наконец Ёдзиро заговорил о том, какие странные вещи происходят на свете. Оказывается, предложение сделано и Ёсико и Минэко. Это бы ещё ладно. Но жених, говорят, один и тот же. Вот что странно.

⁷⁷ *О-Сити Яоя* — дочь зеленщика из Эдо, полюбившая своего ровесника, шестнадцатилетнего юношу. История их любви описана известным японским писателем XVII в. Ихара Сайкаку в новелле «Повесть о зеленщике, сгубившем ростки любви».

Сансиро показалось, что Ёдзиро решил над ним посмеяться. Правда, он собственными ушами слышал разговор о замужестве Ёсико. Но, может быть, он ослышался и речь шла о Минэко? Впрочем, разговор о замужестве Минэко совсем не походил на выдумку. Сансиро очень хотелось узнать всё точно. И Ёдзиро обещал помочь. Он скажет Ёсико, что Сансиро болен, девушка придёт его навестить, и Сансиро обо всём её спросит. Неплохо придумано.

— Так что придётся тебе пить лекарство и ждать.

— Даже если выздоровею, не встану с постели. Буду лежать и ждать.

Они посмеялись, и Ёдзиро ушёл. На обратном пути Ёдзиро пригласил к другу жившего неподалёку врача.

Врач пришёл вечером. Он стал щупать пульс, и тут только Сансиро заметил, что это молодой, очень вежливый мужчина. Видимо, ассистент, решил Сансиро. Через пять минут был поставлен диагноз — грипп. Врач велел вечером принять лекарство и следить, чтобы не продолу.

На следующий день Сансиро стало лучше, меньше болела голова. Когда лежишь, самочувствие совершенно нормальное. Только встать трудно — голова кружится. Пришла служанка и сказала, что в комнате очень душно. Завтракать Сансиро отказался, он лежал и смотрел в потолок. Временами дремал — давали себя знать температура и усталость. Сансиро даже испытывал особое удовольствие от лежания в постели, когда не надо было делать над собой никаких усилий: хочешь — спи, не хочешь — так лежи. Но, конечно, потому, что болезнь лёгкая.

Пролежав так несколько часов кряду, Сансиро заскучал и стал ворочаться с боку на бок. День был чудесный. Солнечные лучи, проникавшие через сёдзи, постепенно перемещали тени. Весело чирикали воробьи. Хоть бы Ёдзиро пришёл, думал Сансиро.

В этот момент служанка раздвинула сёдзи и доложила, что пожаловала гостя. Сансиро никак не ожидал, что Ёсико придёт так скоро. Впрочем, Ёдзиро, как всегда, проявил расторопность. С постели Сансиро не поднялся, лишь впился взглядом в открытые сёдзи. Вскоре там показалась высокая, стройная Ёсико. Прежде чем войти, она замешкалась, видимо, несколько оробела.

— Входите, пожалуйста, — сказал, приподнявшись, Сансиро.

Ёсико закрыла сёдзи и села у изголовья. Небольшая комната казалась ещё теснее от царившего в ней беспорядка — сегодня здесь не убрали.

— Лежите, прошу вас, — сказала Ёсико.

Сансиро откинулся на подушку и, исполненный блаженства, произнёс:

— Душно здесь?

— Да, немного, — спокойно ответила Ёсико без тени недовольствия. — Что с вами? Сильный жар? А врач был?

— Да, вчера вечером. Определил грипп.

— Нынче с самого утра прибежал Сасаки-сан и говорит: «Огава серьёзно заболел, пока неизвестно чем. Сходите проведите его, пожалуйста». Мы с Минэко-сан так испугались!

Опять этот Ёдзиро наболтал лишнего. Как говорится, поймал Ёсико на удочку. Сансиро огорчился и стал благодарить:

— Большое вам спасибо!

Ёсико принесла в корзинке мандарины.

— Вот, Минэко-сан велела купить, — простодушно пояснила она.

Сансиро снова стал благодарить.

— Минэко-сан просила кланяться вам, эти дни она занята и не смогла прийти.

— Видимо, чем-нибудь серьёзным занята?

— Да, серьёзным, — ответила Ёсико. Взгляд её больших чёрных глаз покоился на лице Сансиро. Глядя на очень белый лоб девушки, Сансиро вспомнил их первую встречу в клинике. Она выглядела тогда такой же грустной, как сейчас, и в то же время жизнерадостной.

— Очистить вам мандарин? — заботливо спросила Ёсико.

Она вытащила плод из зелёных листьев, в которые он был завернут. У Сансиро пересохло в горле, и он с наслаждением высосал сладкий ароматный сок.

— Вкусно, правда? Тем более что это Минэко-сан прислала.

— Спасибо, очень вкусно, только я больше не хочу.

Девушка достала из рукава кимоно платок и вытерла руки.

— Что вы решили насчёт предложения, которое вам сделали? — спросил Сансиро.

— Ничего.

— Говорят, Минэко-сан тоже сделали предложение?

— Да, всё уже решено.

— За кого же она выходит?

— За того господина, который делал предложение мне. Ха-ха! Забавно, правда? Это приятель брата Минэко-сан, А я скоро снова перейду жить к моему брату. Как только Минэко-сан выйдет замуж.

— А вы замуж не собираетесь?

— Я выйду за того, за кого пожелаю, — смеясь, ответила девушка. «Значит, пока такой человек не появился», — отметил про себя Сансиро.

На пятый день, как раз накануне воскресенья, Сансиро встал с постели, рискнул принять ванну, затем посмотрел на себя в зеркало: краше в гроб кладут. И тотчас же отправился в парикмахерскую.

После завтрака он решил пойти к Минэко. Чтобы не простудиться, надел две рубашки и пальто. У входа в дом Сансиро встретился с Ёсико, которая как раз собралась уходить.

— Хочу навестить брата, — сообщила она. — А Минэко нет дома.

Сансиро вместе с Ёсико вышел на улицу.

— Выздоровели?

— Выздоровел. Спасибо. А Сатоми-сан где?

— Кёскэ-сан?

— Нет, Минэко-сан.

— Минэко-сан пошла в церковь.

О том, что Минэко ходит в церковь, Сансиро услышал впервые. Он спросил, где находится церковь, и простился с Ёсико. Переулками он вышел прямо к церкви. В церкви Сансиро ни разу не был и представление о христианской религии имел весьма смутное. Остановившись у входа, он стал разглядывать храм. Прочитал объявление о проповедях. Походил вдоль железной ограды, время от времени прислоняясь к ней. Он решил во что бы то ни стало дожидаться Минэко.

Вскоре за плотно закрытым высоким окном послышалось пение. Наверно, поют псалмы, подумал Сансиро. Хор был мощный. Вместе со всеми, вероятно, поёт и Минэко. Сансиро стал внимательно слушать. Вдруг пение прекратилось. Подул ветер. Сансиро поднял воротник пальто и посмотрел на небо. Там плыли облака, которые так любит Минэко.

Однажды они вместе с Минэко любовались осенним небом. Это было на втором этаже в доме Хироты. В другой раз они сидели на берегу речушки в поле. Тогда они тоже были вместе. Заблудшие овцы, заблудшие овцы... Они очень похожи на облака.

Неожиданно распахнулись двери церкви, и оттуда стали выходить люди. Они словно возвращались с неба в бренный мир. Минэко вышла одной из последних. На ней было лёгкое пальто в полоску. Потупив глаза, она спускалась по ступенькам. Видимо, ей было холодно, потому что она вся съёжилась и обхватила себя руками. Так, с отрешённым видом, она дошла до самых ворот, подняла глаза и увидела толпу людей, а среди них — Сансиро, который держал в руке фуражку. Не сговариваясь, оба подошли к объявлению о проповедях.

— Как поживаете?

— Сейчас только от вас.

— Да? Тогда давайте вернёмся ко мне. — Минэко пошла вперёд, но Сансиро прислонился к ограде церкви.

— Можно поговорить и здесь. Наконец-то я вас дождался.
— Зашли бы внутрь. Замёрзли, наверно?
— Замёрз.
— Прошла у вас простуда? Надо беречься, а то снова заболите. Вид у вас нездоровый. Сансиро ничего не ответил и вытащил из кармана свёрток в простой бумаге.
— Вот деньги, которые вы сообразовали дать мне взаймы. Большое спасибо. Простите, что задержал их так надолго. Давно собирался вернуть, да всё как-то не получалось.

Минэко бросила быстрый взгляд на Сансиро, взяла свёрток и молча на него смотрела. Сансиро тоже смотрел. Несколько минут прошло в молчании. Потом Минэко спросила:

— Вам они не нужны?
— Нет, я попросил прислать из дому, специально, чтобы вернуть вам долг, так что возьмите, прошу вас...
— Ну что же, возьму, пожалуй.

Она положила пакет в карман, вытащила носовой платок и, поднеся его к лицу, продолжала смотреть на Сансиро. Потом вдруг отняла платок и поднесла его к лицу Сансиро. В нос ему ударил резкий аромат.

— «Гелиотроп», — тихо произнесла девушка. Сансиро невольно подался назад. Духи «Гелиотроп». Вечер в Хонго. Заблудшие овцы, заблудшие овцы... Высоко в небе стояло яркое солнце.

— Я слышал, вы выходите замуж.
Минэко сунула платок в карман.
— Значит, вы знаете? — В лице её не дрогнул ни единый мускул, только во взгляде, когда она прищурилась, отразилось беспокойство, оттого что Сансиро стал каким-то чужим. Впрочем, она сама была в этом виновата. Сансиро молчал.

Ещё несколько мгновений Минэко смотрела на Сансиро, потом едва слышно вздохнула и провела тонкой рукой по лбу.

— Я сознаю свою вину. Мой грех всегда будет со мной. Она произнесла эти слова очень тихо, но Сансиро отчётливо их расслышал. На этом молодые люди расстались.

Дома Сансиро ждала телеграмма от матери: «Сообщи день выезда».

13

Харагути наконец закончил портрет Минэко, и «Общество живописи» поместило его на видном месте в одном из залов выставки. Напротив поставили длинный диван, чтобы можно было сидя любоваться портретом или просто отдыхать. Словом, устроители выставки позаботились об удобстве многочисленных посетителей, устремлявшихся к великому творению. Отношение к картине было особое. Объясняли это по-разному. Во-первых, тем, что само творение было особым. Во-вторых, её названием. В-третьих, тем, что она написана с настоящей красавицы. Некоторые члены «Общества живописи» приписывали это размерам картины. Она и в самом деле была велика. Да ещё в золочёной раме шириной более чем в пятнадцать сантиметров.

Накануне открытия Харагути зашёл на выставку, чтобы лично посмотреть, как всё устроено. Усевшись на диван с трубкой в зубах, он долго смотрел на портрет. Затем резко встал, обошёл все залы, вернулся, снова сел на диван и закурил вторую трубку.

Перед «Девушкой в лесу» с первого же дня открытия выставки толпились люди. Длинный диван оказался совершенно ненужным. На нём отдыхали лишь те, кому было не до картин от усталости. Но даже отдыхая, посетители продолжали обсуждать «Девушку в лесу».

Минэко с мужем пришли на второй день. Их сопровождал Харагути. «Что скажете?» — спросил Харагути, когда они подошли к портрету. «Превосходно», — откликнулся муж,

сквозь стёкла очков рассматривая портрет. — Весьма удачная поза, и веер очень кстати. Вот что значит мастер своего дела. И лучи солнца очень удачно падают на лицо. А какое великолепное сочетание света и тени! Кажется, что выражение лица всё время меняется.

— Всё это заслуга Минэко-сан, а не моя.

— Да, нет, разумеется, ваша. — Минэко поблагодарила.

— Я тоже вам весьма признателен, — в свою очередь, поблагодарил Харагути. Мужу, видимо, было очень приятно услышать такую похвалу в адрес жены, и он просто рассыпался в благодарностях.

В первую же субботу после открытия выставки сюда пришли Хирота, Нономия, Ёдзиро и Сансиро. Первым делом они, разумеется, пошли в тот зал, где висел портрет Минэко. «Вон она, вон она», — повторял Ёдзиро. Возле картины всё время толпились люди. Сансиро в нерешительности замешкался у входа. Нономия вошёл с невозмутимым видом.

Сансиро взглянул через спины на портрет, отошёл и, прислонившись к дивану, стал ждать, пока подойдут остальные.

— Великая вещь! — воскликнул Ёдзиро.

— Говорят, он собирается продать её Сасаки, — заметил Хирота.

— Не столько мне... — начал было Ёдзиро, но, заметив, какой у Сансиро угрюмый вид, осёкся.

— С каким вкусом положены краски, — сказал Нономия. — Картина написана с большим изяществом.

— Пожалуй, даже, чересчур изящно, — заметил Хирота. — Всё-таки Харагути должен признаться, что ему не под силу написать картину с таким звучанием, как цудзуми.

— А что это за картина со звучанием цудзуми?

— Забавная картина, бессмысленная, словно звуки цудзуми.

Оба засмеялись. Они говорили только о мастерстве художника.

— Портрет Сатоми-сан, — возразил Ёдзиро, — не может получиться бессмысленным, кто бы его ни писал.

Нономия полез в карман за карандашом, чтобы сделать запись в каталоге. Но вместо карандаша вытащил листок с типографским текстом. Сансиро сразу понял, что это приглашение на свадьбу Минэко. Точно такое он нашёл у себя на столе, когда из дому вернулся в Токио. Правда, свадьба к тому времени давно уже прошла. Нономия с Хиротой, облачившись в сюртуки, ходили туда вместе.

Нономия изорвал листок и бросил его на пол. Вскоре они с Хиротой стали обсуждать другую картину. Ёдзиро подошёл к Сансиро.

— Ну как «Девушка в лесу»?

— Название неудачное.

— А ты бы как назвал?

Сансиро ничего не ответил, а про себя всё повторял: «Заблудшие овцы, заблудшие овцы...»

Предисловие НАЦУМЭ СОСЭКИ (1867–1916)

1905 год ознаменовался важным событием в литературной жизни Японии. Журнал «Хототогису» («Кукушка»), один из весьма популярных журналов конца прошлого — начала нынешнего века, начал печатать роман «Ваш покорный слуга — кот». В японскую литературу вошёл выдающийся писатель-гуманист Нацумэ Сосэки (Сосэки — литературный псевдоним. Настоящее имя писателя — Кинноскэ). Крупный литературовед, специалист в

области английской литературы, Нацумэ Сосэки лишь в тридцать восемь лет написал свой первый роман. Через одиннадцать лет писатель умер. Но за это время он создал шестнадцать романов и повестей, множество рассказов, эссе, путевых заметок, рецензий...

Одиннадцатилетний период творчества писателя называют «годами Нацумэ» — так велико было его влияние на читающую Японию, с каждым новым произведением росла слава писателя. Это объясняется не только крупным его талантом, высокой художественностью его произведений, их совершенством, но и тонким, обострённым пониманием всего, что волновало умы японской интеллигенции того времени. Новая Япония — что это такое с точки зрения духовной, моральной? Вот вопрос, разрешению которого посвятил себя Нацумэ. И ни один из современных ему читателей не мог оставаться равнодушным к творчеству писателя, честно и бескомпромиссно поставившего этот вопрос. И сейчас, через много лет после смерти Нацумэ, в Японии зачитываются его произведениями. Слава писателя не только не померкла, но, наоборот, упрочилась. Произведения Нацумэ близки и понятны сегодняшнему читателю потому, что всё или, по крайней мере, многое, против чего выступал писатель: лицемерие и ложь, отсутствие душевной чистоты, эгоизм, — все эти качества, часто в ещё более обнажённом, уродливом виде присущи японскому обществу наших дней, как были присущи ему и в начале века.

Нацумэ Сосэки — явление огромное в японской литературе. Так, как писали до Нацумэ, уже невозможно было писать после него. Японская литература благодаря его творчеству сделала качественный скачок. И если говорить о нервом писателе, который не эпигонски, не кокетничая европеизмом, но, оставаясь на прочной национальной почве, начал великое дело слияния двух потоков — литературы японской и европейской, — то есть если взять шире, сделал первый шаг не к механическому, а к органическому слиянию западной и восточной культур, то в первую очередь следует назвать Нацумэ. И не случайно все японские писатели, не страдающие «почвенничеством», от Акутагава до Абэ, считают себя его учениками.

Мы далеки от мысли в краткой вступительной статье исчерпывающе рассказать о жизни и творчестве Нацумэ Сосэки. Задача представляется нам гораздо скромнее — наметить основные вехи его творчества, обратив более пристальное внимание на три романа, составившие предлагаемую читателю книгу.

Нацумэ родился 5 января 1867 года в семье наследственного городского старшины (нануси) в Эдо (теперешнем Токио). Ко времени его рождения некогда зажиточная семья обеднела и пришла в упадок, а тут ещё бурные события — революция Мэйдзи. Отец его со страхом ждал перемен в своей судьбе, боялся, что революция вообще лишит семью средств к существованию, поэтому рождение ребёнка было встречено без всякой радости, и Кинносукэ отдали в чужую семью приёмным сыном. Так Нацумэ оказался жертвой феодальных семейных отношений. В романе «Придорожная трава», в значительной мере автобиографическом, есть слова, которые с полным основанием можно отнести к автору: «И с точки зрения родного отца, и с точки зрения приёмного отца он не был человеком. Он был скорее предметом. Но в то время, как родной отец считал его никчёмным предметом, приёмный рассчитывал приспособить его к какому-нибудь ремеслу». Однако через несколько лет приёмные родители разорились, и Кинносукэ снова оказался в родной семье.

Безрадостное детство на всю жизнь запечатлелось в памяти Нацумэ. Он часто вспоминал о нём как о непреходящем кошмаре, и это ощущение своей ненужности владело им многие годы и, несомненно, наложило отпечаток на всё его творчество. Нацумэ до боли остро ощущал значимость, ценность человека как личности, и всякое попрание человеческой личности, стремление задавить человека, вогнать каждого в прокрустово ложе общепринятых норм и догм встречало решительное неприятие писателя.

Нацумэ родился в тот год, когда произошла буржуазная революция Мэйдзи. Иногда её называют незавершённой, поскольку феодализм не развалился сразу же, как карточный домик. Но важно другое — на политическую арену в качестве господствующей силы вышла буржуазия, и то, что править страной продолжали феодалы, было второстепенным, так как и

они отражали интересы буржуазии.

Революция Мэйдзи всколыхнула страну, способствовала её бурному экономическому развитию, вывела Японию из состояния искусственной изоляции от мировой науки и культуры. Появляется новая интеллигенция, жадно впитывающая передовые идеи Запада, живо интересующаяся наукой, литературой, искусством стран Европы и Америки. Правящие классы понимают, что сохранить и укрепить национальную независимость своей страны невозможно без усвоения и осмысления всего богатства западной культуры. В Европу направляется на учёбу наиболее способная молодёжь. Интересно, что система посылки молодых людей на учёбу за границу (рюгакусэй) существовала в Японии ещё в V–VI веках, когда первые такие «рюгакусэй» были направлены в Китай для изучения догматов буддийской религии. Им-то и обязана Япония распространению в стране буддизма, что по тем временам было огромным политическим и культурным событием, способствовавшим превращению Японии в централизованное государство, развитию науки, искусства и литературы.

Итак, буржуазная революция Мэйдзи привела к тому, что Япония в первом десятилетии XX века и особенно после первой мировой войны превратилась в одну из ведущих империалистических держав. И в то же время революция не оправдала надежд, возлагавшихся на неё передовыми людьми Японии. Она не уничтожила феодализма в социальном укладе, в социальных институтах. Духовно страна жила ещё в значительной мере феодальными представлениями. Столкновение старого с новым было крайне болезненным. Зачастую буржуазные преобразования опирались на вполне феодальную почву. К слову сказать, и сегодня ещё сохранился целый ряд институтов, характерных для феодальных отношений, и не только в деревне, и не только в семье, но даже и на самом сверхсовременном производстве. Что ж удивляться их живучести в начале века?

Причудливое, часто нерасторжимое переплетение нового со старым создало специфический фон, на котором развивалось творчество писателей поколения Нацумэ. Их творчество вобрало в себя все эти противоречия и художественно отразило их. Нужно иметь это в виду, когда речь идёт о творчестве писателей — современников революции Мэйдзи, современников буржуазной перестройки Японии. Иначе понять пафос их творчества немислимо. Конфликт между романтическими картинками, которые рисовало воображение людей, ждавших, что революция откроет новую страницу в сфере духовной жизни, и действительностью — вот о чём рассказывают эти писатели, и Нацумэ в том числе.

В 1890 году, окончив среднюю школу, Нацумэ поступает на английское отделение филологического факультета Токийского университета. Ещё учась в школе и в университете, Нацумэ пишет стихи, печатает переводы с китайского языка, а также ряд самостоятельных литературоведческих исследований. Уже в них содержится мысль, что назначение литературы — «способствовать тому, чтобы в обществе царила свобода, равноправие и дружба между людьми». О том, что значила для него литература, он прекрасно сказал устами одного из своих героев в романе «Санси́ро»: литерату́ру «нельзя превращать в ремесло. Литература — движущая сила общества».

После окончания университета в 1893 году Нацумэ в течение полутора лет преподаёт английский язык в Токийском педагогическом институте, а затем уезжает в глухую провинцию, в маленький городок Мацуяма на Сикоку, где преподаёт японский язык в средней школе. Нацумэ считает, что здесь он может принести больше пользы, что здесь, а не в Токио, где и без него много Преподавателей, место человека, решившего посвятить себя просветительской деятельности.

Чтобы представить себе обстановку, в которой все эти годы живёт писатель, достаточно прочесть повесть «Мальчуган» (1906)⁷⁸. В ней Нацумэ рассказывает о судьбе юноши, попавшего в провинциальную учительскую среду с её фальшью и подхалимством,

⁷⁸ Нацумэ Сосэки. Мальчуган. Повесть. М., Гослитиздат. 1956,

со всем, что так чуждо прямому, бесхитростному «мальчугану», Подхалимы и бездушные люди не могут понять только что окончившего университет молодого учителя, который идёт к ним с открытой душой. Не может, в свою очередь, понять этих чёрствых, лишённых человеческого тепла людей и «мальчуган». Он пытается бороться за справедливость, но терпит неудачу. Выход для героя автор видит в разрыве с этой средой или, проще говоря, бегстве из школы Мацуяма, из узкого мирка людей, лишённых общественных интересов, замкнутых в смрадной атмосфере склоки, угодничества перед начальством, бездушного отношения к своим товарищам.

Именно в такую среду и попадает Нацумэ, и нужно было обладать незаурядной волей, внутренней чистотой и целеустремлённостью, чтобы не дать болоту засосать себя, не превратиться в обывателя. Несчастливой была и его семейная жизнь, хотя внешне она казалась вполне благополучной. В 1894 году он женился на старшей дочери начальника секретариата верхней палаты парламента. Тяжёлые приступы истерии, которым была подвержена жена, превратили его жизнь в сплошную цепь скандалов. Совместная жизнь супругов временами была просто невыносимой.

Ещё учась в университете, Нацумэ, как один из самых способных студентов, получал стипендию министерства просвещения. В 1900 году министерство вновь вспомнило о своём стипендиате и направило его на учёбу в Англию. Так Нацумэ стал «рюгакусэем». В сентябре он отплывает из Йокогамы и в октябре прибывает в Лондон. Начался двухлетний период его жизни в Англии. Это были годы упорного, даже, пожалуй, самозабвенного труда. Нацумэ совершенствует свои знания в английском языке, глубоко изучает английскую литературу. В течение года он работает с известным шекспироведом профессором Крейгом. Одновременно Нацумэ занимается и общим литературоведением. Результатом его литературоведческих исследований были два цикла лекций, вышедших впоследствии отдельными изданиями: «О литературе» и «Критический обзор литературы», Эпиграфом к этим работам могут служить его слова! «Я хотел с психологической и социальной точек зрения исследовать, благодаря каким причинам литература существует, развивается и деградирует». Подчеркнём: «...с психологической и социальной точек зрения...» Это чрезвычайно важно. Пройдёт несколько лет, и японские критики будут утверждать, что Нацумэ избрал позицию стороннего наблюдателя, будут отождествлять Нацумэ с некоторыми героями его романов, тем же Хирота из «Сансиро», словно забыв эти слова, не в пылу полемики, а обдуманно произнесённые писателем, словно не обратив внимания на то, что Хирота — личность трагическая и его трагедия — Нацумэ ясно это показывает — как раз и состоит в том, что он оторгнут от живой жизни, социальных бурь и потрясений, не способен войти в гущу событий.

По возвращении в Японию, в январе 1903 года, Нацумэ назначают доцентом Токийского университета, и он начинает читать курс лекций по литературе. Два года упорного труда принесли плоды. Он подготовил себя не только к преподавательской деятельности, но и внутренне созрел, как писатель, И когда редактор журнала «Хототогису» Кёси Такахама предложил ему написать художественный очерк, на свет появился «Ваш покорный слуга — кот»⁷⁹, Роман был восторженно встречен читателями. Успех его был поразителен. В течение четырёх недель разошёлся весь тираж — случай небывалый для Японии тех лет.

«Ваш покорный слуга — кот» занимает особое место не только в творчестве Нацумэ, но и в японской литературе в целом — это одно из первых сатирических произведений новой японской литературы. В своём романе Нацумэ продолжает традиции английского сатирического романа XVIII века, и, в частности, сатиры Свифта. В нём описывается жизнь школьного учителя и его окружения, хорошо знакомая писателю. Нацумэ высмеивает людей, кичащихся тем, что они коренные токийцы — «эдокко», узость их интересов, поклонение

⁷⁹ Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга — кот. Повесть. М., Гослитиздат, 1960.

сильному и третирующее слабого, высмеивает всё, что было присуще начавшей оперяться японской бюрократии. «Ваш покорный слуга — кот» — свидетельство высокого гражданского мужества писателя. Достаточно вспомнить, как кот, «горя патриотизмом», собирается сформировать кошачью бригаду и послать её на фронт — ведь идёт русско-японская война. В этом романе впервые зазвучала антивоенная тема, занявшая значительное место в творчестве писателя.

«Ваш покорный слуга — кот» проникнут злой иронией, сарказмом: «И в себе, и в моих соседях, и в учителях, и в политических деятелях — во всех я узнаю животных, — говорит кот. — Всё кругом — это только воплощения различных видов животных, приспособившихся к условиям общества XX века, ничего больше. Смеясь над ними, я тем самым смеюсь над собой, и в моём смехе есть привкус горечи. Это только жестокая насмешка над свойственным нам лицемерным желанием приукрасить себя». Роман с полным правом можно отнести к произведениям критического реализма. Однако с этим утверждением согласятся далеко не все японские критики, да и сам Нацумэ вряд ли признал бы это. В предисловии к «Пока не кончится Хиган» он писал: «По правде говоря, я не принадлежу ни к натуралистам, ни к символистам. Я также не примыкаю и к неореалистам, о которых в последнее время так много говорят. Я совсем не уверен, что мои произведения оказались бы более совершенными, если бы я всякий раз во всеуслышание объявлял себя приверженцем того или иного «изма» и тем самым привлекал к себе внимание окружающих».

Действительно ли он был так безразличен к творческому методу? Вряд ли. Японская критика совсем не случайно называла литературный отдел «Асахи», где через несколько лет после прихода в литературу стал сотрудничать Нацумэ, цитаделью антинатурализма. В этом, видимо, весь секрет выступлений Нацумэ против «измов». В те годы именно натурализм стремился заключить японскую литературу в узкие рамки канонизированных схем, что претило такому крупному, самобытному художнику, как Нацумэ. Так что его слова нужно скорее понимать как реакцию на натурализм, как реакцию на бескрылую, заземлённую прозу «личного опыта» и, в конечном счёте, на «повесть о себе». Но возникает вопрос, был ли действительно натурализм в Японии явлением, захватившим столь широкую литературную сферу, что, не преодолев его, невозможно было направить литературный процесс в русло реализма. Не боролся ли Нацумэ, выступая против натурализма, вместе с тем и против реализма также? Вопрос тем более не праздный, что часто японский натурализм («сидзэнсюги») отождествляется без всяких оговорок с реализмом на том основании, что «сидзэнсюги» далеко не то же, что европейский натурализм. В какой-то мере это верно. И в этом нет ничего удивительного. Ни одно явление, перенесённое из одной страны в другую, а в данном случае в другую часть земного шара, не может сохраниться в первоначальном, неизменном виде. Поэтому японский натурализм в чём-то, несомненно, не похож на европейский. Но исходные положения «сидзэнсюги» адекватны европейскому натурализму. Это несомненно. Вспомним, из чего исходили японские натуралисты. Родоначальник японского «сидзэнсюги» Осути Тэнгай выдвинул принцип: «Изображать так, как есть». Таяма Катай, один из наиболее последовательных представителей «сидзэнсюги», определил свой метод как «плоскостное изображение», а позже — «неприкрашенное изображение». Можно привести и слова известного в то время писателя Симамура Хогэцу: «Мы изгоняем из искусства всё развлекательное, изгоняем всё, что относится к мастерству, изгоняем всё, что относится к идеалам».

Когда мы сегодня судим о японской литературе начала века, мы можем легко отделить декларации от их воплощений в художественных произведениях. Нам совершенно ясно, что многие из деклараций писателей находились в категорическом противоречии с их творческой практикой, что их произведения часто ломали ими же установленные узкие натуралистические рамки. Как было, например, с тем же «Нарушенным заветом» Симадзаки Тосона, романом, который вполне основательно причисляется к реалистической литературе, хотя в немалой степени несёт в себе и черты натурализма. Это видно и из основной посылки

писателя о биологическом объяснении поступков человека. Так что правильнее, видимо, сказать, что в «Нарушенном завете» Симадзаки шёл к реализму, преодолевая натурализм, вопреки ему. Правда, Симадзаки не был оригинален. Глава французского натурализма Золя в лучших своих произведениях поднимался до истинного реализма. Но ведь кроме Симадзаки Тосона был ещё и Таяма Катай, который, выдвигая положение о «плоскостном изображении» и «неприкрашенном изображении», утверждал, что внутренний мир человека, внутренняя суть явлений человеку недоступны, что писатель видит только то, что лежит на поверхности, и именно это должен изображать. Любые литературные приёмы, искусство, мастерство решительно отвергались им. Причём, в отличие от Симадзаки, Таяма не только декларировал натурализм, но и воплощал свои принципы в художественных произведениях. Он довёл их до *plus ultra*, пытаясь доказать, что, поскольку писатель с полной достоверностью может знать лишь самого себя, то он и должен ограничить объект изображения самим собой. Отсюда и «повесть о себе», ставшая основным жанром творчества Таяма.

Так трансформировалась в Японии идея Золя о литературе Яичного опыта. Причём следует отметить, что, восприняв теоретические основы французского экспериментального романа, японские натуралисты зачастую выхолащивали антибуржуазный пафос французских натуралистов и в первую очередь Золя.

Повесть Таяма Катай «Постель», в которой рассказывается о любви героя-автора к своей ученице, не содержит и тени критики существующего общества. Это, по словам Симамура Хогэцу, «смелая, искренняя исповедь — исповедь человека из плоти и крови», и не более. И хотя автор обнажил свою душу и, казалось бы, бросил смелый вызов буржуазной морали, но, ограничившись показом интимных переживаний героя, не дав широких социальных обобщений, он фактически превратил её в камерное, лишённое общественного звучания произведение.

При этом не нужно забывать, что «Постель» Таяма считалась Эталоном натуралистической литературы в Японии, «повесть о себе» была декларирована основным жанром, если писатель хочет рассказать всю правду, свободную от недоговорённости и вымысла. Вспомним снова гётевского Вертера! «Всякие правила убивают ощущение природы и способность правдиво изображать её». И если уж говорить о тех, кто «убивал ощущение правды» в японской литературе, то в первую очередь следует назвать натуралистов. Всё это и заставляло Нацумэ выступать против их метода, который часто просто утрировал слабые стороны французских натуралистов.

Таким образом, Нацумэ был антинатуралистом, но отнюдь не антиреалистом.

В 1906 году выходит роман «В дороге», в котором Нацумэ проводит мысль, что невозможно изображать события, будучи непосредственным их участником. Чтобы правдиво вскрыть окружающую действительность, нужно быть беспристрастным наблюдателем, чтобы творить свободно, нужно «отрешиться от человеческих чувств». Так и поступает его герой-художник. Этот роман можно, пожалуй, воспринять как резкую реакцию на натурализм, как доведённое уже до крайности отрицание литературы личного опыта, а совсем не как кредо, не как последовательную позицию писателя. Мы увидим это ниже.

Резко противопоставлены этому роману два следующих, появившихся один за другим: «Двести десятый день» (1908) и «Пронизывающий осенний ветер» (1907), содержащие резкую критику буржуазного общества, критику социальной системы, которая ведёт к неравенству, лишает прав народ, вынуждает его жить в беспросветной нищете. Борьба за права народа, за то, чтобы дать ему хоть бы тот минимум, который бы позволил ему жить в человеческих условиях, — вот какова цель жизни. К такому выводу приходят два молодых человека — герои романа «Двести десятый день». Критика ими буржуазной действительности носит конкретный характер: герои стремятся к борьбе не против низости и глупости вообще, как, например, «Мальчуган», а против «власти золота». Герой же «Пронизывающего осеннего ветра» идёт ещё дальше — он уже борется против «аристократов и богачей». Такая позиция Нацумэ вряд ли может быть воспринята как

неожиданная — ещё в письмах из Лондона он писал, что появление в современном мире теории Карла Маркса вполне закономерно.

Через два года после опубликования первого романа Нацумэ имя его стало уже настолько известно, а произведения так популярны, что одна из крупнейших газет Японии — «Асахи» — делает ему предложение стать её постоянным сотрудником, Нацумэ долго колеблется. Он не знает, стоит ли отказываться от педагогической деятельности, то есть от прочного, обеспеченного положения, — он ещё не уверен в своих силах, он опасается, что следующие его произведения будут холодно встречены читателем. Но в конце концов Нацумэ-писатель побеждает Нацумэ-педагога, и он принимает предложение газеты. Его обязанность состоит в том, чтобы ежедневно давать в газету очередную главу своего нового произведения.

Работа в «Асахи» сыграла огромную роль в жизни писателя. Прежде всего благодаря газете, выходявшей колоссальным тиражом, имя Нацумэ стало широко известно в Японии. Кроме того, газета выработала у него дисциплину творческого труда — он знал, что ежедневно должен написать очередную главу романа.

Первым романом Нацумэ, появившимся в «Асахи», был «Полевой мак» (1907). В нём писатель выразил свои морально-этические взгляды. Он выступает за чистоту моральных принципов. Моральная гибель человека страшнее гибели физической — к такому выводу приводит читателя Нацумэ. Роман сделан блестяще по форме. В этом смысле «Полевой мак» можно рассматривать как вершину творчества писателя. Но не свободен он и от недостатков, и главный из них состоял в том, что ради занимательности сюжета и напряжённости действия — дань газете — автор иногда поступался глубиной раскрытия характеров. Известный писатель Масамунэ Хакуте, анализируя роман, писал, имея в виду схематичность некоторых образов! «Одежда сделана блестяще, но плоти нет». И всё же роман имел огромный читательский успех, поскольку ставил проблему морали; «как жить»? Роман вышел в годы, когда социалистическое движение в Японии делало свои первые шаги, когда страна была потрясена сфабрикованным властями «делом о великом предательстве», в результате которого один из организаторов социал-демократической партии Японии Котоку и его товарищи — всего двадцать четыре человека — были приговорены к смертной казни.

Действительно, это было чрезвычайно сложное время. Японская интеллигенция освобождалась от идиллической веры в то, что стремительное развитие капитализма принесёт с собой и благотворные социальные изменения. Угар от побед в двух войнах, угар надежд постепенно рассеялся, и интеллигенция увидела, что либеральный путь, по которому, как ей казалось, она так успешно и беспрепятственно движется, оборвался тупиком. К крупной социальной ломке она не была готова и остановилась перед этим тупиком в растерянности. Интеллигенция заблудилась в бесчисленных теориях и течениях, которые бурно разлились в Японии того времени и, как мощный поток, подхватили и понесли эту не приспособленную к бурям интеллигенцию в неведомое ей будущее.

Отражением такой растерянности интеллигенции, да и самого Нацумэ, были три романа: «Сансиро» (1908), «Затем» (1909) и «Врата» (1910), занявшие центральное место в его творчестве, — в них содержится вся философия жизни писателя, попытка, сразу же скажем, безуспешная, найти выход из тупика, утвердиться в жизни в качестве позитивного начала. Ниже, подробно разбирая три эти романа, мы постараемся показать, что удалось и что не удалось Нацумэ. В одном он был, несомненно, прав — высшим благом для человека является духовная свобода, и человек должен делать всё, чтобы сберечь её.

Так поступает и сам Нацумэ. В 1911 году правительство, учитывая огромное влияние Нацумэ, особенно на молодёжь, попыталось «приручить» его, присвоив ему учёную степень доктора филологии. Нацумэ в резкой форме отказался от степени доктора. Не поколебало его решения и личное письмо министра просвещения. Те же мотивы заставили его отклонить приглашение князя Сайондзи — одного из могущественных людей того времени — пожаловать в числе других крупных литераторов в его резиденцию для беседы. Нацумэ ответил, что для беседы о литературе не он должен идти к князю Сайондзи, а князь Сайондзи

— к нему.

После трилогии «Сансиро», «Затем», «Врата» Нацумэ создал ещё пять романов, и раньше, чем перейти к подробному анализу трилогии, хотелось бы хотя бы в двух словах охарактеризовать их, чтобы читатель более полно представил себе творческий путь Нацумэ.

Роман «Пока не кончился Хиган» (1912) необычен по форме. Это объединённые одним главным героем шесть новелл, причём сам герой не играет активной роли. Он наблюдатель. И перед ним разворачиваются шесть картин жизненных катастроф его друзей. Вначале полный оптимизма, радужных надежд, герой предстаёт перед нами в последней новелле глубоко разочарованным, морально убитым человеком.

Такой же по форме и роман «Путешественник» (1912), в котором Нацумэ ставит проблему семьи, где всё ещё живы пережитки феодализма, от которых страдает в первую очередь женщина. Бесправное положение женщины — традиционная проблема японской литературы, прежде всего потому, что остался неизменным взгляд на женщину как на существо низшее. Это было в XVII веке, во времена Ихара Сайкаку, сохранилось и в начале XX века, когда о женщине рассказали Такэо Арисима и Нацумэ Сосэки.

Собственник начинает господствовать в жизни буржуазного общества Японии. Эта тема была развита и углублена Нацумэ в «Сердце»⁸⁰ (1914). Инстинкт собственника, эгоизм — вот стимулы поступков человека, отравленного богатством. «При виде денег любой благороднейший человек превращается в злодея», — говорит герой. Одного из них, предавшего своего друга и приведшего его к самоубийству, мы встречаем в романе. И здесь снова Нацумэ ставит вопрос: что страшнее — смерть духовная или физическая? И отвечает однозначно — конечно, духовная. Потому-то выход для героя, уже погибшего морально, умершего как личность, он видит в одном — в гибели физической.

Такой же безысходностью проникнут и другой, во многом автобиографический роман «Придорожная трава» (1915). Лейтмотивом его могут служить слова героя: «Почти ничего в этом мире не может быть разрешено».

В последнем, оставшемся незавершённым романе «Свет и тьма» (1916) Нацумэ всё же пытается наметить выход для своих героев в поисках какого-то высшего нравственного закона, хотя несостоятельность таких поисков очевидна.

Известный японский литературовед Дзюндзо Караки писал, что, «критикуя буржуазное общество, Нацумэ не увидел класса, способного уничтожить это общество».

Но важно то, что он никогда не был безучастным хроникёром событий, что, вскрывая пороки капиталистического общества, тем самым вольно или невольно выступал активным его критиком и обличителем.

Итак, в 1908–1910 годах вышли «Сансиро», «Затем» и «Врата», которые называют обычно трилогией, хотя они не объединены общим героем. Н. И. Конрад писал, что эти романы «считаются как бы трилогией, поскольку они раскрывают единый замысел автора, дать картину последовательного увядания сил в человеке. Это делается им на примере чувства любви. В «Сансиро» изображается чистое, светлое юношеское чувство; в «Затем» — пылкая страсть зрелого мужчины; во «Вратах» — угасающее чувство пожилого человека. Но автор о этом не мирится, он ощущает это увядание как трагедию и хочет найти выход, чувствует, что нужно войти в какие-то «врата», но не решается, да и сам не знает, что за ними».

Такое понимание романов совершенно верно, если объекты любви трёх этих героев рассматривать не просто как женщин, к которым они стремятся, но как цель жизни. И тогда перед нами возникает образ: юношеское стремление и вера в будущее («Сансиро») затухает («Затем») и, наконец, рассыпается в прах («Врата»).

⁸⁰ Нацумэ Сосэки, Сердце. М., Гослитиздат, 1935.

Начиная со средневекового японского романа «Повести о Гэндзи» (XI век) и кончая романами Кобо Абэ, женщина олицетворяет нечто вечное и незыблемое, опору в жизни, которую ищет и не находит герой. И так же как неверно было бы видеть в «Повести о Гэндзи» бесхитростную историю любовных походов принца — история его поисков идеала, олицетворённого в женщине, и крушения этих поисков должна была продемонстрировать невозможность достижения идеального и неотвратимость «кармы» — расплаты за содеянное, так и трилогия Нацумэ совсем не преследовала цель рассказать историю любовных крушений. Крушений — да, но не любовных. Читатель легко убедится, что женщины в романе — чуть намеченные пунктиром образы — призваны играть роль символов, обозначающих идеал, к которому стремятся герои и который оказывается для них недостижимым. Нет, трилогия Нацумэ — это не романы о неразделённой, неудачной любви. Это романы о неудачной жизни, когда сама эпоха — стремительное движение страны в неизвестность — надломила людей, подорвала их корни, старые феодальные, полусгнившие, но всё же корни. И не дала новые. Отсюда эти мятущиеся, не находящие покоя и умиротворения натуры или холодные наблюдатели, беспрерывно рассуждающие, но не от величия и силы, а от бессилия, от неспособности понять события, объяснить их и найти своё место в жизни. И им, этим в общем-то идеалистам, противопоставлены дельцы. Они тоже не знают, во имя чего суетятся, ради чего богатеют. Богатство и счастье — они это уже начинают смутно понимать — не синонимы.

«Сансиро» — это роман о молодёжи, о жизни студентов Токийского университета 90-х годов прошлого века. Юноша, совсем ещё мальчик, только что окончивший школу в далёкой провинции, приезжает в шумный, блестящий, многообещающий Токио. Сансиро полон радужных надежд. Но постепенно его мечты, столкнувшись с реальностью, увядают. Жизнь оказывается слишком жестокой для не подготовленного к ней, когда-то восторженного, полного надежд молодого человека.

В «Сансиро» борются, точнее, противопоставлены, два начала — пассивное (Сансиро и Хирота) и активное (Ёдзиро и Нономия). Причём герои, олицетворяющие активное начало, тоже оказываются неспособными к позитивным действиям. Вся активность Ёдзиро — только видимость деятельности. Он намечает для себя лишь самую ближайшую, а иногда просто случайную, второстепенную цель. Его деятельность продиктована одним: «Всё стремительно движется вперёд, к новому. Отстанешь — пропадёшь». Вот он и старается не отстать, угнаться, но от чего не отстать, зачем угнаться — этого он не знает. Перспектива часто скрыта от него туманом. И поэтому нередко активность его оказывается даже вредной. Например, суета с приглашением в университет Хироты не только оканчивается провалом, но и наносит, несомненно, ущерб, во всяком случае моральный, самому Хироте. Так что активность Ёдзиро можно принять с ещё большим знаком минус, чем пассивность Сансиро.

Что представляет собой деятельность Нономии? Нацумэ совершенно сознательно заставляет его заниматься далёкой от практических нужд научной темой. Он изучает давление света. Кто мог в начале века без иронии относиться к подобной научной работе? Таким образом, Нацумэ хочет показать, что и деятельность Нономии тоже мнимая. Во всяком случае, работа его бесполезна. «Отрадно, что эта гипотеза никому не приносит вреда, — замечает Хирота, а художник Харагути добавляет: — И если она не подтвердится, никто не пострадает». Даже Сансиро понимает, что деятельность Нономии какая-то ненастоящая. Ведь «движение шкалы в подозрительной трубе не имеет ни малейшего отношения к реальной жизни, — думает он и вдруг задаёт себе вопрос: — Но, может быть, эта реальная жизнь несколько не интересует Нономию?»

И так же как Хирота продолжает со стороны наблюдать за происходящим, причём совсем не потому, что сам, по своей воле, избрал такую позицию как наиболее плодотворную, а потому, что Просто не знает, как и во имя чего вмешиваться в жизнь, так и Нономия пытается, но не знает, с какой стороны подступиться к науке, чтобы принести пользу людям, не представляет себе, в чём должна состоять его практическая деятельность. Он знает одно — нужно что-то делать. Но что, как — это ему неизвестно. Может быть, когда-

то, за страницами романа, он и прозреет, но пока его активность бесплодна, так же как бесплодна отстраненность резонёрствующего Хироты.

«Жил такой человек по имени Леонардо да Винчи, так он в качестве опыта в ствол персикового дерева ввёл мышьяк. Хотел, видите ли, узнать действие яда на плоды. Но кто-то поел персиков о его дерева и умер. Опасная штука! Очень опасная. Лучше не рисковать». В этих словах вся философия Хироты. Деятельность опасна, так как невозможно предвидеть последствия, к которым она может привести. Да и кроме того, во имя чего деятельность? Мир с его грязью для Хироты неприемлем — он недостаточно стерилен, недостаточно совершенен, наконец просто безобразен. Именно такой видится ему и Япония. Всё в ней плохо. И женщины некрасивы, и мужчины низкорослы. Есть, правда, гора Фудзисан, да и та рождена природой, а не является творением рук человека. Так что и ею японцам нечего гордиться. Хироте хотелось бы в один прекрасный день проснуться и увидеть обновлённую Японию, в которой царит полная гармония, где уже нет грязи, где люди — олицетворение духовного и физического совершенства. А пока этого нет, пока это утопия, стоит ли активно вмешиваться в жизнь, стоит ли стараться перестроить её? Не стоит — отвечает на этот вопрос Хирота. Очень метко назвал Хироту Ёдзиро — «невзошедшее светило». От него никому не тепло. Ему безразличен человек — вот в чём всё зло и вот где источник его поведения. И этим безразличием болен не один Хирота. Это болезнь японской интеллигенции, утверждает Нацумэ. Рассуждая о благе человечества, она просмотрела человека, крохотную и потому незаметную с высоты гуманистических теорий частицу, формирующую человечество. Нищему не подают, так как он якобы слишком назойлив. Все спокойно проходят мимо потерявшегося ребёнка, так как полицейский, несомненно, примет необходимые меры. Так убаюкивают свою совесть те, кто обязан посвятить себя служению народу. И Хирота из явления частичного, нетипического перерастает в «болезнь века».

«Заблудшие овцы» — так называли себя Сансиро и Минэко. Сансиро мечтатель, идеалист, которому жизнь наносит один удар за другим. Кто виноват в том, что, столкнувшись с грубой или, правильнее, реальной действительностью, юноши, подобные Сансиро, оказываются неспособными встретить её во всеоружии? Причин много. Но главная из них — противоречие между идеальной картиной мира, нарисованной их воображением, и реальностью. Они внутренне не готовы увидеть мир таким, каков он есть, и попытаться перестроить его. Уроки, преподнесённые жизнью, оказываются для них слишком жестокими. И происходит это в первую очередь потому, что школа не воспитывает людей, способных правильно оценить мир, в котором они оказываются. Школа — самое консервативное, оторванное от жизни учреждение, где царит косность, куда не проникают свежие веяния. Образование формализовано до предела — количество вместо качества или даже вопреки качеству. «Кому интересно знать, что словарь Шекспира состоит из нескольких тысяч слов или что у Ибсена несколько тысяч седых волос? А ведь всё это преподносят нам на дурацких лекциях!» — восклицает Ёдзиро. Вспоминаются слова выдающегося писателя Акутагава Рюноскэ, который в бытность студентом писал одному из своих товарищей: «Кроме того, нужно запомнить... когда *his* употребляется в значении *my* и сколько раз в каких актах каких пьес пользовался этим правилом Шекспир... Это ужасно». Это действительно ужасно, тем более что такая формальная, никому не нужная информация заменила раскрытие социального звучания художественных произведений, знакомство с важнейшими процессами, происходящими в мире.

Но это лишь одна сторона проблемы. Другая: школа — цитадель охранительства. Она призвана была не столько подготовить молодых людей к восприятию нового, сколько воспитать в них верных защитников старого. И конечно же, сделать из них националистов, убеждённых, что всем своим успехам Япония обязана могучему «национальному духу» — «ямато-дамаси». То есть сегодняшние успехи Японии проецировались в её божественное прошлое. Вот, оказывается, откуда черпает Япония «величие духа», вот где источник её успехов. Из года в год методически, неуклонно эти идеи вдалбливались в головы молодёжи. Нужно ли удивляться тому, что, когда жизнь убеждала их в абсурдности всех этих идей, они

ощущали растерянность, не представляя себе, что они должны разрушить — идеальную картину или не согласующуюся с ней, противоречащую ей действительность. В этом была их беда, тем более что действительность оказалась далека от идеальной. Вспомним слова старика, услышанные Сансиро в поезде:

«Вообще неизвестно, кому нужны войны. Добро бы потом лучше жилось. А то убивают твою плоть — детей. Цены растут. Ничего глупее и не придумаешь. В добрые старые времена и не слышно было, чтобы кто-нибудь уезжал на заработки. Всё война натворила».

Внешние успехи Японии и в самом деле не отражали того, что происходило внутри страны. Трудно не согласиться со словами Хироты, что ни победа в русско-японской войне, ни выход Японии в число перворазрядных государств не сделали её счастливее. И в самом деле, что это дало Японии? Если говорить о сфере духовной, то Япония даже деградировала. Это как раз и имел в виду Хирота. Мысль его удивительно созвучна тому, что мы видим в сегодняшней Японии — «экономическое чудо», с одной стороны, превратило Японию в «общество потребления», а с другой — привело к катастрофическому духовному обнищанию. И так же как Хирота не в состоянии указать выход из тупика, так же и сегодняшние японские идеологи правого толка не могут указать путь решения конфликта между человеком и буржуазным обществом, поскольку социальная перестройка общества их не устраивает. Пророчески звучат слова Хироты, который на замечание Сансиро, что, мол, «Япония всё же постепенно разовьётся», бросает коротко: «Погибнет».

Как складывается жизнь человека типа Сансиро? — этому посвящён следующий роман трилогии «Затем». Предваряя его появление в газете, Нацумэ писал: «Во всех смыслах это затем. В «Сансиро» описана жизнь студента, а здесь рассказывается о том, что произошло затем, то есть — затем. Герой «Сансиро» был прост, герой же этого романа — человек, появившийся затем, так что и в этом смысле затем. Герой романа человек необычной судьбы, и я не писал о том, что произойдёт с ним затем. Следовательно, и в этом смысле — затем».

И вот Сансиро в облике Дайскэ вступает в жизнь. Его бездеятельность в какой-то мере может восприниматься как вызов обществу, но в то же время и как растерянность, узость интересов, неспособность увидеть цель и найти в себе силы стремиться к ней. Даже если свою бездеятельность он и прикрывал неприятием действительности. Что представляет собой так называемый «просвещённый век»? Чего он требует от человека? Дайскэ не находит ответа на эти вопросы. С его точки зрения отец не прав, твердя ему, что храбрость, самоотверженность нужны во все времена. Нет, «храбрость сейчас вытеснили другие, более ценные человеческие качества», — уверен Дайскэ. Но какие качества? На этот вопрос он не в состоянии ответить. Он решил перечеркнуть всё — и добро и зло. «Трудиться ради хлеба насущного», употребляя его собственное выражение, Дайскэ считает для себя унижительным, и он убеждён, что заниматься «каким-нибудь полезным делом», к чему призывает его отец, нелепо и даже вредно в тех условиях, в которых живёт Япония.

«Жизнь теряет смысл, если не приносишь людям хоть какой-нибудь пользы», — говорит отец Дайскэ. Он и брат Дайскэ — холодные, даже, может быть, жестокие, расчётливые дельцы, прикрывающие жажду наживы рассуждениями о том, что их процветание сопрягается с процветанием Японии и, следовательно, о процветании всего народа. Вряд ли нужно доказывать ложность подобной посылки. Но такой же ложной представляется и посылка Дайскэ, убеждённого, что его бездеятельность может пойти на пользу японскому обществу.

Созерцатель Дайскэ и делец-брат оба принадлежат к потерянному поколению, обманутому в своих надеждах на новую жизнь в послеэмэйдзийской Японии. Это поколение обманутое, изверившихся по-разному сталкивается с действительностью. Одни, как, например, брат Дайскэ, поняв, что их обманули, пытаются приспособиться к реальной действительности, другие, подобные Дайскэ, противопоставляют себя действительности, но не деятельностью, а бездействием. Жизнь буквально просачивается у него между пальцами. Но Нацумэ не напрасно говорит, что в романе он не рассказывает о том, что произошло с героем затем. А это весьма знаменательно. На последних страницах романа Дайскэ предстаёт

уже совершенно иным человеком. Он нашёл свою любовь, свой идеал и благодаря этому, мы убеждены, найдёт и своё место в жизни. Во всяком случае, такой путь для него не отрезан.

Совершенно иного, до конца опустошённого, разуверившегося в себе и в жизни, героя встречаем мы во «Вратах». Его обирает семейство дяди, брат лишён возможности продолжать учёбу в университете — это, так сказать, неприятности семейные, но он встречает их в какой-то полудрёме, безразлично, без возмущения. Так же мало волнуют его и события, происходящие в стране. В Маньчжурии убили князя Ито — его и это совершенно не взволновало. Возникает вопрос: откуда у Соскэ такое безразличие, такая апатия? Ведь прежде, в молодости, он был совсем другим — решительным, энергичным. Его всё интересовало, он с удовольствием путешествовал по стране, осматривал древние храмы, развлекался с друзьями. В общем, вёл совсем не отшельническую жизнь, не отгораживался от мира, от людей. И вдруг всё рухнуло. Его беззаботной жизни пришёл конец — он полюбил девушку, сестру своего университетского товарища, и они стали жить вместе, не получив благословения родителей. Они решили устроить свою судьбу сами, нарушив вековую традицию сговора между родителями. И в их жизни всё переменялось. От них отвернулись знакомые, друзья, родные, Соскэ вынужден покинуть университет. Возмущение окружающих так велико, что и брат девушки должен уйти из университета.

Так юноша и девушка, не успев вступить в жизнь, оказываются жертвами феодальных отношений, всё ещё живых, ещё цепко держащих в своих лапах сознание людей. Происходит катастрофическое столкновение нового со старым. Блестящий молодой человек, внутренне убеждённый, что новая, послереволюционная Япония должна по-новому смотреть на отжившие традиции, решается нарушить каноны старой морали. Ему бы очень хотелось верить, что Япония начала XX века бесконечно далеко ушла от средневековья, что наступили другие времена, что цивилизованная страна должна цивилизовать и нравы. Но он одновременно понимает, что внешнее, показное катастрофически противоречит внутреннему, органическому. И хотя он сознаёт, что духовно Япония живёт ещё в глубоком средневековье, всё же решается на бунт, окончившийся катастрофой: Соска — жертва неудавшегося бунта.

Но это лишь одна сторона проблемы. Есть и другая. Почему Соскэ оказался жертвой, почему он отказался от борьбы? В первую очередь потому, что и сам он внутренне не готов к новому, психологически живёт ещё в «старой, доброй Японии». Он тоже — одна из «заблудших овец». Смутно он понимает, что новая жизнь пусть не настужь, чуть-чуть, но всё же приоткрыла ему врата. Но он также понимает и то, что дорога, ведущая во врата, не гладкая, не простая, что право идти по ней нужно завоевать, а проще, нужно самому искать эту единственно верную, единственно настоящую дорогу, а может быть, даже самому вымостить её. Войдя во врата, он найдёт там что-то светлое, прекрасное. Но найдёт ли? Не окажется ли там пустота и все поиски, все усилия его пойдут прахом? Кто ответит на этот вопрос? Рискнуть? Но он не способен на такой риск. И вот он стоит, полный сомнений, у врат, не зная, на что решиться. Он понимает, что любой ценой, даже ценой собственной гибели, должен вырваться отсюда, но не в силах преодолеть страх перед неизвестностью, раскинувшейся за вратами. Для последнего, решительного шага он не готов.

Поставив в своей трилогии чрезвычайно важную проблему человеческой личности в столкновении с набирающим силы буржуазным обществом Японии, Нацумэ так и не смог найти решения этого конфликта. Позиция стороннего наблюдателя, избранная Хиротой, есть лишь — Нацумэ это прекрасно понимает — неприятие действительности, но никак не путь решения конфликта, не средство отрицания буржуазного общества. Сродни этой позиции и бездейственность Дайскэ, и попытка Соскэ найти выход, став монахом. В монастыре царит всё та же идея Хироты — уйти от действительности. Главное — не размышлять о том, что тебя окружает, говорит наставник Соскэ монах Гидо. Покой можно обрести, лишь углубившись в себя. Другими словами, его призывают разрешить жизненные конфликты, не вмешиваясь в жизнь. Соскэ достаточно реалистически мыслящий человек, чтобы понять всю химеричность подобной идеи. Действительно, «потому ли они предаются самосозерцанию,

что на душе у них легко и спокойно, — думает Соскэ о монахах, — или, напротив, в самосозерцании обретают желанный покой»? И, уйдя из монастыря, как бы отвечает на это: самосозерцание не путь решения конфликта человек — общество. Всё же в последнем романе трилогии, во «Вратах», Нацумэ подводит своего героя вплотную к тому рубежу, за которым может лежать решение проблемы. Но беда в том, что и сам Нацумэ не знает, что находится за вратами. Вернее, удовлетворит ли его героя мир, который он обнаружит там. Ведь то, что одному кажется благом, другой решительно не приемлет. Пока ни сам Нацумэ, ни та интеллигенция, с которой мы познакомились в его трилогии, не знают, к чему стремиться, не знают, что может ждать их за вратами. Они достаточно ясно понимают, что не устраивает их в окружающей действительности, но ещё не созрели, чтобы осознать, во имя чего и, главное, как перестроить эту действительность. Вот почему и замер Соскэ перед вратами, так же замер перед ними и сам Нацумэ.

Русскому читателю, незнакому с японской традицией, восходящей к искусству дзэн-буддизма, повествование Нацумэ может показаться разорванным, фрагментарным, образы — недостаточно чётко обрисованными. И это действительно так, но происходит не от небрежности или неумения писателя, а есть выражение его эстетических принципов. Автор лишь намекает, лишь даёт толчок читательской мысли, делает читателя творцом, а не простым зрителем. Вспомните трехстишия Басё, вспомните изломанную веточку на белом фоне — здесь лаконичность не оттого, что писателю или художнику нечего сказать. Наоборот, глубокая, бездонная мысль, выраженная несколькими словами, двумя-тремя штрихами, будит ответную мысль читателя, зрителя, заставляет его рисовать в своём воображении такую богатую, такую необъятную картину, какой не создать ни в словах, ни в красках ни одному художнику. Такова эстетика искусства дзэн-буддизма. Поняв её, читатель сможет глубже проникнуть в трилогию Нацумэ.

В. ГРИВНИН

Предисловие В. ГРИВНИНА

Примечания А. РЯБКИНА

Оформление художника Ю. ИГНАТЬЕВА

Издательство «Художественная литература», 1973 г.